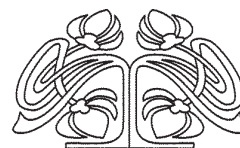

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16
ISSN 1814-733X
ISSN 1819-7671

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

Издается с 2001 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Бриленок Н. Б.** Здоровый образ жизни как социальная практика 5
- Дорошин И. А.** Ценностное фундирование религиозной активности в рискогенной реальности сетевого общения 9
- Иванов А. Г.** Проблема построения теории социальной мифологии 14
- Кирсанова Я. А.** Осмысление смерти в раннехристианской традиции 20
- Крайнов А. Л.** Экологический порядок общества в эпоху техногенных катастроф 22
- Лахонин М. В.** Теория как созерцание: к истокам формирования понятия 27
- Пилипенко Е. А.** Время в философии постмодернизма 31
- Попов Д. А.** Гуманитарные науки и постмодернистский вызов 35
- Попов Д. Н.** Интегративный подход к понятию «образ» 39
- Рахметов Р. Р.** «Вторая религиозность» в эпоху «конца истории» 43
- Сивоконь А. С.** Сеть: от метафоры к онтологической константе 47
- Секацкий А. К.** Проблема истины и безнаказанность познания 51
- Стычинский М. С.** Основные аспекты межкультурного диалога в условиях глобализации 55
- Шакирова Е. Ю.** Человек будущего: возрождение или смерть? 60
- Жилин В. И.** Принцип партийности философии: деформации и трансформации 65

Психология

- Ильиных А. Е., Асанова Н. В.** Креативность и шизотипические черты личности: специфика связи у немецких студентов нетворческих специальностей 73
- Кленова М. А.** Социальное самочувствие и смысложизненные ориентации современной молодежи 79
- Рягузова Е. В.** Социокультурный парадокс (антиномия) различения «Я – Другой» 85
- Смирнова А. Ю.** Субъективная незащищенность в сфере труда, аффективное измерение: влияние феномена на работника и организацию 90
- Усова Н. В.** Совладающее поведение в ситуации добровольной миграции 95
- Шатова Н. Д.** Прологомены к поиску рефлексорных основ рефлексии: Л. С. Выготский 99

Педагогика

- Исаев Е. А.** Моделирование поликультурной самоорганизации языковой личности студента в процессе профильно-прикладного иноязычного образования 104
- Козлов О. А.** Основные требования и направления повышения качества образовательного процесса в вузах внутренних войск МВД России 108
- Николаева О. С.** Сущность и содержание понятия «этимологическая компетенция» применительно к профессиональной подготовке студентов по направлению «Перевод и переводоведение» 112

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36014, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя и редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 16.03.2016.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,71 (14,75).
Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

статья отозвана 30.09.21

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;
- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

Brilenok N. B. Healthy Life Style as a Social Practice	5
Doroshin I. A. Value Foundation of Religious Activity in the Risk-taking Reality Networking	9
Ivanov A. G. The Problem of Constructing a Theory of Social Mythology	14
Kirsanova Y. A. Understanding of Death in the Early Christian Tradition	20
Kraynov A. L. Ecological Order of Society in the Era of Man-made Disasters	22
Lakhonin M. V. Theory as Contemplation: to the Origins of the Formation of the Concept	27
Pilipenko E. A. Time in the Philosophy of Postmodernism	31
Popov D. A. Humanities and Postmodernist Challenge	35
Popov D. N. The Integrative Approach to the «Image» Concept	39
Rakhmetov R. R. «Second Religiousness» in the Era of «The End of History»	43
Sivokon A. S. Network: from the Metaphor to the Ontologic Constant	47
Sekatskiy A. K. The Problem of Truth and the «Safety» of Knowledge	51
Stychinsky M. S. The Main Aspects of Intercultural Dialogue in the Context of Globalization	55
Shakirova E. Yu. The Man of the Future: Rebirth or Death?	60
Zhilin V. I. Principle of Party Membership of Philosophy: Deformations and Transformations	65

Psychology

Ilinykh A. E., Asanova N. V. Creativity and Schizotypal Personality Traits: Association's Specifics in Noncreative Sample (on German student's sample)	73
Klenova M. A. Social Well-being and Life-purpose Orientations of the Modern Young People	79
Ryaguzova E. V. Socio-cultural Paradox (Antinomy) Distinction between «I – Other»	85
Smirnova A. Yu. Job Insecurity, Affective Issue: the Influence of the Phenomena on Employ and Employer	90
Usova N. V. Coping Behavior in a Situation of Voluntary Migration	95
Shatova N. D. Prolegomena to Search of Reflex Bases of the Reflection: L. S. Vygotsky	99

Pedagogy

Isaev E. A. The Modeling of Multicultural Self-organization of Student's Linguistic Personality in Profession-oriented Foreign Language Education	104
Kozlov O. A. Basic Requirements and Improving the Quality the Educational Process in Higher Education Institutions of Internal Troops of the MIA of Russia retracted 30/09/21	108
Nikolaeva O. S. The Essence and Content of the Notion «Etymological Competence» Relating to Professional Training of «Translation and Translation Studies» Students	112

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

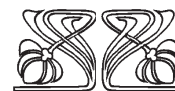
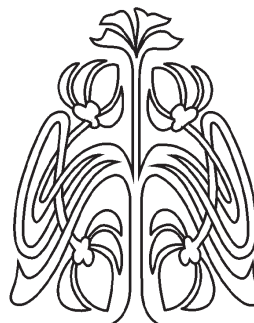
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovski A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

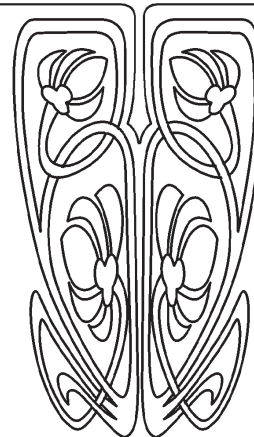
Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

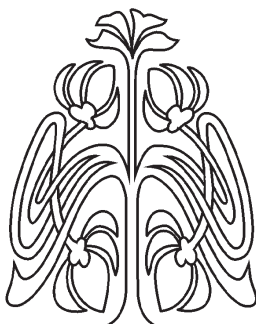
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
- Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
- Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
- Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
- Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

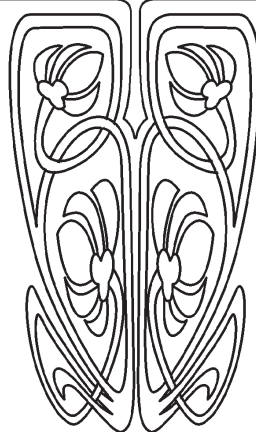
**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Bogatyrzova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Aleksandrova E. A. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	

ФИЛОСОФИЯ

УДК 13+122/129

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Бриленок Наиля Булатовна –
директор Института физкультуры и спорта,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: brilenoknb@yandex.ru

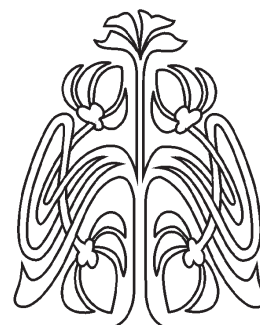
Статья посвящена социально-философскому анализу здорового образа жизни. Этот анализ проводится на основе представлений о здоровье как о синергии духовного и телесного, внутреннего и внешнего в человеке. Показывается, что подобные представления неизбежно приводят к пониманию здорового образа жизни как совместного результата множества социальных и личных практик. Выделяются объективные и субъективные условия реализации здорового образа жизни: к первым относятся здоровая социальная и природная среда; наличие сберегающего здоровье материального ресурса; существование общественной системы представлений о здоровье и здоровом образе жизни; ко вторым – осознание человеком здоровья как ценности и поддержание здоровых практик в повседневности. Философским фундаментом формирования здорового образа жизни служат принципы системности и синергии.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровье, синергия, социум, социальные практики, социальная деятельность.

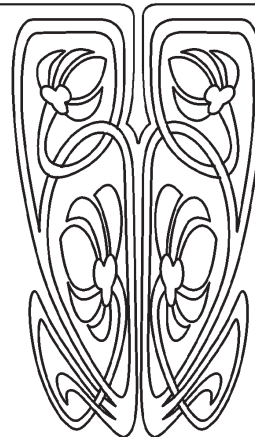
DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-5-9

Здоровье – важнейший феномен, задающий возможности и качество всякой жизни. Человеческое здоровье сегодня – не только самая значимая личная ценность, но и главное социальное достояние, без которого немислимо устойчивое развитие любого государства, поэтому важнейшей целью социального развития сегодня в нашей стране объявлено сохранение и укрепление человеческого здоровья. Социальная стратегия поддержания, укрепления и достижения здоровья, минимизации рисков для него ситуаций связана с понятием «здоровый образ жизни» [1]. Цель настоящей работы – показать, что такой образ жизни возможен только как коллективная практика, как результат совместной социальной, политической культурной и индивидуальной деятельности, в связи с чем представления о нем как о «личном деле» бессмысленны.

Прояснить, что же представляет собой здоровый образ жизни, на наш взгляд, возможно только разобравшись с онтологией самого здоровья [2]. Не секрет, что в современном мире здоровье нередко интерпретируется исключительно как физический, телесный феномен, а под здоровым образом жизни имеется в виду реализация только тех практик, которые направлены на поддержание физических возможностей человека: отказ от вредных привычек, физические упражнения, правильное питание. Однако историко-философская ретроспектива традиционных представлений о здоровье показывает, что среди множества разнообразных смыслов здоровья, существовавших на протяжении тысячелетий в философских и религиозных

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

системах, ни один не тождественен благополучию и порядку одной только плоти [2]. Если же обратиться к позитивным наукам, непреходящий интерес которых к здоровью общеизвестен, то можно обнаружить сотни различных определений здоровья [3]. Проведенный нами анализ известных смыслов и определений здоровья показал, что наиболее удачной для прояснения сущности понятия «здоровый образ жизни» представляется та группа определений, в которой здоровье рассматривается как гармония, сложное единство, синергия телесного и духовного, внешнего и внутреннего.

Подобные представления имеют глубокие религиозные и философско-нравственные основания. Хорошо известно, что здоровье как гармония человеческой жизни и существования мира трактуется в восточных религиях [4]. А в монотеистических религиях здоровье обозначается как универсальное положительное свойство мира в целом, всего существующего, как атрибут Творения. Согласно этим представлениям, здоровье изначально сопутствовало миру, мироздание было сотворено здоровым. Подобные представления и сейчас могут служить фундаментом системы принципов существования любого здорового организма и способов сохранения здоровья, поскольку единство человека и мира, микрокосма и макрокосма предполагает, что здоровая человеческая жизнь возможна только в правильно организованном социуме и в здоровой природе.

Но помимо единства человека и мира существует и еще один пласт представлений о здоровье как о синергии. Речь идет о синергии, гармонии внутри самого человека, о гармонии телесного и духовного, о единстве человека как целого. Эти представления распространены с античных времён, хорошо известно, например, высказывание Платона: «Нельзя лечить часть без целого, тело без души» [5, с. 495]. Внутреннее строение человека согласованно, все его части соразмерны – и именно в этом принцип здорового функционирования организма. Поэтому здоровье не достигается совершенствованием одного только тела или только души, но необходимы их единение и гармония: «В вопросах здоровья и болезни, добродетели и порока нет ничего важнее, нежели соразмерность или несоразмерность между душой и телом как таковыми. Душа удерживает тело, а тело – душу, препятствуя чрезмерности и сдерживая порывы, увлекающие их в хаос» [5, с. 495].

Апофеозом представлений о здоровье как о гармонии является хорошо известное греческое понятие «калокагатия» – единство блага, красоты

и мудрости в человеке, соразмерность души и тела; физическое и нравственное совершенство [6]. Внешней стороной калокагатии является красота тела, внутренней – душевное здоровье, и они согласованы между собой, невозможны друг без друга. Заметим, что калокагатия с необходимостью предполагает и поддержание определенного жизненного уклада, особую, гармоничную организацию жизни – то, что позже было названо здоровым образом жизни.

Сказанного достаточно, чтобы высказать следующую мысль: здоровый образ жизни может реализовываться только как целостная совокупность практик, с необходимостью включающая в себя и практики физического совершенствования, и оптимальную адаптацию к условиям природной и социальной среды, и духовное развитие, и социальное благополучие. А входящее в определение здорового образа жизни «качество жизни» мыслится при этом как система природных, социальных, экономических, культурных и природных условий, позволяющих человеку достичь физического, психического и социального благополучия и самореализации. Из сказанного следует определение здорового образа жизни: *здоровый образ жизни – это единство всех видов человеческой деятельности, а также природных, социальных и культурных условий, направленное на достижение максимально возможного физического, духовного, социального, развития человека.* Все эти несложные, казалось бы, размышления обнажают бессмысленность понимания здорового образа жизни как только телесных практик или как личного дела каждого. Невозможно быть здоровым, стремясь только к телесному совершенству. Нельзя становиться здоровым в загрязненной природной или социальной окружающей среде. Не получится стать здоровым в одиночку, здоровый образ жизни может быть только коллективной, социальной деятельностью. Но тогда именно как социальная деятельность здоровый образ жизни и должен формироваться. И речь идет не о призывах быть здоровым, не о малоэффективных запретах, а именно о формировании, конституировании, созидании путей к здоровью. Формирование означает существование некоторых практик, ясное целеполагание и сознательное достижение хорошо осмысленной цели. Здоровье человека в социуме невозможно без здоровья социальных систем, и то и другое должно осознанно достигаться. Именно поэтому формирование здорового образа жизни для каждого человека невозможно без целенаправленной государственной политики и целой системы согласованных социальных, политических, культурных мер, а также без

объединения усилий государства, социальных сообществ и каждого гражданина. Осознанность же предполагает ясное понимание того, что представляют собой само здоровье и здоровый образ жизни, в противном случае могут возникать либо стихийность, когда одни социальные практики исключают, «гасят» другие, либо ситуации «перекоса» в направлении достижения только физического здоровья.

Остановимся подробнее на тезисе о том, что здоровый образ жизни в принципе недостижим индивидуально, что это всегда коллективная деятельность. В силу данного нами определения здоровый образ жизни невозможен без существования неких объективных природных и социальных условий. Во-первых, речь идет о внешних, благоприятных для здоровья природных и социальных условиях. Здоровье каждого человека требует здоровой окружающей среды: природы, социальной системы, экономики, политики, культуры и т.д. И здесь мы приходим к представлениям о здоровье в онтологическом смысле, о здоровье не только живых, но и любых развивающихся систем, о здоровье как об оптимуме развития [7]. В этом смысле здоровыми или не здоровыми могут считаться любые социальные, политические, экономические, культурные сообщества, государства, природные объекты [8]. Здоровая природа дает возможность человеку наилучшим образом развиваться физически, биологически. Здоровая политическая система означает соблюдение законов, свобод, прав, недопущение всех видов нетерпимости (национальной, политической, религиозной), а значит – поддерживает нравственное здоровье. Здоровая экономика предполагает возможность существования неких социально-экономических стандартов, способствующих выполнению необходимых медико-биологических условий здоровья. Здоровье культуры способствует максимальному духовному развитию каждого человека. Уже из этого перечисления вытекает, что формирование здорового образа жизни предполагает достижение здоровья отдельных социальных систем и государства как целого, т.е. необходим комплекс согласованных практик, целенаправленная и эффективная совместная деятельность государства и социальных структур. При таком рассмотрении здоровый образ жизни в социуме не может поддерживаться отдельно взятым человеком и определяться только индивидуальным намерением быть здоровым.

Во-вторых, и это представляется очень важным, данное нами определение подразумевает необходимость существования и наличие некоего материального ресурса, без которого никакое

развитие невозможно. Конечно, для здоровья необходимо определенное биологическое основание, изначальный «запас здоровья», природное здоровье, который дается каждому человеку при рождении. Но не менее важным представляется и экономический фундамент, дающий возможность человеку нормально питаться, одеваться, иметь подходящее жилище, т.е. поддерживающий его природное здоровье. Для создания подобного ресурса требуется коллективная деятельность. Ситуация складывается так, что человек в современном социуме не может в общем случае самостоятельно создавать необходимый для здоровья материальный ресурс, поскольку многие составляющие последнего (например, строительство жилья или производство продуктов питания) давно уже являются результатами совместного труда. Сегодня всякий человек так или иначе входит в структуру общественного производства и общественного потребления, а полное отшельничество, независимость от социального ресурса практически недостижимо.

В-третьих, поддержание здорового образа жизни требует наличия системы четко сформулированных общественных представлений о здоровье, которая должна содержать максимум информации о возможностях и способах его достижения. Эта система должна формироваться на основе научных и философских изысканий, а входящие в нее представления необходимо поддерживать, тиражировать, транслировать в массы. Это невозможно сделать без пропаганды здоровья и здорового образа, без создания идеологии здоровья, без последовательного воспитания культуры здоровья. К великому сожалению, культура и идеология здоровья в России сегодня практически отсутствуют, поэтому воспитание культуры здоровья должно быть важнейшей отечественной государственной стратегией, при этом необходимо использовать весь имеющийся культурный и нравственный потенциал нации, все российские духовные завоевания. Очевидно, что все перечисленное может создаваться только как результат общественных практик.

Без этих объективных условий здоровый образ жизни невозможен, но и их достижение (а сделать это непросто!) недостаточно для его реализации – необходимо выполнение еще одного, но чрезвычайно значимого субъективного условия: речь идет о человеке, который по своей природе обладает свободой воли, способен самостоятельно выбирать стратегию развития, и здоровый образ жизни – одна из них, есть и другие. Но человек волен и не захотеть идти по пути достижения здоровья, или на пути к нему не справиться с возникающими трудностями.

Все определяется его выбором, его волей, но любом случае он вправе знать, чем угрожает ему и близким его возможное нездоровье; ему следует объяснить, что живя нездорово, он делает невозможным здоровый образ жизни и для своего окружения, в первую очередь, своей семьи, как это происходит с семьями наркоманов и алкоголиков. Поэтому формирование здорового образа жизни должно начинаться с создания у каждого человека устойчивых представлений о духовном здоровье, о единстве телесного и духовного, о бессмысленности представлений о «только физическом» здоровье, о здоровье как о благе и величайшей ценности, красоте и свободе; эти представления о нравственном воспитании возникают при воспитании культуры здоровья.

Подведем некоторые итоги: мы показали, что из тезиса о здоровье как синергии, гармонии телесного и духовного, внешнего и внутреннего, следует понимание того, что здоровый образ жизни – это синергийный результат множества коллективных (социальных, политических, экономических, идеологических, правовых, научных, культурных, педагогических) и личных практик по его поддержанию. Это значит, что бытующее представление о том, что здоровый (или не здоровый) образ жизни – это личное дело каждого, оказывается бессмысленным, поскольку индивидуальный здоровый образ жизни в принципе невозможен. Подобные результаты обнадеживают: несмотря на то, что разработка социальных программ по реализации государственной политики в области формирования здорового образа жизни, вне всякого сомнения, должна осуществляться профессионалами в области здравоохранения, философия здоровья, которая только начала создаваться в нашей стране, вполне может облегчить эту деятельность, сообщив ей некоторые организующие принципы, в данном случае принципы системности и синергии.

Список литературы

1. Афанасьева В. В., Бриленок Н. Б., Колисник И. И. Здоровый образ жизни : социальные стратегии // Философия здоровья / под ред. В. В. Афанасьевой. Саратов, 2012. С. 162–173.
2. Воробьев Р. В. Здоровье как онтологический феномен // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 19–22.
3. Калью П. И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения : обзорная информация. М., 1988. 138 с.
4. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация : философия, наука, религия. М., 1980. 333 с.
5. Платон. Тимей. Диалоги // Платон. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1998. Т. 3. С. 421–500.
6. Лосев А. Ф. История античной эстетики : Итоги тысячелетнего развития : в 8 т. М., 1993. Т. 2. 848 с.
7. Афанасьева В. В., Воробьев Р. В. Онтология здоровья. Саратов, 2013. 130 с.
8. Воробьев Р. В. Здоровье как универсальный феномен // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2013. Т. 34, вып. 1. С. 143–147.

Healthy Life Style as a Social Practice

N. B. Brilenok

Physical Culture and Sports Institute Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: brilenoknb@yandex.ru

The paper is devoted to the social and philosophical analysis of the healthy life style. The analysis is made on the basis of the concept of the healthy life style as the synergy of spiritual and corporal, of the internal and external of the human being. It is shown that this concept leads us to the understanding of the healthy life style as a result of multitude of social and personal practices. Objective and subjective conditions for realization of the healthy life style are underlined. The former include healthy social and social environment, the presence of health saving material resources and of the system of social notions about health and the healthy life style. The latter include human awareness of health as of a value and support of healthy practices in everyday life. The philosophical basis of the healthy life style are the principles of systematic viewpoint and synergy.

Key words: healthy life style, health, synergy, social medium, social practices, social activity.

References

1. Afanaseva V. V., Brilenok N. B., Kolisnik I. I. Zdorovyy obraz zhizni: sotsialnye strategii (Healthy life-style: social strategies). *Filosofiya zdorovya*. Ed. by V. V. Afanaseva. Saratov, 2012, pp. 162–173.
2. Vorobev R. V. Zdorove kak ontologicheskii fenomen (Health as an ontological phenomenon). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 1, pp. 19–22.
3. Kalyu P. I. *Sushchnostnaya kharakteristika ponyatiya «zdorove» i nekotorye voprosy perestroyki zdavoohraneniya: obzornaya informatsiya* (The essential characteristic of the notion «health» and some topics on the public health system reconstruction: a review). Moscow, 1988. 138 p.
4. Bongard-Levin G. M. *Drevneindiyskaya tsivilizatsiya: filozofiya, nauka, religiya* (Ancient Indian civilization: philosophy, science, religion). Moscow, 1980. 333 p.
5. Plato. *Timeus. History of Greek Philosophy*: in 6 vol. Ed. by W. K. Guthrie. Cambridge, 1969. Vol. 3. 569 p. (Russ ed.: *Platon. Timey. Sobr. soch.*: v 4 t. Ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Taho-Godi. Moscow, 1998, vol. 3, pp. 421–500).

6. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki: itogi tysyacheletnego razvitiya*: v 8 t. (History of the ancient aesthetics: summary of the millennium development: in 8 vol.). Moscow, 1993. Vol. 2. 848 p.
7. Afanaseva V. V., Vorobev R. V. *Ontologiya zdorovya* (The ontology of health). Saratov, 2013. 130 p.
8. Vorobev R. V. *Zdorove kak universalnyy fenomen* (Health as universal phenomenon). *Vestn. Povolzhsk. akad. gos. sluzhby* (Bulletin of the Volga Region academy for civil service), 2013, vol. 34, iss. 1, pp. 143–147.

УДК 1:316

ЦЕННОСТНОЕ ФУНДИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ АКТИВНОСТИ В РИСКОГЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ СЕТЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Дорошин Иван Александрович –

кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ivansar@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей ценностного фундирования религиозной активности в сетевом мире. Деятельность большинства ресурсов направлена на создание защитного «кольца» – массы сочувствующих некоей системе «ценностей», простых, жестких и преподносимых как реальность. Особое внимание уделяется проблеме дополнения гипертекстуального множества информации в киберпространстве аналогичным разветвлением ценностных смыслов. В большинстве случаев исследовательская установка предполагает, что религиозные ценности – это не более чем субъективные интенции. Но именно они, формируя категориальную заданность жизненного пространства, преодолевают дискретность исходных бытийных условий. Делается вывод, что в практическом отношении подобные исследования дают основание для анализа причин медленного вовлечения молодежи в социальную жизнь. В Интернете и социальных сетях гражданская нация вытесняется воображаемой национальностью, религиозная традиция – воображаемой религией, таким образом, мировоззренческие запросы остаются мощными и нереализованными.

Ключевые слова: риск, ценность, религия, общество, пространство, социальность, коммуникация, Интернет, киберпространство.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-9-14

Колонизация пространства сетевых ресурсов и киберпространства в целом предьявляет определенный вызов миссионерским традициям, поскольку для религиозных объединений освоение предполагает не подчинение и «разграбление», а прежде всего включение новой территории и ее обитателей в ценностное измерение. Внешним выражением колонизации для религиозных общностей является большее число алтарей и часовен, минаретов и куполов, а в сети – это новые цифровые форматы видео-проектов, 3D церквей и пр. Но для киберпространства подобные объекты означают не только освоение, но и децентрализацию социального пространства. В данный момент в сети запущено великое множество проектов прямо религиозных или основанных на религиозных

ценностях. Секуляризация же может представлять собой обратный процесс – централизацию власти, коммуникаций и социального измерения пространства. Единство этих процессов и определяет демократическое сообщество, тогда как сокращение числа «алтарей», передача зданий под объекты иного назначения может быть маркером движения к тоталитарному сознанию.

Апелляция к пространственному анализу не только позволяет фиксировать проблемы пространственной организации социального бытия, но и открывает перспективы осмысления практически любой сферы общественной жизни в условиях глобализирующегося постиндустриального, информационного общества [1, с. 4]. Актуален и разговор о киберпространстве. Важно отметить, что в киберпространстве целостность восприятия достигается отличным от «off-line» способом. Если в привычной реальности тысячелетиями единство достигалось, например, через совместную трапезу, то в сети ее просто нет. Может ли совместное потребление трафика на Фейсбуке стать заменой встречи за одним столом? Заменой разговора – да, но трапезы, конечно, нет. Христианское единство, к примеру, достигается за Трапезой Причастия, которое невозможно совершить виртуально. Киберобщение количественно безгранично, при этом количество удивительным образом может не переходить в качество. Ценностные топосы находятся вне этого пространства, как в примере с христианским таинством Причастия.

Вопросы ценностного единства и ценностного восприятия в сети логично трансформируются в вопрос стабильности социального пространства. Современная Россия – это самая перспективная территория, но стабильность является единственным условием привлечения инвестиций, в том числе внутренних. Сейчас не существует ни одного внятного позитивного

проекта развития или, по крайней мере, освоения киберпространства. Большая доля ресурсов превратилась в информационные стоки, а загрязнение киберпространства становится критическим. Надо помнить, что организация пространства – это коммуникативный акт, и, когда не хватает культуры, приходит цензура.

Ценностные закономерности действуют и в канализационном потоке интернет-помоек, а значит и там есть определенный «порядок». Молодежь, которая считает себя «отморозками» и законными обитателями сетевых мусорок, прекрасно ловится «рыбаками» душ на подкормку из ценностного суррогата, например, на истории о Саиде Бурятском – ликвидированном идеологе бандподполья, изображение которого узнаваемо стилизовано под известный образ Э. Че Гевары. Молодежь, потерявшая ориентиры, ищет пути локализации высших чувств и социальных запросов. Когда надоедает паразитизм, человек пытается выбрать «героический» путь. Надо сказать, что эта категория молодежи необычайно привлекательна для всевозможного подполья и подготовки массового протеста. Создается специальная идеология, которая позволяет алкоголь, наркотики, свинину и пр., если человек идет «правильным» путем. А ресурсы, как правило, расположены за рубежом, могут быть дублированы с использованием открытого протокола Твиттера, что позволяет комфортно работать со смартфона любому трудовому мигранту.

Деятельность подобных ресурсов направлена, видимо, на приобретение не столько сторонников, но и защитного «кольца» – массы сочувствующих некоей системе «ценностей» – простых, жестких и преподносимых как реальность. Ход вполне манипулятивный: все якобы знают, что реальность проста и жестока, следовательно, жесткость и простота решений означает «пребывание в реальности». Сама же «реальность» все более моделируется в сетях. Молодежь отчаянно ищет ее «на природе», пребывание в которой заканчивается лишь шашлычно-алкогольными переживаниями. Но и этот момент учтен – «реальность» на сайтах сетевого подполья вполне экологична и смахивает на реальность природы. На ее фоне и пишут видео «вожди», а камуфляжная пятнистая форма больше не прячет, а подчеркивает и намекает на «прямое» отношение к природе и «реальности». Для сети это становится аналогом истины. Таким образом, пятнистая форма оказывается объектом потребления, ценностным ориентиром и аналогом облачения священнослужителя для «шизоидного» большинства потребителей сетевой информации.

В отличие от подобного суррогата, религиозный традиционализм организован в реальных пространстве и времени совместным коммуникативным актом – чтением молитвы, при этом в него «включен» внепространственный и временной абсолютный «Субъект». Намаз предполагает вполне определенное время, часто служит именно для организации пространства, молебен в христианстве реализует определенным образом сакральное пространство, а молитва (в идеале постоянная) организует время. Буддийские идеи также предполагают охрану пространства. Как возможно освоение пространства сети при критичной для религиозного поведения трансформации восприятия пространства и нивелировании значения времени?

На первом уровне гипертекстуальное множество информации в киберпространстве дополнено аналогичным ветвлением смыслов, вторичным усложнением. Следующий уровень усложнения – ценностное множество в сетях. Персонаж интернет-помойки – это не человек с примитивным ценностным слепком реальности, субъект с ценностной «ризомой» в голове – корневищем без стебля, способным разорвать «глиняный горшок» при интенсивной подпитке. Киберпространство в ценностном отношении все более и более покрывает плотный «дерн», легко восстанавливающийся и легко поджигаемый цветными революциями. Сетевое общение ставит высшие социальные запросы служения рядом с интернет-помойкой, наркотизацией и алкоголизацией, как стоят рядом любовь и ненависть. Если «потребленец» нацелен брать все, то обращенный «потребленец» может логично требовать отдать все. Другими словами, при сохранении ценностной «ризомы» это будет лишь «отчужденное» требование «брать от жизни все», но не для себя лично, а «для людей», ради «справедливости» и т.д.

Большая часть сетевого действия состоит в симуляции общения, одностороннем нарциссическом интернет-«общении» – это интернет-серфинг, лишенный восприятия времени, а значит – ценностного измерения в привычном нам смысле. События обратимы, т.е. ценностно незначимы. Обратимость становится нормой и привносится в реальность. Религиозные традиции, как правило, не предполагают возможности вернуться после промаха в исходное состояние, каким бы горячим ни было желание человека: он либо падает еще ниже, либо сверхъестественным усилием восходит на ступень выше. Бывший разбойник на кресте никогда не сможет стать просто хорошим соседом или добрым товарищем, но попадает в Царство небесное. Действие же в

виртуальных сетях – это постоянная попытка вывернуть наизнанку маску-персоны: это – кусочек киберпространства («маска»), в котором я авторизовался («имя») и с которым себя ассоциирую, в нем течет время моего восприятия («персона», через которую струится звук). Задача освоения пространства актуальна и реализуется, тогда как восприятия времени нет, остается движение исключительно на плоскости, лишенное топов, – лишь заданная горизонталь. «Колонизация» времени предполагает, как правило, ценностное религиозное поведение. Восприятие пространства без понимания ценности времени, попытки остановить мгновение – какими бы прекрасными они ни были – заканчиваются одним и тем же: приходит Мефистофель, жизнь заканчивается, начинаются круги преисподней.

Современное общество стремится подчинить жизнь человека функциональным императивам безличностных структур [2, с. 31], а «архаические начала питают криминализацию» [3, с. 5]. Ценность возникает как «взаимодействие внешних явлений и потребностей человека» [4, с. 38]; аналогично П. Бурдьё заявляет, что «структура социального пространства проявляется <...> как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства» [5, с. 36]. Ценность предполагает, таким образом, категориальное освоение, причем измерение «моим» временем «внешнего» пространства, но при одном условии – я это делаю вместе с «другим» субъектом. Принципы, на основе которых человек согласует свое «путешествие» в пространстве, растрату или «вложение» своего времени – любовь, справедливость, игра, обмен, страх, сострадание, порождают конкретную культуру отношений во времени и цивилизационную форму в пространстве. «Модернизация, – пишет Ю. Хабермас, – как раз охватывает не только средства сообщения, хозяйство и управление, но и жизненные отношения в целом, социокультурные жизненные формы» [6, с. 86]. Чтобы ценностная матрица реально упорядочивала социальное пространство, совокупность ценностей должна быть, конечно, органичной. Но говорить о ценностной упорядоченности рискогенной реальности в привычном смысле не приходится. Как следствие этого, субъективный аспект конституирования социального пространства часто играет определяющую роль: появляется приоритет движения в принятии решений, в понимании алгоритмов религиозного поведения и религиозной общности, особенно если институциональные предложения противоречивы, то субъект делает выбор

на основе религиозных алгоритмов – выживания и сохранения жизненного пространства.

При условии частичного совпадения представлений о мире, ценностей и опыта [7, с. 75] большинства появляется следствие – институт. Социальные институты представляют собой кристаллизацию непрерывно происходящего «метаболизма» [8, с. 131] в социальной среде (прежде всего, обмена информацией). Л. П. и Р. Н. Евстигнеевы институционализм связывают с индивидуализацией общественного существования человека и приоритетом личности в развитии общества [9, с. 10]. Гораздо ближе, как представляется, к истине категория сверхколлективного, на которой основана концепция В. М. Быченкова [10]: сверхколлективное у него – социальное установление и социальное образование, которое выступает субъектом общественных отношений и действий. Важно, что социальный институт является не суммарным и усредненным коллективным образованием, а сверхколлективным: «В своей предельной абстракции, отвлеченности <...> институт-образование есть не более чем фикция, но фикция, признаваемая людьми в качестве реально существующего начала <...> Но хотя институт-образование есть как бы ничто сам по себе <...> он мыслится существующим и существующим именно в своем субъектном качестве, являя собой нечто, способное приобретать свойства, образующие в совокупности субъектность» [10, с. 266]. Таким образом, социальная субъектность, как можно предположить, может оказаться «двойным дном» для ценностных ориентаций человека. Здесь проявляется интересное свойство религиозного поведения – способность к интериоризации: система воспринята как собственное ценностное измерение, она становится фундаментом «внутренней» религиозности. В реальной практике («off-line») при этом происходит динамичное ценностное «обновление» – двустороннее движение «оживания» ценностных алгоритмов в действии субъекта ценностных отношений. Система религиозной социализации приводит к тому, что вырабатываются паттерны «внутренней» религиозности, в противном случае ценностные координаты будут институционально опосредованными: институализированная ценность становится нормой.

Таким образом, в социальном пространстве можно выделить три ступени ценностного поведения: 1) ценность имманентна индивиду; 2) ценность социальной общности или объединения – она трансгранична; 3) сверхколлективный источник ценностных ориентаций трансцендентен по отношению к индивиду.

«Гиперметаболизм» сетевого общения и крайний индивидуализм действия разрушительно действуют на социальную среду и институциональную перспективу. Разрушение одной ступени ценностного поведения ставит под сомнение достижимость следующей или значимость предыдущей.

В социальной жизни субъект оказывается в поле действия сразу нескольких институциональных образований или их частей, каждая из которых предлагает свои правила и логику построения социального бытия, что и является основанием для риска. Все это справедливо и для ценностных потоков, перекресток которых оказывается местом встречи со многими неожиданностями и вызовами – от бытового до бытийного, от вопроса личной культуры поведения до цивилизационного выбора. «Существенное повышение массовости и устойчивости неправых социальных действий, по сути, означающее их превращение в неправо-вые практики, придает либеральным по форме правам принципиально иное социальное содержание» [11, с. 7]. Субъект – коллективный или индивидуальный – имеет возможность выбора ценностного содержания, но фактически не имеет возможности избежать риска перехода ценностных границ того или иного уровня, границ «презумпции виновности» [12, с. 90], ценностной грани «рискогенной реальности» [13, с. 154]. В такой ситуации набирают вес и популярность «неформальные» институты, производные от социальных сетей, где существование ценностей принципиально иное.

Во внеинституциональной сфере ценностных ориентаций в более выгодном положении оказываются новые религиозные движения. Это основание для определенного риска в принятии решений. Роль институционализированных религиозных «движений» в конструировании социального пространства также не является однозначной. Ценностное ориентирование традиционных религиозных институтов можно сравнить с плановым хозяйствованием, тогда как иные формы и образования предполагают сугубо утилитарные схемы. Субъективное динамическое фундирование институциональной активности формируется на основе ценностей.

В большинстве случаев исследовательская установка предполагает, что религиозные ценности – это не более чем субъективные интенции, а онтологический статус их весьма условен. Но именно эти «интенции» в большинстве случаев, формируя категориальную заданность жизненного пространства, преодолевают дискретность

исходных бытийных условий. Обусловленность большинства религиозных практик рекурсивным характером человеческой деятельности и востребованность многими из общего объема самых противоречивых вероисповеданий тем не менее логически не означает условности онтологического статуса. В данном случае новые институциональные установки способны гармонично вписаться в ценностные и даже активизировать их. Получается что-то наподобие *институционального тела*, которое актуализируется при минимизации или полной утрате способности чувствовать границы собственного тела, внешнего и внутреннего: «Внутренний образ <...> перестает быть точкой ориентации и начинает распадаться, как только воспринимаемое захватывает воспринимающего» [14, с. 28]. Риск религиозного сетевого поведения прост – превращение не в религиозного субъекта, а шизосубъекта, который активно демонстрирует схожее с религиозным или называемое религиозным поведение (из-за схожего категориального смещения) вне ценностной «калибровки».

Возможная выработка матриц религиозного поведения, таким образом, не будет калькой с известных смысловых конструкций «церковь–секта–культ» и др. при внешнем сходстве наименований. Выработанные для первичной типологии религиозной культуры парадигмальные оппозиции могут быть значительно дополнены. Практическая значимость подобных исследований заключается в том, что они дают основание для анализа причин медленного вовлечения молодежи в социальную и экономическую жизнь. В Интернете и социальных сетях нация вытесняется воображаемой национальностью, религиозная традиция – воображаемой религией, а государство и власть – уродливыми шаблонами из оппозиционных СМИ. Мировоззренческие запросы остаются мощными и нереализованными.

Профили риска необходимо постоянно пересматривать, как говорил Э. Гидденс [15, с. 9]. Профиль риска современности необходимо включает реструктуризацию человеческих ресурсов. Механизм локального контроля может обрушиться, погребая под собой всех, кто так или иначе использовал эти ресурсы. При этом социальная динамика глобального мира становится чрезвычайно интенсивной именно благодаря возрастанию рисков [16, с. 87]. Ресурсный поиск в социальном пространстве оказывается решающим фактором в конструировании современной научной картины рискогенной реальности. Религиозная система, таким образом,

может быть рассмотрена во времени как традиция, транслируемое мировоззрение, поскольку понятие мировоззрения позволяет ухватить особенности «неоднородного» явления, что отвечает задаче философского исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Религии в обществе риска: религиозный фундаментализм и киберпространство» (№ 14-33-01216).

Список литературы

1. Тихонова С. В. Человек в пространственных структурах глобального социума : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2003. 24 с.
2. Стеклова И. В. Ценности и современная научная парадигма // Современная парадигма человека. Саратов, 2000. С. 31–35.
3. Федотова В. Г. Всей страной нам уехать некуда. Четыре причины криминализации России в 90-е годы // Известия. 1999. № 4. С. 5.
4. Барышков В. П. Ценностный человек : к основаниям определения // Современная парадигма человека. Саратов, 2000. С. 38–41.
5. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. 336 с.
6. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1992. 175 с.
7. Казанцев А. А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // Полис. 2003. № 1. С. 74–81.
8. Дридзе Т. М. К преодолению парадигмального кризиса в социологии // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 8–17.
9. Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Экономическая глобализация и постмодернизм // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 5–14.
10. Быченков В. М. Институты : сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М., 1996. 975 с.
11. Заславская Т. И., Шабанова М. А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 5–24.
12. Бляхер Л. Е. «Презумпция виновности». Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 77–91.
13. Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски : ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. 184 с.
14. Подорога В. Феноменология тела. М., 1995. 344 с.
15. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 101–122.
16. Орлов М. О. Социально-политические факторы динамики глобальных процессов // Власть. 2008. № 8. С. 84–88.

Value Foundation of Religious Activity in the Risk-taking Reality Networking

I. A. Doroshin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: ivansar@mail.ru

The article considers the characteristics of the value of foundation of religious activity in a networked world. The activities of most resources is aimed at creating a protective «ring». This mass of people who sympathize with certain values, which is presented as reality. Special attention is paid to the additions a plurality of information in the form of hypertext in cyberspace the same branching value meanings. In most cases, the research setting suggests that religious values are no more than subjective intention. But they overcome the discreteness of the original existential conditions, forming categorical predetermination of living space. It is concluded that the practical importance of these studies is that they provide a basis for the analysis of braking youth involvement in social life. Civic nation is displaced imaginary nationality in the Internet and social networks, religious tradition supplanted by an imaginary religion and state power is displaced and malformed templates from the media, thus, worldview requests remain powerful and unfulfilled.

Key words: risk, value, religion, society, space, sociality, communication, internet, cyberspace.

References

1. Tikhonova S. V. *Chelovek v prostranstvennykh strukturakh globalnogo sotsiuma*: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk (People in the spatial structures of the global society: abstract of the thesis of the PhD of the phil. sciences). Saratov, 2003. 24 p.
2. Steklova I. V. *Tsennosti i sovremennaya nauchnaya paradigma* (Values and the modern scientific paradigm). *Sovremennaya paradigma cheloveka* (The modern paradigm of human). Saratov, 2000, pp. 31–35.
3. Fedotova V. G. *Vsey stranoy nam uekhat nekuda. Chetyre prichiny kriminalizatsii Rossii v 90-e gody* (Through-out the country we have nowhere to go. Four reasons the criminalization of Russia in the nineties). *Izvestiya* (News), 1999, no. 4. P. 5.
4. Baryshkov V. P. *Tsennostnyy chelovek: k osnovaniyam opredeleniya* (Value people: to the grounds determination). *Sovremennaya paradigma cheloveka* (The modern paradigm of human). Saratov, 2000, pp. 38–41.
5. Burde P. *Sotsiologiya politiki* (Sociology policies). Moscow, 1993. 336 p.
6. Khabermas Yu. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost. Moskovskie lektsii i intervyyu* (Democracy. Mind. Morality. Moscow lectures and interviews). Moscow, 1992. 175 p.
7. Kazantsev A. A. *O kognitivno-neoinstitutsionalnom podkhode k izucheniyu mezhdunarodnykh otnosheniy* (On cognitive-neoinstitutional approach to the study of international relations). *Polis* (Polis), 2003, no. 1, pp. 74–81.
8. Dridze T. M. *K preodoleniyu paradigmalnogo krizisa v sotsiologii* (To overcome the paradigmatic crisis in so-

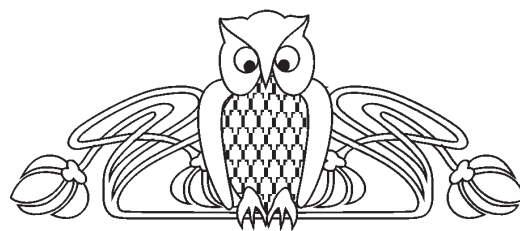
- ciology). *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social Sciences and modernity), 2000, no. 5, pp. 8–17.
9. Evstigneeva L. P., Evstigneev R. N. Ekonomicheskaya globalizatsiya i postmodernizm (Economic globalization and postmodernism). *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social Sciences and modernity), 2000, no. 1, pp. 5–14.
  10. Bychenkov V. M. *Instituty: sverkhkollektivnye obrazovaniya i bezlichnye formy socialnoy subektnosti* (Institutions: supercollective formations and impersonal forms of social subjectivity). Moscow, 1996. 975 p.
  11. Zaslavskaya T. I., Shabanova M. A. Sotsialnye mekhanizmy transformatsii nepravovykh praktik (Social mechanisms of transformation of non-legal practices). *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social Sciences and modernity), 2001, no. 5, pp. 5–24.
  12. Blyakher L. E. «Prezumpsiya vinovnosti». Metamorfozy politicheskikh institutov v Rossii («Presumption of guilt». Metamorphoses of political institutions in Russia). *Pro et Kontra* (Pro et Contra), 2002, no. 3, pp. 77–91.
  13. Ustyantsev V. B. *Chelovek, zhiznennoe prostranstvo, riski: tsennostnyy i institutsionalnyy aspekty* (People, living space, risks: value and institutional aspects). Saratov, 2006. 184 p.
  14. Podoroga V. *Fenomenologiya tela* (Phenomenology of the body). Moscow, 1995. 344 p.
  15. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge, 1990. 640 p. (Russ. ed.: Giddens A. Posledeystviya modernity. *Novaya industrialnaya volna na Zapade*. Moscow, 1999, pp. 101–122).
  16. Orlov M. O. Sotsialno-politicheskie faktory dinamiki globalnykh protsessov (Socio-political factors the dynamics of global processes). *Vlast* (Power), 2008, no. 8, pp. 84–88.

УДК 101.1

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Иванов Андрей Геннадиевич –

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал)
E-mail: agivanov2@yandex.ru

В статье предпринимается попытка создать систему современной социальной мифологии, используя социально-философский категориальный аппарат. В эту систему включаются онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, прагматологическая части. Для иллюстрации, с одной стороны, присутствия мифологических компонентов в обществе и, с другой – институционализации феноменов общественной жизни в частях системы социальной мифологии вводится термин «концептуальное понятие – аттрактор мифологического». Приводятся примеры, демонстрирующие функционирование социальной мифологии в современном обществе. Фиксирование социальной мифологии в качестве системы может стать первым шагом на пути построения соответствующей теории.

Ключевые слова: система социальной мифологии, концептуальное понятие – аттрактор мифологического, этиологический миф, мифологические ценности, мифо-ритуальные практики.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-14-19

В социальных науках в последнее время часто обращаются к феномену социальной мифологии. Более того, можно сказать, что на изучение социальной мифологии сформировался общественный запрос. Между тем современная социальная мифология является неинституционализированной, размытой в обществе. Мешает

институционализации то обстоятельство, что в современном мире всё динамично, и каждый новый момент дает возможность построения своей социальной мифологии, т.е. социальная мифология в данном смысле схожа с модой. В то же время социальная мифология предоставляет человеку некий набор схем, алгоритмов поведения, в соответствии с которыми ему легче дополнить картину мира.

«Миф всегда связан с чувственно-эмоциональным отражением действительности. А это значит, что он имеет непосредственный характер. Мифологическая картина мира поэтому всегда в известной мере ситуативна, как бы привязана к данному моменту времени. Она не может проецироваться ни в прошлое, ни в будущее. Но ведь объекты, на которые прежде всего направлен миф, это крайне подвижные и динамичные образования, – процессы в обществе изменяются крайне быстро. Поэтому мифологическая картина мира очень скоро превращается в не соответствующую действительности фантазию, в связи с чем адаптация человека к новым нестандартным условиям с

помощью мифа оказывается крайне ситуативной, хотя в тех или иных случаях может быть очень эффективной <...>

Фактически ситуация складывается так, что мифические представления, сформированные в тот или иной момент времени, начинают проецироваться на изменившиеся объекты» [1, с. 30–31].

Мифология фрагментарно присутствует в эстетической, этической, политической, экономической сферах общественной жизни, причем в них содержатся некоторые мифологические составляющие, восходящие еще к архаическим представлениям. Также затрудняет создание стройной теории социальной мифологии то обстоятельство, что практически из всех сфер общественной жизни в настоящее время изгнаны архаические мифологические составляющие (есть «квазимифы», требующие отдельного рассмотрения). С распространением сначала религии, а затем и науки появились новые, преимущественно социальные мифы, уже качественно отличающиеся от постепенно вытесняющихся из общественной жизни архаических мифов. В таких социальных мифах содержалось уже гораздо больше рациональных компонентов.

Один из способов построения теории социальной мифологии заключается в создании системы социальной мифологии, что, как минимум, позволит составить пусть идеальное, но представление о социальной мифологии.

Система социальной мифологии будет представлена состоящей из следующих частей: онтологической, гносеологической, аксиологической, праксиологической. Для того чтобы зафиксировать присутствие социальной мифологии в обществе и проиллюстрировать содержание компонентов её системы, предлагаем ввести следующий термин: «концептуальное понятие – аттрактор мифологического» (далее – КП–АМ или аттрактор). Именно через КП–АМ можно будет определять, что из общественных явлений и процессов является мифологическим или содержит мифологические составляющие, а что – немифологическим. Далее рассмотрим содержание частей системы социальной мифологии и соответствующих аттракторов.

Составляющие онтологической части следует рассматривать в двух аспектах: структурном и динамическом. Первый – это, прежде всего, представления о части и целом, об их соотношении. Здесь в качестве аттракторов могут выступать тотемы, фигуры сакральных лидеров, жрецов, различные медиаторы, лица, обладающие символическим капиталом: «Министр или пастор, посланник церкви или посланник государства состоят в метонимическом отноше-

нии с группой; являясь лишь частью группы, посланник действует как знак, замещающий целую группу» [2, с. 42].

К динамическому аспекту мы отнесем представления о причинно-следственной связи, о пространстве и времени. Аттракторами представлений о причине и следствии являются такие актуализации социальных практик обмена, мести, потлача, реципрокности (взаимности), как жертва, дар. Результатом происходящего при обмене является не столько выражение взаимного расположения или великодушия, сколько признание другого как такового. Необходимость такого признания характерна как для традиционных, так и для современных обществ. В одной из своих работ К. Леви-Строс [3] описывает церемониал подачи вина в ресторанах юга Франции, где предложение друг другу вина соседями по столу позволяет им продемонстрировать хорошее взаимное расположение с возможностью дальнейшего разговора, т.е. стакан вина оказывается социальным фактом, символически значительным. На наш взгляд, такой пример иллюстрирует современное функционирование принципа реципрокности.

Также можно привести примеры, когда обмен принимает крайние формы, доходящие до уничтожения предложенных даров. Таковую форму М. Мосс предлагает называть «потлач» (термин взят из практики подобных случаев у индейцев северо-западного побережья Америки): «Дабы ответить на изначальный подарок солнечной энергии, человек должен вступить в потлач с Солнцем, из которого он может выйти только проигравшим. Источником принуждения делать, принимать и отдавать подарки, описанного М. Моссом, является, по Ж. Батаю, бессознательное воздействие силы Солнца, с которой нельзя вступить в переговоры. Если человек на потлаче не отвечает Солнцу ответным даром, то есть своим самопожертвованием, он против своей воли расходует, уничтожается посредством избытка солнечной энергии» [4, с. 132]. «Потлач» в настоящее время возможен в случае принесения человеком себя в жертву каким-то идеям.

Аттракторы представлений о пространстве и времени непосредственно связаны с делением бытия на сакральную и профанную сферы и со степенью структурированности континуума. Соответственно, в случае с представлениями о пространстве мы будем говорить о дихотомиях центр–периферия и космос–хаос, в случае с представлениями о времени – о времени отправления социальных ритуалов перехода (рождения, инициации, брака, смерти) и о календарных праздниках.

В последнее время в литературе получили широкое распространение очерки, в которых объектами мифологизации предстают различные, часто столичные, города, олицетворяющие собой центр и, соответственно, космос (порядок) вышеуказанных дихотомий (например, «Московский миф» Д. М. Володихина, «Гений места» П. Вайля и др.). Представим фрагмент текста «Париж – современный миф» из главы «Миф и общество» работы Р. Кайуа «Миф и человек», где отмечается, каким образом миф оказывает влияние на каждого человека и какую существенную роль в этом играют произведения искусства. Автор отмечал, что «существует некое представление о большом городе, столь сильно действующее на воображение, что практически никогда не ставится вопрос о его достоверности, – представление, созданное из разнообразных книжных материалов, но настолько широко распространенное, что ныне оно составляет часть психологической атмосферы коллектива и потому обладает известной принудительной силой. Здесь уже узнаются черты мифических представлений.

Этот переход городских декораций в эпическое достоинство, когда реалистическое изображение вполне определенного города, теснейшим образом связанного с повседневной жизнью читателей, вдруг воспарило в фантастику, не ускользнул от внимания историков литературы. Его отмечают в первой половине XIX века, когда внезапно начинает повышаться тон, как только на сцене появляется Париж» [5, с. 122].

Составляющие гносеологической части следует рассматривать на трех уровнях. Первый – это свойственное архаическим, традиционным обществам мифомышление с присущим ему синкретизмом. Этот уровень можно было бы вывести «за скобки» рассмотрения, если бы не стремление к поиску архаических, мифических компонентов в содержании современной социальной мифологии, в сознании современного человека. Второй уровень – это так называемое мифопоэтическое мировосприятие, проявляющееся в художественных сферах (музыке, поэзии, литературе, моде). И, наконец, третий уровень, самый важный для понимания социальной мифологии, – мифологическое сознание: «Этой форме общественного сознания присущи процессы, получившие названия мифотворчества (запечатление природного и человеческого бытия в виде мифов, построение мифических сюжетов) и мифологизации (наделение чего бы то ни было мифической образностью)» [6, с. 31].

Определяющее значение для выделения аттракторов гносеологической части (представляет интерес, прежде всего, третий уровень) имеют

степень рационализации (рефлексии), временной (прошлое, настоящее, будущее), а также эмоциональный (иллюзии, мифологемы) факторы.

Процесс постепенной рационализации компонентов системы социальной мифологии заслуживает отдельного изучения.

Рассматривая эмоциональный фактор, следует отметить, что на Западе в настоящее время весьма популярно психоаналитическое изучение мифа, о чем свидетельствует большое количество соответствующих публикаций. К так называемой психоаналитической теории мифа с той или иной степенью условности можно отнести таких известных специалистов в области мифов, как Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде и др.

Такие термины, как «мифологема» (впрочем, как и термин «идеологема»), архетипы и пр. тесно связаны социальным мифом и активно используются сторонниками психоаналитической интерпретации смысла мифа. В частности, известный юнгианский аналитик Дж. Холлис следующим образом определяет мифологема: «Мифологема – это мифическая идея или мотив. Несколько мифологем, соединенных в единое повествование, создают миф» [7, с. 10]; и далее: «“Мифологема” – это отдельный фундаментальный элемент или мотив любого мифа. Мотивы вознесения или погружения являются мифологемами. Странствие героя воплощает две мифологемы: героя и странствия, каждая из которых имеет свое характерное происхождение и свое отдельное значение, и вместе с тем, взаимодействуя синергетически, они увеличивают масштабность друг друга» [7, с. 16].

Отдельно следует отметить инструменты перевода мифологического знания на научный язык, средства объективации мифов – имя, символ, изучение которых представляет собой крупное направление научного изучения мифа.

Для лучшего понимания гносеологической части системы социальной мифологии необходимо рассмотрение социального мифа с точек зрения, как минимум, трёх субъектов: живущего мифом (мифичный), создателя мифа (мифотворец), критика мифа (мифолог). Такое понимание социального мифа сразу актуализирует несколько проблем – субъекта и объекта познания; означающего и означаемого; первичной и вторичной мифологии.

Для мифичного социальный миф является безусловной реальностью, неотъемлемой частью его картины мира; миф определяет здесь онтологические основы. Мифотворец акцентирует внимание на целях социального мифа и степени его принятия аудиторией (количестве мифичных относительно конкретного мифа), он, в некото-

ром смысле, определяет этические аспекты мифа. Для мифолога определяющее значение имеют эпистемологические аспекты, средства познания социального мифа: комбинации различных теорий мифа, теоретические и эмпирические методы исследования – он ищет «истину мифа».

Целостное познание социального мифа неизбежно включает все три позиции. Наличие веры, иррациональных составляющих свидетельствует о том, что субъект познания живёт мифом. При столкновении с социальным мифом субъект одновременно создаёт свой собственный миф о социальном мифе, что говорит об активации мифотворческой точки зрения («feedback»). И, наконец, субъект познания, приняв социальный миф, встраивает его в свою картину мира, основанную на рациональности.

С одной стороны, каждый субъект познания содержит в себе возможности проявления любой точки зрения (мифического, мифотворца, мифолога), касающейся конкретного социального мифа. С другой стороны, сферы знания о социальном мифе могут быть мифогенными в большей или меньшей степени. Так, по мнению К. Леви-Строса, сегодня история является единственным доменом знания, имеющим то же устройство, что и миф: «история обладает примерно той же ценностью, какую миф имел в архаическом обществе» [8, с. 68]. На наш взгляд, к таким «доменам» в настоящее время, с определённой степенью условности, следует также отнести экономику, политику, художественное творчество, религию. По большому счёту, любое знание об общественной жизни, даже научное, включает в себя мифологические компоненты.

Однако по отношению к мифогенным областям знания существенно расширяются возможности всех трёх субъектов познания: могут возникать всевозможные коллизии. Например, в России относительно недавно (в 2009–2012 гг.) при Президенте Российской Федерации существовала Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В состав этой комиссии входили различные чиновники, общественные деятели, учёные. При этом каждого члена комиссии можно рассматривать и как мифического, и как мифотворца, и как мифолога относительно того или иного аспекта истории. Показателен тот факт, что в развернувшейся впоследствии общественной дискуссии по вопросу о концепции единого учебника истории акцент был сделан, в частности, на том, что учебник должен быть свободен от двойных толкований. В этом отношении вновь стоит прислушаться к словам К. Леви-Строса, для которого, например, Французская револю-

ция – не просто некий факт, имевший место в истории, а «факт, который ускользает от нашего понимания и точного определения, потому что Французская революция, с точки зрения аристократа, человека из народа и историка, явление абсолютно различное. И так, получается, что представления, образы, которые мы создаём об истории, в широком смысле мифические, в том смысле, что они целиком и полностью зависят от той позиции, которую мы сами занимаем в нашем настоящем» [8, с. 69].

В конечном счёте, в истории любого общества, государства, народа будут находиться лакуны, требующие особенного внимания. Именно в таких случаях, на наш взгляд, необходимо аккуратно апеллировать ко всем трём точкам зрения на историческое событие – к трём субъектам познания социального мифа. Без принятия к сведению, без учёта комбинаций представлений мифических, мифотворцев и мифологов невозможно целостное восприятие не только истории, но и большинства современных общественных явлений и процессов. Кроме того, как уже отмечалось, без фиксирования «трех субъектов мифа» сложно понять функционирование гносеологической части системы социальной мифологии.

Неким связующим звеном между гносеологической и аксиологической частями системы социальной мифологии, по нашему мнению, может выступать «аксиология», подробно изученная В. М. Пивовым в конце XX в. «Аксиология – логика ценностной обусловленности. В отличие от однозначной непосредственной детерминации рационального, ценностная детерминация носит опосредованный и часто иррациональный характер, опирается на интуитивные догадки, случайные ассоциативные связи и рефлексы, на примитивный эмоционально-практический опыт освоения мира. Логика воображения не вполне свободна, “за ее спиной” стоит интерес, пусть не всегда осознаваемый интерес, ценностно-ориентационное отношение, испытывающее образы фантазии на возможность удовлетворения каких-то человеческих потребностей» [9, с. 64].

Говоря об аксиологической части социальной мифологии, на наш взгляд, уместно ввести понятие «мифологические ценности», которое обозначало бы имеющие значение для индивида, социума ценности, смысл которых не может быть рационально объяснен; однако данные ценности оказывают влияние на сознание и поведение индивида, социума, особенно в кризисные периоды, в переходные этапы развития. При этом отличие мифологических ценностей от всевозможных архетипов, мифологем заключается в том, что если последние реализуются преимущественно

на чувственно-эмоциональном уровне, то мифологические ценности охватывают все уровни познания, зачастую схватываются интуитивно. Как отмечает Ю. Е. Березкин, «у мифологии есть еще одно универсальное свойство – она воплощает, символизирует коллективные ценности, представления групп людей о себе, о собственной уникальности» [10, с. 15].

В качестве ориентиров для выделения аттракторов аксиологической части будем опираться на онтологическое деление – часть/целое, причина/следствие, пространство/время.

Деление общества на части позволяет говорить, например, о классовых мифах, выражающих ценности определённого социального класса. Так, Р. Барт в работе «Мифологии» писал и о мифах у «правых», и о мифах у «левых». Классовые мифы занимают промежуточное положение между индивидуальными и «общественными» (социетальными) мифами. Индивидуальные мифы не являются предметом нашего исследования, однако их этиология важна для понимания смысла как классовой, так и «общественной» мифологии. Здесь ключевое влияние приобретает интегрирующая функция мифа, способствующая утверждению соответствующей идентичности (интересно, что в последнее время широкое распространение получает тема национальной идентичности).

Каузальное деление применимо к такому компоненту аксиологической части, как мифологическая вера, в постулатах которой закрепляются объяснения происхождения определенных или неопределенных явлений и процессов. Эти объяснения зачастую предстают в виде так называемых этиологических мифов, неизбежно присутствующих в культурной памяти современных обществ, в которые безоговорочно верят. В целом любой миф в той или иной степени содержит в себе некую историю, проверенную временем, историю, как мир стал таким, какой он есть сейчас.

Соглашаясь с приведенным выше мнением К. Леви-Строса об истории, отметим, что именно этиологические мифы имеют для истории как сферы знания определяющее значение. Так, история происхождения каждого общества, государства, народа и сегодня сопряжена с этиологическими мифами: взять хотя бы споры о происхождении русского народа, его имени.

Политические этиологические мифы способствуют построению новой онтологии общества (государства, социальной группы и т.п.), и здесь на помощь творцам мифов приходит историческое знание, точнее, умение интерпретировать историю в необходимом ключе. В свою

очередь, такое новое бытие общества базируется на мифологической вере в ключевые этиологические мифы. Наличие этиологических мифов в культурной, исторической памяти современных обществ представляется бесспорным. Базируясь на рациональных составляющих (политическом заказе, рекламной кампании и т.п.), этиологические мифы и сегодня сохраняют свой мобилизационный потенциал, сопоставимый с тем, которым обладали мифы архаических обществ, оказывают влияние на формирование патриотических чувств, мировоззрения в целом, воздействуя на человека на эмоциональном уровне, заставляя верить.

Пространственно-временное деление служит основанием для следующих классификаций аттракторов аксиологической части социальной мифологии:

война, праздник/обычный ход событий;
официальное (работа)/неофициальное (повседневное – быт, досуг).

В современном обществе, на наш взгляд, одним из немногих феноменов, не уступающих по значительности, интенсивности праздникам архаических обществ, является их противоположность – война.

Важнейшими компонентами праксиологической части социальной мифологии являются миф (социальный миф) и ритуал (социальный ритуал). Мифологические элементы также содержатся в сказке, художественной литературе, ритуалистические элементы – в игре, магических практиках.

Обобщенным КП-АМом праксиологической части системы социальной мифологии выступают различные мифо-ритуальные практики: «Эти практики основываются преимущественно на универсальных традициях. Однако со временем они все дальше уходят от традиционных своих корней, как бы растворяясь в контексте современного общества. Тем не менее именно существование традиционных мифо-ритуальных практик свидетельствует о наличии мифологического сознания сегодня. Современные мифо-ритуальные практики есть явление общественной жизни, представляющее собой некоторую рационализированную, регламентированную форму общественного поведения, в ходе реализации которой, однако, проявляются и часто выходят на первый план основные свойства мифологического сознания» [11, с. 8].

Таким образом, теорию социальной мифологии следует выстраивать, имея представления об онтологической, гносеологической, аксиологической, праксиологической частях системы социальной мифологии, находя практические

подтверждения функционирования в современном обществе явлений и процессов, содержащих мифологические компоненты, зачастую восходящие еще к архаике. В стремлении к систематизации и классификации «концептуальных понятий – аттракторов мифологического» нам видится возможность полноценного включения социальной мифологии в программу изучения социальной философии.

Список литературы

1. Зобов Р. А., Келасьева В. Н. Социальная мифология России и проблемы адаптации. СПб., 1997. 140 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. М. ; СПб., 2005. 288 с.
3. Lévi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté. Paris, 1948. 541 p.
4. Гройс Б. Под подозрением. М., 2006. 200 с.
5. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. 296 с.
6. Смирнов М. Ю. Российское общество между мифом и религией. СПб., 2006. 228 с.
7. Холлис Дж. Мифологемы : воплощения невидимого мира. М., 2010. 184 с.
8. Беседа с Клодом Леви-Строссом Константина фон Барлевена и Галы Наумовой // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 66–79.
9. Пивоев В. М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991. 216 с.
10. Березкин Ю. Е. Мифы Старого и Нового света. М., 2009. 448 с.
11. Иванов А. Г. Мифо-ритуальные практики : культурный феномен, элемент традиционного и основа современного мифологического сознания // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 87. С. 7–18.

The Problem of Constructing a Theory of Social Mythology

A. G. Ivanov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch
3, Internatsionalnaya str., Lipetsk, 398050, Russia
E-mail: agivanov2@yandex.ru

An attempt to create the system of contemporary social mythology using socio-philosophical categorical apparatus is made in the article. Ontological, gnoseological, axiological and praxeological parts are included in the system of social mythology. To illustrate, on the one hand, the presence of mythological components in society and, on

the other hand, the institutionalization of the phenomena of social life in parts of the system of social mythology, the term of «conceptual notion – mythological attractor» is introduced. Examples are given that demonstrate the functioning of a social mythology in contemporary society. Fixing social mythology as a system can be the first step toward building an appropriate theory.

Key words: the system of social mythology, conceptual notion – mythological attractor, etiological myth, mythological values, mythoritual practices.

References

1. Zobov R. A., Kelasyev V. N. *Sotsialnaya mifologiya Rossii i problemy adaptatsii* (Social mythology of Russia and problems of adaptation). St.-Petersburg, 1997. 140 p.
2. Bourdieu P. Espace social et genèse des «classes». *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1984, no. 52–53, pp. 3–14 (Russ. ed.: Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva*. Moscow; St.-Petersburg, 2005. 288 p.).
3. Lévi-Strauss C. *Les Structures élémentaires de la parenté* (The elementary structures of the kinship). Paris, 1948. 541 p.
4. Grois B. *Unter Verdacht. Eine Phänomenologie der Meiden*. München, 2000. 211 S. (Russ. ed.: Grois B. *Pod podozreniem*. Moscow, 2006. 200 p.).
5. Caillois R. *Le Mythe et l'homme*. Paris, 1938. 107 p. (Russ. ed.: Caillois R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakralnoye*. Moscow, 2003. 296 p.).
6. Smirnov M. Y. *Rossiyskoye obshchestvo mezhdumifom i religiy* (Russian society between myth and religion). St.-Petersburg, 2006. 228 p.
7. Hollis J. *Mythologems: Incarnation of the invisible world*. Toronto, 2004. 158 p. (Russ. ed.: Hollis J. *Mifologemy: Voploshcheniya nividimogo mira*. Moscow, 2010. 184 p.
8. Beseda s Clodom Levi-Strossom Konstantina fon Barlevena i Galy Naumovoy (An interview with Claude Lévi-Strauss' Constantin von Barloenen and Gala Naumova). *Voprosy Filosofii (Voprosy Filosofii)*, 2009, no. 5, pp. 66–79.
9. Pivoev V. M. *Mif v sisteme kultury* (The myth in the culture system). Petrozavodsk, 1991. 216 p.
10. Berezkin Y. E. *Mify Starogo i Novogo sveta* (Myths Old and New world). Moscow, 2009. 448 p.
11. Ivanov A. G. Mifo-ritualnye praktiki: kulturny fenomen, element traditsionnogo i osnova sovremennogo mifologicheskogo soznaniya (Mythoritual practices: the cultural phenomenon, the element of traditional and the foundation of contemporary mythological consciousness). *Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena* (Izvestia: Herzen University Journal of humanities & sciences), 2009, no. 87, pp. 7–18.

УДК 1(091)

ОСМЫСЛЕНИЕ СМЕРТИ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Кирсанова Ярослава Александровна – аспирант кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: k_y1992@mail.ru

Статья посвящена толкованию феномена смерти в Ветхом и Новом Заветах и осмыслению его в рамках раннехристианской традиции. Описывается понимание слова «смерть» в библейской и в традиции иудаизма. Исследуются отношение к смерти различных групп ранних христиан, отцов Церкви, а также понимание смерти, состояния души после нее и загробной участи в пределах гностического учения. В центре анализа оказывается представление гностиков о переселении душ, а также гностические трактаты «Сущность архонтов» и «Pistis Sophia», на которых основывается вера гностиков. Смерть и ее последствия оценивались по-разному, однако для всех верящих во Христа она является переходным этапом в будущую, вечную и блаженную жизнь.

Ключевые слова: смерть, Ветхий и Новый Заветы, гностицизм, душа, грех, христианство.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-20-22

Смерть – это одно из предельных состояний человеческой экзистенции. Интерес к феномену смерти не прекращается на протяжении всей человеческой истории. Человек – единственное из живых существ, которое осознает, что умрет, и это становится для него предметом размышлений и духовных переживаний. Это во многом обусловлено тем, что именно со смертью связана оценка всего содеянного за время краткого существования в земном мире. Вместе с этим возникает страх смерти, обусловленный неизбежностью этого явления и неизвестностью, которая за ним скрывается.

Потеря человеком духовных ориентиров и смысла жизни из-за переориентации на удовлетворение мимолетных физиологических потребностей приводит к неправильному отношению к важнейшим вопросам – смерти и загробного воздаяния. В связи с этим нам представляется необходимым исследовать феномен смерти с точки зрения христианства как одной из духовных основ современного общества.

Если рассматривать смерть в библейской традиции, то вся сущность этого вопроса выражается ап. Павлом: «Поглощена смерть победою» [1, Кор. 15:54. Здесь и далее ссылка на это издание с указанием источника, главы, стиха]. В Ветхом Завете слово «смерть» – *мавет* содержит значения нечто противоположного жизни и ее окончанию [1, Вт. 30:19; Иер. 8:3]. Также есть такие выражения, как «испустил дух» [1,

Быт. 25:8], «почил с отцами своими» [3, Цар. 2:10]. Необходимо обратить внимание на слово «шеол» – «царство смерти» [1, Пс. 17:6], «потусторонний мир» [1, Ис. 14:9], а также на отсутствие поклонения и богослужения [1, Ис. 38:18]. В Ветхом Завете слова, описывающие смерть, характеризуют этот феномен как прекращение всех жизненных процессов, функций и окончание всех проявлений жизни.

В Новом Завете слово *θάνατος* и его производные – смерть, умирать, убивать – являются греческими словами, которые употреблялись в литературе различных жанров, а не только в Писании: они свидетельствуют о конце жизни, но не о конце существования человека. В классической греческой трактовке считалось, что смерть поражает тело, а душа освобождается и продолжает свое существование. Но новозаветная лексика, описывающая смерть, имеет много различных вариантов и наделена рядом смыслов: это *векрос* – быть безжизненным, не живым, *εσχάτος* *εχω* – при смерти [1, Мт. 5:23].

В Священном Писании смерть характеризуется как враг человечества, нечто противоположное жизни, сотворенной Богом: во второй книге Бытия: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [1, Быт. 2:7]. Прах земной, из которого создано тело, не имеет жизни в самом себе: в живое существо тленное тело преображает Божественное дыхание.

Момент смерти в Писании описывается так: «Если бы Он обратил сердце Свое к Себе и взял к Себе дух ее и дыхание ее, вдруг погибла бы всякая плоть, и человек возвратился бы в прах» [1, Иов 34:14–15].

В Библии содержится немного информации о похоронах и погребении: среди конкретных традиций можно отметить обычай закрывать глаза умершему [1, Быт. 46: 4], прощание семьи с телом [1, Быт. 50: 1], подготовку тела к погребению, облачение его пеленами [1, Ин. 11: 44]; упоминаются также случаи кремации [1, 1 Цар. 31: 12] и бальзамирования [1, Быт. 50: 2, 28], но обычно тело предавали земле, хоронили в могиле или в вырубленных из камня гробницах [1, 4 Цар. 23:6, Иер. 23: 26, Ис. 22:16]. Так же мало

говорится в Библии об участии умерших после погребения: в Притчах путь умершего описывается как нисхождение в глубины смерти [1, 2:19, 5:28] или же говорится о некоем потаенном месте *шеол*.

В начале I в. н. э. иудео-эллинистический теолог и экзегет Филон Александрийский, которого называют «настоящим отцом христианства», описывал смерть и посмертное состояние человека: смерть является отделением души от тела, и свержается переход в ее истинное состояние. Но есть более страшная смерть – смерть души, которая происходит вследствие греха и погружения человека (при жизни) в разнообразные страсти. Смерть для грешника – начало наказаний, и ему вечно придется нести последствия своих грехов в Тартаре (очевидно влияние на воззрения Филона эллинской философии) [2, с. 104]. Души же праведников получают награду, вновь обретают ангельскую сущность и возносятся к Богу, наследуя вечную жизнь. Но есть и промежуточное состояние – людей, не достигших совершенства, но и не абсолютных грешников. Для того чтобы достичь совершенства, душа должна будет переселиться в другие тела.

В первые века христианства также была распространена теория переселения душ, и существовала она в рамках гностического учения. Гностицизм (греч. познающий) – общее обозначение ряда позднеантичных религиозных течений, соединявших элементы восточной мифологии и христианского вероучения. В основе учения гностиков лежит представление о падении души в материальный, низший мир, созданный демиургом. Материя рассматривается как греховное начало, враждебное и подлежащее преодолению, и искупителем является Христос, но его призыву следуют лишь духовные люди (пневматики). Гностический Христос учит: «Формы телесные не введут его в обман, но он посмотрит на состояние души каждого. Есть много животных в мире, имеющих обличие человека» [3, с. 114].

Нас здесь интересует вопрос об отношении гностиков к идее переселения души. Так как в представлении гностиков материя есть зло, она погибнет, среди людей спасутся только пневматики – духовные люди, а материальные (гилики и некоторые психики) истребятся огнем. Есть также «срединное место», где достойные психики получают относительное блаженство. В гностическом трактате «Сущность архонтов» из библиотеки Наг-Хаммади интересно наставление ангела Элелефа Нореи, дочери Евы: «Ты и Твои дети относятся к отцу, существующему изначально. Их души вышли из выси, из света нетленного»

[4, с. 340]. На этом положении основывалась вера гностиков в предсуществование души.

Карпократ – гностик первой половины II в., учил, что мир создан низшими звездными духами, возмущившимися против истинного всеблагого божества или безначального Отца. Карпократ и его последователи считали необходимостью воплощение человеческой души на земле в новых телах до тех пор, пока она не освободится от законов плоти и не завершит невыполненное, основываясь на евангельской притче о должнике, которого судья сажает в темницу, пока тот не отдаст свой долг [1, Мф. 5:25–26, Лк. 12:58–59], т.е. должник – человеческая душа, судья – демиург, который может удерживать и направлять душу, темница – новое тело, в которое вселяется душа.

Об этом повествует один из выдающихся раннехристианских богословов Тертуллиан в трактате «О душе» [5]. Тертуллиан рассматривал смерть как следствие греха, именно поэтому в темницу (ад) отправляются все души. В трактате «О воскресении плоти» он говорит о том, что плоть непременно воскреснет. Давая обзор различных еретических учений, Тертуллиан обличает их, говоря, что никто из них не отрицает бессмертия души (кроме Лукана, который учил, что «возродится ни душа и ни плоть») [6], но все признают воскресение только наполовину, пренебрегая плотью. Он считает, что человек – это совокупность души и плоти, поэтому он будет восстановлен именно в таком виде, и приводит слова Писания: «И создал Бог человека, прах земной» [1, Быт. 2:7], «И вдунул в лицо его дыхание жизни, и сделался человек», то есть прах, «душою живою, и поместил Бог человека, которого создал, в рай» [1, Быт. 2:7–8]. На примере притчи о богаче и Лазаре Тертуллиан также пытается доказать то, что душа телесна, может страдать и чувствовать и без плоти, но чтобы предстать на Суд и получить достойное воздаяние, она должна соединиться с телом.

Идею перевоплощения проповедовал гностик Валентин во II веке н.э., гностическое евангелие «Pistis Sophia» многие исследователи приписывают именно ему, там утверждается, что воздаяние за грехи осуществляется согласно теории перевоплощения: человеческий дух очищается через последовательность воплощений в земной оболочке, испив между ними «чашу забвения» [7]. Ириней Лионский – один из первых Отцов Церкви, апологет II в., боролся с гностицизмом. Он считал, что душа в момент смерти отправляется в невидимое место, отведенное Богом, и там остается до воскресения. Затем, получив свои тела и воскреснув в своей полноте, они (души) предстанут перед Богом.

Говоря об осмыслении смерти ранними христианами, можно привести много цитат из Священного Писания, в частности, из Нового Завета, свидетельств апостольских преемников и отцов Церкви, но смерть и ее последствия везде объяснялись по-разному. Однако для всех верящих во Христа смерть является лишь переходным этапом в будущую, вечную и блаженную жизнь.

Список литературы

1. Библия. М., 2013. 1248 с.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. М., 2000. Т. 1. 960 с.
3. Печковский П. В. Сборник кодексов Наг-Хаммади : в 2 т. М., 2015. Т. 1. 430 с.
4. Еланская А. И. Изречения египетских отцов : памятники литературы на коптском языке. СПб., 2001. 384 с.
5. Тертуллиан. Избр. соч. М., 1994. 448 с.
6. Тертуллиан. Апология. СПб., 2004. 432 с.
7. Barc B., Roberge M. L'Hypostase des archontes. Traité gnostique sur l'origine de l'homme, du monde et des archontes, suivi de Noréa. Québec, 1980. XII + 176 p.

Understanding of Death in the Early Christian Tradition

Y. A. Kirsanova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: k_1992@mail.ru

The article is devoted to the interpretation of the phenomenon of death in the Old and New Testament, and its understanding in the framework of the early Christian tradition. It describes the meaning

of the word death in the biblical tradition and the tradition of Judaism. We investigate the relation to the death of various groups of the early Christians, the Church Fathers, as well as the understanding of death, the state of the soul after death and soul's posthumous fate within the Gnostic teachings. In the center of the analysis is the Gnostic idea of the transmigration of souls, as well as the Gnostic treatises "The essence of the Archons" and «Pistis Sophia» which are the base of the Gnostics faith. Death and its consequences were evaluated in different ways, but for all who believe in Christ, it is a transitional stage into the future, eternal and blissful life.

Key words: death, Old and New Testament, Gnosticism, soul, sin, Christianity.

References

1. *Bibliya* (The Bible). Moscow, 2013. 1248 p.
2. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki*: v 8 t. (History of ancient aesthetics: in 8 vol.). Moscow, 2000. Vol. 1. 960 p.
3. Pechkovskiy P. V. *Sbornik kodeksov Nag – Khammadi*: v 2 t. (Collection of codes of Nag – Hammadi: in 2 vol.). Moscow, 2015. Vol. 1. 430 p.
4. Elanskaya A. I. *Izrecheniya egipetskikh otsov: pamyatniki literatury na koptskom yazyke* (Yelanskaya A. I. Sayings of egyptian fathers: Monuments of literature in Coptic). St.-Petersburg, 2001. 384 p.
5. Bindley T. H. *The apology of Tertullian for the christians*. Oxford, 1890. 104 p. (Russ. ed.: Tertullian. *Izbr. soch.* Moscow, 1994. 448 p.).
6. Bindley T. H. *The apology of Tertullian for the Christians*. Oxford, 1890. 104 p. (Russ. ed.: Tertullian. *Apologiya*. St.-Petersburg, 2004. 432 p.).
7. Barc B., Roberge M. *L'Hypostase des archontes. Traité gnostique sur l'origine de l'homme, du monde et des archontes, suivi de Noréa* (The Reality of the Archons. Gnostic treatise on the origin of man, the world and the archons, and Norea). Québec, 1980. XII+176 p.

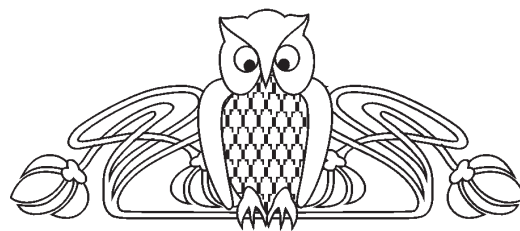
УДК 101.1:316

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ

Крайнов Андрей Леонидович –

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук, Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: alkrainov@gmail.com

Статья посвящена анализу экологического порядка общества как неотъемлемого условия социального развития в эпоху техногенных катастроф. Проблема формирования экологического порядка очень актуальна в эпоху оторванности человека от своих природных корней. Мир техники сегодня полностью заполняет жизненное пространство человека, подменяя истинные природные ценности симулякрами, псевдо-ценностями информационного мира. Это приводит к зависимости человека от техники, нанося непоправимый вред его физическому и психическому

здоровью. Экологическое образование, формирование экологических императивов способно вернуть человеку связь с природным пространством. Развитие и формирование экологического сознания является тем фактором, который сможет восстановить равновесие в системе «общество–природа».

Ключевые слова: экологический порядок общества, экологическое сознание, экологические ценности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-22-27

Проблема формирования экологического порядка мало исследована в философской мысли, но сегодня в эпоху экологического и социального кризисов, обусловленных техногенной деятельностью человека, является актуальной и нуждается в детальном анализе.

Понятие «экологический порядок общества» неоднократно упоминается в работах американского социолога лидера Чикагской школы эмпирической социологии Р. Парка [1, 2]. Причем он рассматривает данный феномен как базис развития общества, подразумевая под ним равновесное состояние общества со средой своего обитания. Только после прохождения стадии экологического порядка социальный организм проходит следующие три – экономическую, политическую и культурную. Экологический порядок Р. Парка выражает единство биологического и социального в обществе, общественных процессах и явлениях, с приоритетом экологического (биотического) компонента. Социальный порядок строится только на основе экологического и никак иначе. Учёный даже не выделяет социальный порядок в качестве самостоятельной стадии развития социального организма, подчеркивая тем самым целостность экологического и социального.

Следует отметить, что под экологическим порядком Р. Парк понимал прежде всего территориальный пространственный порядок [3, с. 6], подразумевающий свободу перемещения индивидов и социальных групп. Основой такого порядка выступает миграция как коллективное поведение. Таким образом, Р. Парк ставит знак равенства между экологическим порядком и естественной простотой бытия человека, который в любой момент времени может поменять свои социальные статус и роль согласно природному импульсу – некоему внутреннему призыву. Главное в данном тезисе то, что человек на стадии экологического порядка не обременен техникой (в данном случае она является синонимом культурного порядка) и сложной социальной структурой, которые сдерживают его природный импульс, следовательно, нарушают равновесие в системе «общество–природа». В этом его свобода и независимость. На стадии экологического порядка социальный организм полностью подчинен законам природы и его мобильность обусловлена естественными изменениями условий среды обитания.

Категория экологического порядка, сформулированная Р. Парком в рамках эмпирической социологии и использовавшаяся им преимущественно для исследования миграционных процессов в обществе, имеет огромное значение для социальной философии, когда человечество

пытается выстроить социальный порядок, совершенно забыв при этом, что в основе любых социальных процессов лежат процессы биотические, связанные с качеством среды обитания, с качеством экологии самого человека. Невозможно построить социальный порядок там, где нарушено равновесие «общество–природа», а человек является маргиналом.

Социально-философский анализ проблемы экологического порядка общества по-новому ее рассматривает: возникает вопрос о балансе между влиянием техногенной (потребительской) культуры на бытие человека и сохранением человеком своей внутренней природной свободы, независимости, способности следовать природному импульсу. По-новому рассматривается и понятие «маргинал», исследовавшееся Р. Парком. Если в эмпирическом подходе понимается под маргиналом человек, принадлежащий сразу к двум социокультурным пространствам в результате миграции, обусловленной экологическим порядком [4, с. 471], то в рамках социально-философского подхода к проблеме экологического порядка общества понятием «маргинал» следует обозначать человека, лишенного экологических императивов, воспринимающего природу только как сырье для своих повседневных нужд.

Из этого вытекает очевидность проблемы равновесия в системе «общество–природа». По мере развития техники, призванной служить человеку и всему живому, происходит постепенное планомерное уничтожение качества среды обитания человека, несмотря на заявленные производителями степени экологичности данной техники. Экологический порядок на микроуровне представляет собой некий компромисс между дикарем, живущим по законам природы, и тотальным потребителем, ведущим утилитарный образ жизни временщика. На макроуровне под экологическим порядком можно понимать качество жизни, качество среды обитания. На данном уровне вполне обоснованно ставить знак равенства между экологическим порядком и средней продолжительностью жизни. В быденном сознании феномен экологического порядка понимается как проведение экологических субботников, уборка свалок и завалов мусора, чистка территории [5].

Действительно, техногенная цивилизация, несмотря на все свои блага, отрывает человека от его природных корней, более того, делает его несвободным. «В древнем Китае старцы-мудрецы не пользовались колесом для водочерпания, предпочитали носить воду из реки в бадейках. Свои действия они мотивировали тем, что технические приспособления отнимают у человека

свободу действий. Техника, согласно их мнению, облегчает жизнь и делает ее комфортнее, но при этом порабощается человеческое «Я» [6]. Подобного мнения придерживался и О. Шпенглер, утверждавший, что человек стал рабом машин: «Взбесившаяся упряжь влечет низвергнутого победителя к смерти» [7, с. 491].

На первый взгляд, приведенные выше примеры кажутся абсурдными, но современные реалии, к сожалению, их полностью подтверждают. По мнению ученых-медиков, раннее увлечение детей компьютером может негативно отразиться на их росте, компьютер также мешает ребенку осваивать навыки общения с другими людьми [8, с. 53]. В настоящее время человечество задумывается о влиянии информационных технологий и компьютеров, в частности, на детей, так как сегодня жизнь ребенка всецело подчинена различным гаджетам, начиная от смартфона и планшета, заканчивая посещением интернет-кафе, работой на компьютере в школе.

Многие врачи, психологи и социальные педагоги уверены, что злоупотребление компьютером для ребенка вредно. Мерцание монитора портит зрение, а излучение негативно влияет на общее состояние здоровья. Согласно медицинским исследованиям, у 45% школьников 1–3 классов, пользующихся компьютером, отмечается ухудшение зрения. В дни работы на ПК 55–85% старших школьников жалуются на усталость глаз [8, с. 54].

Информационные технологии занимают все внимание детей, нередко приводя к социальной напряженности в семье. Сегодня обладание модным гаджетом является критерием ребенка. Наиболее отчетливо это видно в школе, когда обладателям престижных флагманских моделей смартфонов и планшетов завидуют все одноклассники, и нередко это становится причиной социальных конфликтов [9].

Интересный эксперимент был проведен в университете Калифорнии в 2014 г. с целью исследования влияния гаджетов на психику детей [10]. Одной группе детей раздали телефоны и попросили пользоваться ими постоянно в течение пяти дней, в то время как вторая группа в течение этого времени отдыхала на свежем воздухе в рекреационном детском лагере без телефонов. Результаты эксперимента показали, что дети, которые всё время занимались с мобильными гаджетами, намного хуже проявляли свои эмоции, совсем не понимали собеседника. У детей, проводивших время на природе, было замечено улучшение восприятия собеседника. Общение вживую, без мобильных устройств улучшало навыки коммуникации. Более того,

дети в первой группе были полностью зависимы от своих мобильных устройств, вычтя пять дней из своей жизни на технику, в то время как дети из второй группы были абсолютно свободны, в том числе и в плане пространственной мобильности, о которой писал Р. Парк. Следовательно, вторая группа детей жила согласно законам экологического порядка: дети были мобильными, активными, не отягощенными атрибутами техногенной культуры.

Существует еще одно подтверждение положению концепции Р. Парка, в котором утверждается, что, двигаясь к культурному порядку, человек становится все более несвободен, тотально зависим от виртуальной реальности. Глобальная компьютерная сеть Интернет и всевозможные сервисы, способствующие коммуникации онлайн, главным образом, социальные сети, отнимают у человека огромное количество времени, заставляя его постоянно думать о новых виртуальных событиях, переживать по поводу неполученных «лайков», искать новых виртуальных друзей, тратить реальные деньги на покупку виртуальных бонусов в социальных сетях и онлайн-приложениях.

Согласно исследованиям Фонда общественного мнения, россияне стали интернет-зависимыми, так как в среднем проводят в Сети (в большинстве случаев в социальных сетях) до трех часов в день [11]. Такие же данные предоставил за апрель 2015 г. исследовательский холдинг «Ромир» [12]. Несложно подсчитать, что из шестнадцати часов активной жизни остается тринадцать, если вычесть среднестатистический 8-часовой рабочий день, то получим в итоге пять часов, большая часть которых занята бытом. Если учесть тот факт, что молодежная аудитория проводит в Интернете гораздо больше среднего показателя исследования, несложно спрогнозировать, какое будущее ожидает человечество.

На первый взгляд, умение работать в Интернете говорит о прогрессивности молодежи, но, с другой стороны, доля такой прогрессивной молодежи очень мала и представлена, в основном, теми, чья работа непосредственно связана с онлайн-технологиями: программистами, веб-дизайнерами, оптимизаторами, системными администраторами и т.д. Остальное большинство использует прогрессивные научно-технические достижения культурного порядка исключительно в целях «убить время». Сегодня стало распространенным понятие «таймкиллер», относящееся к различным играм и интернет-приложениям, использование которых позволяет с легкостью «убить» два–три часа, а то и весь день. О какой свободе может идти речь, когда человек добровольно лишает себя самого ценного в этой

жизни – времени? Какие пути следует выбрать обществу, чтобы скорректировать вектор своего развития, не превратиться в придаток машин и технологий?

Для преодоления экзистенциального разрыва между человеком и его природной средой обитания, которую заменила ему техногенная среда, произведя подмену вечных жизненных ценностей псевдоценностями техногенной цивилизации, важно сформировать экологические императивы в сознании подрастающего поколения, привить ему ценности экологической этики, экологическую культуру, основанную на экологическом порядке общества.

Базисом экологической культуры является экологическое образование как непрерывный процесс формирования и привития экологический ценностей человеку, особенно подрастающему поколению. Важность экологического образования для общества трудно переоценить. Такое образование направлено, с одной стороны, на улучшение качества внешней природной среды, с другой – на экологию человека, на ведение здорового образа жизни. Таким образом, цель экологического образования заключается в поддержании равновесного состояния в системе «общество–природа».

Наилучшим способом экологического образования является рекреационный туризм. Именно в такой форме человеком постигаются экологические ценности. Отдыхая на природе, он быстрее понимает, как важно сохранить ее чистоту и целостность, особенно когда сталкивается с горами мусора и стихийными свалками, чей вид и запах сводят на нет эстетическое наслаждение. Такого мнения, в частности, придерживаются представители Общественно палаты по экологии Саратовской области [13].

Термин «экотуризм» на Западе был официально использован на одной из конференций мексиканским экологом Э. Себальосом-Ласкурайном в первой половине 1980-х гг. Он отражал идею гармонии между рекреацией и экологией и приобрел большую популярность. Сюда же входит экотуризм как активная форма рекреации, основанная на рациональном использовании природных благ. Он предполагает отказ от культа комфорта, массовых коммуникаций, доступности и потребления все более многочисленных туристических благ. Взамен экологический туризм прививает другую систему ценностей, которыми становятся созерцание природы, духовное обогащение от общения с ней, сопричастность к охране природного наследия и поддержке традиционной культуры местных сообществ [14, с. 719].

Рекреационные туристические походы способствуют лучшему усвоению человеком норм и принципов экологической этики, выработке экологического императива. Единожды почувствовав моральное и физическое оздоровление от активного пребывания наедине с природой, человек не захочет в дальнейшем мусорить, захламлять свое природное жизненное пространство. Никакие лекции и беседы не смогут настолько эффективно привить человеку экологические ценности, как может это сделать активный оздоровительный отдых на природе, лучшим вариантом которого является экологический туризм.

Еще один аспект экологического порядка общества в эпоху техногенных катастроф проявляется в заботе человека о теле, т.е. о своем биологическом базисе. Ж. Бодрийяр небезосновательно утверждал, что в современной гиперреальности тело исчезает, превращаясь в профанацию, в симулякр [15, с. 10]. Согласно мнению А. И. Парфёнова, в пространстве современного социума происходит саморазрушение человека, отчуждение его тела в современной культуре [16, с. 112]. Постоянное пребывание за компьютером и работа, лишенная серьезных физических усилий (менеджер, продавец-консультант, программист, офисный работник, занятый в сфере услуг), приводит к физической слабости человека. Это означает, что при любой техногенной катастрофе, количество которых, к сожалению, увеличивается прямо пропорционально развитию научно-технического прогресса, у него будет меньше шансов выбраться из-под завала, доплыть до берега при затоплении судна, спасти своих родственников/друзей/коллег во время пожара. Экология человека выступает неотъемлемым условием реализации экологического порядка общества. Не зря в Античности варваров и людей, которые были не достойны называться гражданами, характеризовали фразой: «Не умеет ни читать, ни плавать».

Подводя итоги проблеме формирования экологического порядка, можно заключить, что данная проблема должна решаться как на институциональном государственном уровне, так и на уровне отдельно взятой семьи. Следует отметить, что первый уровень решения проблемы предполагает систему санкций за любую девиацию от норм экологического порядка, а второй заключается в привитии ребенку с рождения здорового образа жизни, любви к природе, любви к своему телу. Сегодня приятно осознавать, что вновь в школах вводятся нормы ГТО, что на правительственном уровне проходят беседы о важности урока «Экология» в школах. Человечество по-

степенно начинает задумываться, что качество среды обитания непосредственным образом влияет на качество жизни самого человека, на экологию человека. Экологически опасное жизненное пространство способствует рождению больных детей, увеличению различных заболеваний у взрослых, приводит к вырождению физически здоровых людей. И в данном случае, к сожалению, становится актуальным понимание экологического порядка Р. Парком как пространственной миграции. Для того, чтобы выжить, человеку приходится бежать из загрязненного жизненного пространства. Яркими примерами являются события 1986 г. в Украине (авария на Чернобыльской АЭС) и 2011 г. в Японии (авария на АЭС Фукусима-1). Для того, чтобы предотвратить подобные явления, человечеству важно задуматься о равновесии между получением сверхприбылей от использования новых технологий и качеством среды своего обитания, подверженной влиянию данных технологий, – о равновесии в системе «общество–природа».

Список литературы

1. Park R. E. Human communities : the city and human ecology. Glencoe, 1952. 267 p.
2. Park R. E. On social control and collective behavior. Chicago, 1967. 274 p.
3. Баньковская С. П. Современная американская социология. М., 1994. 296 с.
4. Киселева И. В. Marginality in the light of concepts R. Parka and E. Stouckvista // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 470–472.
5. В Нижегородской области должен быть наведен экологический порядок на свалках и водных объектах // Промышленная экологическая безопасность и охрана труда. 2015. № 1 (98). URL: <http://prominf.ru/article/v-nizhegorodskoy-oblasti-dolzhen-byt-naveden-ekologicheskij-poryadok-na-svalkah-i-vodnyh> (дата обращения: 25.09.2015).
6. Философские проблемы технического прогресса. URL: <http://zubolom.ru/lectures/philosophy3/55.shtml> (дата обращения: 25.09.2015).
7. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. М., 1995. С. 454–492.
8. Семенова Е. Вещи, которые нас убивают. М., 2007. 177 с.
9. В Запорожской области 9-летний мальчик в результате драки в школе провел сутки в коме. URL: <http://fakty.ua/125131-v-zapozozhskoj-oblasti-9-letnij-malchik-v-rezultate-draki-v-shkole-provel-sutki-v-kome> (дата обращения: 25.09.2015).
10. Влияние планшета на ребенка. URL: <http://geektimes.ru/post/252244/> (дата обращения: 25.09.2015).
11. Добрынина Е. Россияне стали интернет-зависимыми // Российская газета. 01.04.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/01/internet-site.html> (дата обращения: 25.09.2015).
12. Сколько времени россияне проводят в социальных сетях. 2013. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city/214995-sotsialnye-seti> (дата обращения: 25.09.2015).
13. В ОП просят чиновников обратить внимание на экологическое образование // Взгляд-Инфо. 26.08.2015. URL: <http://www.vzsar.ru/news/2015/08/26/v-op-prosyat-chinovnikov-obratit-vnimanie-na-ekologicheskoe-obrazovanie.html> (дата обращения: 25.09.2015).
14. Кутузов А. В. Роль экологического туризма в формировании новой системы принципов отношения к окружающей среде // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы : материалы 13-й междунар. конф. молодых ученых. С.-Петербург, 26–30 декабря 2002 г. СПб., 2002. URL: <http://mir.spbu.ru/index.php?option=comk2&niew=item&id=314&Itemid=9> (дата обращения: 25.09.2015).
15. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
16. Парфёнов А. И., Крайнов А. Л. Зоологические основы социального порядка. Саратов, 2007. 160 с.

Ecological Order of Society in the Era of Man-made Disasters

A. L. Kraynov

Saratov State Agrarian University named after Vavilov
60, Sovetskaya str., Saratov, 410056, Russia
E-mail: alkrainov@gmail.com

This article analyzes the ecological order of society as an essential condition of social development in the era of man-made disasters. The problem of formation of ecological order is very relevant in the era of human isolation that their natural roots. World technology today fills the human environment, replacing the true natural values of simalacra, the pseudo-values of the information world. This leads to man's dependence on technology, causing irreparable harm to their physical and mental health. Environmental education, formation of ecological imperatives can restore a person due to natural space. Development and formation of ecological consciousness is a factor that is not only able to restore the balance in the system «society–nature».

Key words: ecological order of society, environmental awareness, environmental values.

References

1. Park R. E. *Human communities: the city and human ecology*. Glencoe, 1952. 267 p.
2. Park R. E. *On social control and collective behavior*. Chicago, 1967. 274 p.
3. Bankovskaya S. P. *Sovremennaya amerikanskaya sotsiologiya* (Modern American sociology). Moscow, 1994. 296 p.
4. Kiseleva I. V. Marginality in the light of concepts R. Parka and E. Stouckvista. *Molodoy uchenyy* (Young scientist), 2013, no. 10, pp. 470–472.
5. V Nizhegorodskoy oblasti dolzhen byt naveden ekologicheskij poryadok na svalkakh i vodnykh obektakh (In the Nizhny Novgorod region must be established ecological order in the dumps and water bodies). *Pro-*

- myshlennaya ekologicheskaya bezopasnost' i okhrana truda* (Industrial Environmental Health and Safety), 2015, no. 1 (98). Available at: <http://prominf.ru/article/v-nizhegorodskoy-oblasti-dolzhen-byt-naveden-ekologicheskij-poryadok-na-svalkah-i-vodnyh> (accessed 25 September 2015).
6. *Filosofskie problemy tekhnicheskogo progressa* (Philosophical problems of technical progress). Available at: <http://zubolom.ru/lectures/philosophy3/55.shtml> (accessed 25 September 2015).
  7. Spengler O. *Der Mensch und die Technik*. München, 1931. 88 S. (Russ. ed.: Shpengler O. Chelovek i tekhnika. *Kulturologiya. XX vek*. Moscow, 1995, pp. 454–492).
  8. Semenova E. *Veshchi, kotorye nas ubivayut* (Things that are killing us). Moscow, 2007. 177 p.
  9. *V Zaporozhskoy oblasti 9-letniy mal'chik v rezul'tate draki v shkole provel sutki v kome* (In the Zaporozhye region 9-year-old boy as a result of a fight in the school spent the day in a coma). Available at: <http://fakty.ua/125131-v-zaporozhskoj-oblasti-9-letnij-malchik-v-rezultate-draki-v-shkole-provel-sutki-v-kome> (accessed 25 September 2015).
  10. *Vliyanie plansheta na rebenka* (Effect of the tablet to the child). Available at: <http://geektimes.ru/post/252244/> (accessed 25 September 2015).
  11. Dobrynina E. Rossiyanе stali internet-zavisimymi (Russians have become dependent on the Internet). *Rossiyskaya gazeta* (Russian newspaper). 01.04.2013. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/01/internet-site.html> (accessed 25 September 2015).
  12. Skol'ko vremeni rossiyane provodyat v sotsialnykh setyakh. 2013 (How many Russians spend time in social networks). Available at: <http://www.the-village.ru/village/city/city/214995-sotsialnye-seti> (accessed 25 September 2015).
  13. V OP prosyat chinovnikov obratit vnimanie na ekologicheskoe obrazovanie (The Public Chamber asked officials to draw attention to environmental education). *Vzglyad-Info* (View-info). 26 August 2015. Available at: <http://www.vzsar.ru/news/2015/08/26/v-op-prosyat-chinovnikov-obratit-vnimanie-na-ekologicheskoe-obrazovanie.html> (accessed 25 September 2015).
  14. Kutuzov A. V. Rol ekologicheskogo turizma v formirovani novoy sistemy printsipov otnosheniya k okruzhayushchey srede (The role of eco-tourism in the formation of a new system of principles for the environment). *Chelovek. Priroda. Obshchestvo. Aktual'nye problemy: materialy 13-y mezhduнародной konferentsii molodykh uchenykh*. 26–30 dekabrya 2002 g. (Man. Nature. Society. Actual problems. Proceedings of the 13th International conference of young scientists. St.-Petersburg, 26–30 December 2002). St.-Petersburg, 2002. Available at: <http://mir.spbu.ru/index.php?option=comk2&niew=item&id=314&Itemid=9> (accessed 25 September 2015).
  15. Baudrillard J. *Simulaeres et simulations*. Paris, 1981. 235 p. (Russ. ed.: Bodriyyar Zh. *Simulyakry i simulyatsiya*. Per. O. A. Pechenkina. Tula, 2013. 204 p.
  16. Parfyonov A. I., Kraynov A. L. *Zoologicheskie osnovy sotsial'nogo poryadka* (Zoological foundations of the social order), Saratov, 2007. 160 p.

УДК 111

ТЕОРИЯ КАК СОЗЕРЦАНИЕ: К ИСТОКАМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ

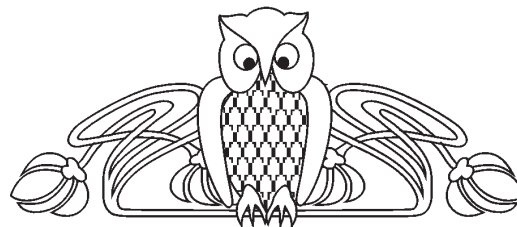
Лахонин Михаил Владимирович –

аспирант кафедры философии и методологии науки,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: sindino@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению происхождения и этимологии термина «созерцание», а также изучению истоков его происхождения. Автором отождествляются понятия «теория» и «созерцание», дается рабочее определение понятия «созерцание», обозначаются греческие и римские корни исследуемого понятия. В качестве истоков происхождения понятия «созерцание» автором предлагается рассмотреть три варианта его трактовки. К таковым следует отнести понимание созерцания как стремления к получению знания как такового, религиозное понимание этого термина через созерцание красоты богов и богослужений и трактовку созерцания как характеристику внутренней жизни. В рамках изучения созерцания как стремления к получению знания анализируется соотношение теоретического и практического (политического) значения изучаемого термина.

Ключевые слова: созерцание, разум, гармония, мудрец, Логос.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-27-30

Проблема созерцания издавна привлекала внимание философии. В идеалистической философии созерцание понимается как непосредственное сверхчувственное усмотрение истины, добра, красоты (линия Платона) либо как чувственная интуиция, зависящая только от способности трансцендентального субъекта (И. Кант) [1].

Термин «теория» (греч. Θεωρία) изначально соотносится с идеей зрения, выражая в разных вариантах значение видения. Первоначально данное понятие означало «повидать страну, наблюдать ее диковинки, людей, происходящие в ней события» [2, с. 14], а в дальнейшем добавились такие значения, как «проявлять заботу»

и «следить». Кроме того, термин *Θεωρία* можно трактовать как созерцание, и в нашей работе мы будем рассматривать русские термины «теория» и «созерцание» как имеющие одинаковое содержание. Изначально в содержание греческого понятия *Θεωρία* вкладывалось несколько смыслов. К таковым можно отнести доплатоновские её трактовки как познания небесных объектов и явлений природы, либо благоговейного созерцания статуи божества или религиозного праздника [2, с. 14]. Таким образом, в рассматриваемое нами понятие вкладывалось, с одной стороны, натурфилософское постижение мира, а с другой – религиозное, мистическое, связанное с постижением бога или богов и праздников, им посвященных.

В отличие от греков римляне очень рано закрепили за термином «созерцать» (*contempler*) религиозное значение, связав его со словом «храм». «Созерцать» в римской традиции означало «восхищаться великим храмом», коим является мир. Таким образом, римляне в одном термине объединили два значения, которые в греческой традиции были разведены содержательно в различные термины.

Первая трактовка понятия *Θεωρία* реализуется как характеристика воззрений натурфилософов, поскольку именно они положили начало теоретической жизни, т.е. занятию чистой наукой. *Θεωρία* во времена Платона стала отождествляться с занятиями чистой наукой и философией. В качестве причины этого А.-Ж. Фестюжьер указывает традицию, идущую от Платона, согласно которой прежде чем основать или реформировать город законодатель должен был увидеть мир, пообщаться с самыми выдающимися людьми, стремиться к усвоению благого, что в последующем могло способствовать формированию совершенного государства либо разумному его реформированию [2, с. 14].

Занятие чистой наукой, тождественное *Θεωρία*, предполагало стремление к получению знания как такового. В диалоге «Теэтет» Платон устами Сократа указывает, что знание может выражаться в разных смыслах: один из них – это техника, умение что-то делать, ремесло. Таким знанием как навыком обладают, например, сапожник или плотник. Другой смысл понимания знания – это знание само по себе, которое достигается через созерцание с помощью размышлений.

Начиная с отрицательных характеристик знания, Платон указывает, что знание как таковое, как предмет созерцания, не является результатом чувственного восприятия, поскольку индивидуальные чувства, равно как и каждое чувство в отдельности, дают лишь конкретные данные о мире. Пользуясь конкретными чувственными

данными, можно, как показывает Платон, прийти к идее о мнении как критерии истины [3, с. 214]. Но знание как ощущение еще не является знанием как таковым, поскольку постижение сущности предмета через ощущения позволяет познать предмет только в момент контакта того или иного органа чувств с этим предметом [3, с. 218–219].

Знание не является и истинным мнением с объяснением по той же причине – ведь тогда оно указывает только на конкретную отдельную сторону познаваемого предмета. Знание становится знанием как таковым, созерцанием истины, только тогда, когда определяет целое с помощью начал [3, с. 270]. Только в размышлении, согласно Платону, раскрывается в нашей душе подлинное бытие. Именно оно и является предметом созерцания. Поскольку для постижения подлинного бытия тело становится своего рода препятствием, поскольку оно «доставляет нам тысячи хлопот <...> подвержено недугам <...>, наполняет нас желаниями, страстями, страхами» [4, с. 17]. Это мешает нам улавливать истинное бытие, постольку важнейшим действием в акте созерцания становится, по Платону, очищение, *κάταρσις* – тщательное отрешение души от тела, приучение души собираться из всех частей тела, сосредоточиваться самой на себе и жить, насколько это возможно, наедине с собой, освободившись от тела, как от оков [4, с. 15–19]. Очистившись от влияния тела, мы постигаем чистые сущности, истину, которая дается нам с помощью созерцания. Таким образом, созерцание может быть представлено как двуединый процесс, включающий в себя, с одной стороны, избавление от постижения мира через конкретные его проявления с помощью органов чувств или через (пусть и правильное, но все же) мнение, а с другой – стремление постигать чистые идеи, эйдосы в философии Платона.

Созерцатель истины, мудрец доходит в своем созерцании до основ мироздания. Только мудрец находит в себе присутствие Логоса: «слушая не мое <мнение>, а само Речение (Логос), <справедливо> согласиться, что Мудрое – признать единое все и вся» [5, с. 185], более того, он находит Логос, присутствующий во всем мироздании. Признавая тождество бога и Ума, а также их имманентность всему сущему, Гераклит указывает на их познаваемость только Логосом (то есть разумом, интеллектуальным созерцанием). Мудрец доходит до Логоса, что означает для Гераклита возвращение человека к своей душе, частице общего Ума, т.е. осознание и созерцание мудрецом своего единства с миром. Мудрость состоит в том, чтобы сознавать, что все

едино. Тот, кто способен жить умом (к таковым Гераклит и Платон относили мудреца), воспринимает мировой порядок, сознает его, сознает сущее как таковое. Мудрец видит единство мира там, где другие видят раздор и клочок. Главное правило мудрецов-созерцателей состоит в том, чтобы созерцать гармонию и покой, поднимаясь от частного к целому, потому что гармония управляет порядком идеального мира, формируя в нем мировой, онтологический порядок. Путь мудрого созерцателя – это путь истины, пусть созерцания бытия [6].

Занятия чистой наукой, теоретическая жизнь, *Θεωρία* зачастую приводили занимающегося созерцанием мудреца к затворнической жизни. Он становится асоциальным существом, стремящимся достичь блаженства через созерцание природы. Для Платона жизнь под воздействием мудрости развивает только спекулятивный разум, поэтому созерцатель абсолютных истин описывается в «Федоне» абсолютно неприспособленным к жизни в обществе и к социальным контактам. Стремящийся к созерцанию истины мудрец, согласно этой логике, становится человеком абсолютно безразличным к делам государства, поэтому Аристотель разделяет *Θεωρία* на созерцательную мудрость и на здравомыслие, которое управляет исключительно деятельностью. В результате возникает созерцательная и практическая, т.е. политическая жизнь. Мудрец воспринимается не только как созерцатель, но и как тот, кто заботится об улучшении государства. Он закладывает основы общества или их исправляет, формирует законы [2, с. 17]. Отсюда делается вывод, что созерцание, *Θεωρία* представляет собой такое познание, которое служит деятельности, праксису.

Соотношение двух значений термина *Θεωρία* – теоретического и практического как политического – состоит в том, что в рамках первого значения человек воспринимается в качестве существа, наделенного спекулятивным разумом, назначение которого состоит в созерцании божественных идей и заботе о созерцании как таковом. В социально-политической сфере человек, являясь представителем коллектива, мыслится гражданином, чья деятельность состоит в заботе о добродетелях и, в первую очередь, – о справедливости. Поэтому можно сделать вывод о необходимости знакомства с обеими сторонами жизни и *Θεωρία*: с философией – ради образования и с политикой – ради жизни в обществе [2, с. 37].

Итак, созерцание в научном и философском понимании может быть понято как видение чистых идей, стремление к получению знания как такового, усмотрение истины, основ и принципов

построения мироздания. Переноса это усмотрение на политическую сферу, созерцающий имеет возможность построить совершенную модель общества и государства.

Вторая трактовка понятия *Θεωρία* реализуется как характеристика религиозного созерцания. Культ любого бога формирует и материализует определенные душевные переживания. Религиозное созерцание связывается с религиозным чувством, которое может быть осмысленно через созерцание красоты богов и красоты танцев и песнопений как богослужений. А.-Ж. Фестюжьер указывает на то, что красота богов в Древней Греции объяснялась их природой, при этом понятие красоты сливалось с понятием божественного как такового. Красота богов говорит об их могуществе, внутреннем и внешнем совершенстве. Соответственно, в созерцания богов с помощью религиозного чувства реализуется идея созерцания эстетически прекрасного тела, этически прекрасного духа и логически прекрасного разума. Созерцание прекрасного тела, разума и духа богов невозможно без упорядоченности и меры, имманентно присущих богам, что позволяет говорить о гармоничности здоровой жизни богов, поэтому религиозное созерцание может быть понято как созерцание физической красоты, гармонии душевной жизни и упорядоченности разумной жизни.

Физическая красота понимается как равновесие, сплоченность частей тела и как признак мощи, самодостаточности безмятежной силы. Гармония душевной жизни предполагает усмотрение богов внутри нас и наше душевное уподобление богам. Красота разума может быть понята как следование мировому разуму – Логосу [2, с. 45–60].

Назначение праздников состоит в воздаянии почестей бессмертным богам, и богослужения должны демонстрировать благость и красоту богов. В богослужениях реализуется почитание богов *мерными* движениями *прекрасных* тел, являющих *безмятежность прекрасных* душ в мировом *порядке*. В ритуалах возникает требование ритма и гармонии тела и души, через ритм и гармонию ритуала боги даруют нам состояние эйфории.

Третья трактовка понятия *Θεωρία* реализуется как характеристика внутренней жизни. Как показывает Платон, изначально человек предрасположен либо к созерцательной, либо к практической деятельности. *Θεωρία* в идеях Платона становится чем-то вроде подавленной деятельности, возникающей из страдания от негармоничной жизни. Боль, страдание становятся испытаниями для человека, переводя его интеллект в область теоретизирования, *Θεωρία*, уводя

взор человека от практической деятельности. В диалогах «Федон» и «Пир» Θεωρία раскрывается в знании и любви к знанию и мудрости. В земной жизни происходит подготовка к созерцательной жизни, реализуемой после смерти. Созерцательная любовь ведет, согласно Платону, через возвышенного Эрота к умопостигаемому единству Прекрасного [7].

Мир идей становится градом божьим. Душа встречает эйдосы благодаря своей собранности. Вернувшись к себе, она освобождается от тела, внешних чувств и материи, приобретая мужество, умеренность и справедливость как добродетели. На этом основании можно сделать вывод, согласно которому Θεωρία как внутренняя жизнь может быть понята как стремление заботы о душе, формирование ее упорядоченности, гармоничности и отрешенности от тела и социального существования человека.

Список литературы

1. Григорян Э. Г. Созерцание или «внимательное наблюдение». URL: http://xn--e1aajfpeds8ay4h.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_4_3.pdf (дата обращения: 30.04.2015).
2. Фестюжьер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону. СПб., 2009. 497 с.
3. Платон. Теэтет // Платон. Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 192–274.
4. Платон. Федон // Платон. Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 7–80.
5. Гераклит Эфесский. «Музы» или «О природе» // Гераклит Эфесский : все наследие : на языках оригинала и в рус. пер. : крат. изд. М., 2012. С. 184–214.
6. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. С. 274–298.
7. Платон. Пир // Платон. Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 81–134.

Theory as Contemplation: to the Origins of the Formation of the Concept

M. V. Lakhonin

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: sindino@rambler.ru

The article considers the origin and etymology of the term «contemplation», as well as the study of the origins of his origin. The author identified the concept of «theory» and «contemplation», given the working definition of «contemplation», is denoted by Greek and Roman roots of the studied concepts. As the source of origin of the notion of «contemplation» the author proposes to consider three interpretations of this concept. These should include the understanding of contemplation as a desire to obtain knowledge as such, the religious understanding of the term through the contemplation of the beauty of gods and worship, and interpretation of contemplation as a characteristic of the inner life. In the study of contemplation as the desire to obtain knowledge analyzes the ratio of theoretical and practical (political) values of the studied term.

Key words: contemplation, reason, harmony, sage, Logos.

References

1. Grigoryan E. G. *Sozertsaniye ili «vnimatelnoe nabludenie»* (Contemplation or close observation). Available at: http://xn--e1aajfpeds8ay4h.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_4_3.pdf (accessed 30 April 2015).
2. Festugière A.-J. *Contemplation et vie contemplative selon Platon*. Réimp. Paris, 1978. 494 p. (Russ. ed.: Festyuzher A.-J. *Sozertsanie i sozertsatel'naya zhizn po Platonu*. St.-Petersburg, 2009. 497 p.).
3. Plato. Theaetetus. Jowett B. *The dialogues of Plato: in 5 vol.* London, 1931. Vol. IV, pp.193–280 (Russ. ed.: Platon. Teetet. *Platon. Sobr. soch.* : v 4 t. Moscow, 1993, vol. 2, pp. 192–272).
4. Plato. Phaedo. Jowett B. *The dialogues of Plato: in 5 vol.* London, 1931. Vol. II, pp.159–266 (Russ. ed.: Platon. Fedon. *Platon. Sobr. soch.* : v 4 t. Moscow, 1993, vol. 2, pp. 7–80).
5. Heraclitus. *Fragments: The collected wisdom of Heraclitus*. New York, 2001. 128 p. (Russ. ed.: Geraklit Efesskiy. «Muzy» ili «O prirode». *Geraklit Efesskiy: vse nasledie na yazykakh originala i v rus. per.*: krat. izd. Moscow, 2012, pp. 184–214).
6. *The Fragments of Parmenides. A Critical text with introduction and translation, the ancient testimonia and a commentary*. Las Vegas, 2009, 461 p. (Russ. ed.: Parmenid. O prirode. *Fragmenty rannikh grechescikh filosofov*. Moscow, 1989, pp. 274–298).
7. Plato. Symposium. Jowett B. *The dialogues of Plato: in 5 vol.* London, 1931. Vol. I, pp.159–266 (Russ. ed.: Platon. Pir. *Platon. Sobr. soch.*: v 4 t. Moscow, 1993, vol. 2, pp. 81–134).

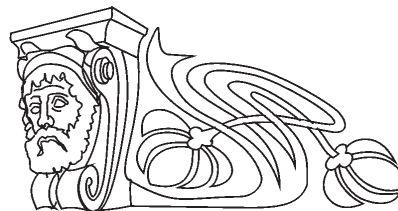

УДК 115

ВРЕМЯ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Пилипенко Елена Александровна –

кандидат физико-математических наук, доцент,
докторант кафедры философии и методологии науки,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

Целью настоящей работы является анализ существующих представлений о времени философов-постмодернистов. Показано, что в философском постмодернизме не существует единых представлений о времени, так как сама философия постмодернизма не представляет собой единую целостную совокупность взглядов. Строится краткая ретроспектива философских представлений о времени (Ж. Дёлез, Ж. Деррида). Показывается, что время в философском постмодернизме всегда мыслится свойством сознания: оно не разворачивается в реальности, а лишь постигается опосредованно через знак, различие, традицию, память, культурный горизонт. Выделяется существенная роль настоящего, «поглощающего» прошлое и будущее, и в силу этого самодостаточного. Время больше не мыслится объективным, универсальным свойством мира, а рассматривается как имманентное сознанию, субъективное и специфичное. Доказывается, что неопределенность онтологических свойств времени связана с его чрезвычайной сложностью как феномена, гарантированной самыми современными естественно-научными результатами.

Ключевые слова: время, философия постмодернизма, деконструкция, сознание, различие, след, знак, текст.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-31-35

Время – важнейший бытийный феномен, без осмысления которого не обходится ни одна хоть сколько-нибудь значимая философская концепция, а взгляды на время характеризуют философские эпохи. В этой связи чрезвычайно интересным кажется анализ самых современных философских представлений о времени, особенно представлений философского постмодернизма, сосредоточившего свое внимание на сложности и перманентной изменчивости социального мира.

Философский постмодернизм, проповедуя отказ от прежних идеалов, отрицающий саму возможность «достоверности и объективности», не может не отказываться и от традиционного понимания времени [1]. Истинный идеал постмодернистов – это хаос, именуемый Ж. Делезом «хаосмосом», первоначальное состояние неупорядоченности, несконченных возможностей. Для «постмодернистской чувствительности» характерно ощущение мира как хаоса, где критериев ценностей не существует; в постмодернистском дискурсе центр – фикция, а истина заменена иллюзией, симулякром, копией никогда не существовавшего оригинала [2]. Любое подобие

порядка нуждается в немедленной деконструкции – освобождении смысла путем замены фундаментальных философских понятий [1], и именно деконструкция становится универсальным методом постмодернизма. В процессе деконструкции происходит разложение традиционной структуры, а истину можно рассматривать «как некий “ансамбль” который был сконструирован» [3]. Как результат, всякие традиционные представления становятся бессмысленными, а время тоже становится фикцией, симулякром, свойством сознания, представлением.

Сразу заметим, что непосредственных исследований проблемы времени в различных философских концепциях постмодернизма немного, хотя те, что существуют, нельзя не признать значимыми и даже знаковыми. Речь, в первую очередь, разумеется, идет о деконструкции Ж. Деррида, о его знаменитых работах «Голос и феномен» [4], «Презентация времени» [5], и о представлениях Ж. Делеза [6]. Однако вся философия постмодернизма настолько сосредоточена на непрерывной изменчивости социальной реальности, на постоянно сменяющихся друг друга становлении и разрушении, на хаотичном, на преходящем, на асимметричном, на адогматичном, что время присутствует практически во всяких постмодернистских размышлениях о реальности как фон, порой едва различимый, как скрытая координата, как непознанный и непонятный механизм всяких изменений, так что все происходящее являет себя лишь как неявная функция времени. И для того, чтобы различить это неявное, ускользающее, но такое значимое для перманентной социальной изменчивости время, имеет смысл воспользоваться столь значимым для постмодернистской философии методом интерпретации, и тогда герменевтика скрытых смыслов и трактовка происходящего в реальности позволяют понять, что время есть в ситуации постмодерна.

Плюрализм, самая известная принципиальная особенность постмодернизма, затрудняет проводимый нами анализ, но и вместе с тем делает его более интересным. Существование множества постмодернистских концепций ре-

альности, в каждой из которых время должно определяться особенно, приводит и к разнообразию возникающих смыслов времени. Однако уже в самих основаниях постмодернизма заложено отрицание классических линейных или циклических представлений о времени. В самом деле, хаос социальной реальности, ее тотальная бесструктурность, перманентная сложная динамика не допускают самой возможности линейного протекания времени, точных циклических повторов происходящего, заставляют предполагать время нелинейным, не текущим, а «растекающимся», допускающим инверсии. С этим сложным, возможно, обратимым временем с особыми масштабами, задаваемыми человеческим сознанием или социальными практиками, возможно все. Это время способно «замирать» или даже исчезать вовсе, как это происходит, например, в бодрийеровской гиперреальности [2]. Это время создает постоянно длящееся настоящее, заставляет его поглощать прошлое и будущее, делает их несуществующими [6]. Это время обуславливает двойность самого себя, существование двух времен: времени – настоящего и времени прошлого – будущего [6]. Это время, существующее в сознании и отсутствующее в реальности, – одновременно существующее и несуществующее время-призрак.

И такое сложно бытийствующее, лишенное истинных предикатов время невозможно описывать непосредственно и однозначно: это уже не то универсальное классическое время, для определения которого достаточно было единственной фундаментальной категории. Вот почему время в постмодернистском дискурсе – это всегда не только время, но и что-то еще. Время всегда имманентно сознанию и ассоциируется со смыслом [5], с последовательностью знаков, с текстом [7], со «следом» [4], с различением [8], с интерпретацией социального, с его осмыслением, разворачиванием, «раскадровкой», с социальной памятью, традицией или их отсутствием, с направленным в будущее проектом, с даром, наконец. На помощь приходит принципиальная эклектика постмодернизма, которая и задает появление в некоторых известных концепциях синтетических суждений о времени, в которых сливаются античные категории с философскими неологизмами и литературными метафорами. Заимствуя идеи Античности, философский постмодернизм обнаруживает парадоксы времени и элиминирует его традиционные смыслы, обнаруживает онтологически разные времена.

Так, Ж. Делез при описании времени связывает его со смыслом, его двойность обозначает посредством категорий «эон» и «хронос», имею-

щих долгую и хорошо известную философскую историю [6]. У Делеза «хронос» – это всегда ограниченное «телесное» настоящее, «эон» – неограниченное бестелесное прошлое и будущее. Смысл существующего, происходящего находится в постоянном движении, и именно поэтому с ним связано время: время есть улавливаемый в реальности смысл, зафиксированный смысл есть событие. По Делезу, существует два настоящих. Настоящее может существовать как *всё*, и в этом случае прошлое и будущее лишь указывают на относительную разницу между двумя настоящими с разными протяженностями, которые могут быть наложены одно на другое сравнением смыслов. Но настоящее существует и как *ничто*, как «чисто математический момент», как «бытие разума», как *неуловимое мгновение*, выражающее прошлое и будущее, на которое оно разделено. Это и есть эон – «прошлое-будущее», которое в бесконечном делении настоящего-ничто безостановочно разлагается на прошлое и будущее, всегда уклоняясь от настоящего [6]. Но тогда существует и два времени: одно есть совокупность «сплетающихся» настоящих, а другое всегда распадается на прошлое и будущее. Время – это «хронос» и «эон» в своем различении и единстве.

Представления о двойственности времени поддерживаются и Ж. Деррида в его деконструкции аристотелевской «метафизики присутствия» [4]. Известно, что категория «время» имеет принципиальное значение для «метафизики присутствия», в основе которой присутствуют положения о привилегированном настоящем. Два главных онтологических вопроса: бытийствует ли время и какова его природа? – получают в деконструкции Деррида и в метафизике Аристотеля принципиально разные ответы. У Аристотеля время принадлежит бытию, т.е. не может не быть, а природа времени представлена моментами, мгновениями, время состоит из времени «сейчас». Для Деррида же время – невозможное сочетание бытия и небытия, нечто, принадлежащее и бытию и небытию. В работе «Голос и феномен» Деррида отмечает двойность момента времени: он есть одновременно то, чего уже нет, и то, что еще не наступило [4]. Деррида указывает на следующий парадокс: *если то, что понимается как время, существует, то времени нет, если же это действительно время, то оно не может существовать*.

Проблема бытия времени в деконструкции связана с анализом актов сознания. Апофеозом этих размышлений становится тезис Деррида о несуществовании времени в мире. Сознание достигает абсолютного знания как совпадения существующего (трансцендентного бытия) с

известным о нем (имманентным познанием). В случае со временем это означает, что сознание способно объединять моменты времени в последовательность, воспринимать их как «кадры бытия» и «проецировать» фильм о жизни мира на экран сознания. Но совпадения трансцендентного с имманентным при этом не происходит, поскольку время само по себе не разворачивается в бытии. Выходом из этой ситуации, по Деррида, является признание только имманентного синтеза времени, существование только времени сознания, а вопрос о существовании времени бытия при этом остается открытым. Временное человеческое существование разделяется с вневременным бытием мира: бытие оказывается вневременным и поэтому аннигилирует время. Время возможно только в отсутствие бытия, оно небытийственно, оно невозможно как существование, но возможно как несуществующее.

Трансценденцию мгновенного акта сознания Деррида описывает с помощью понятий «след» или «знак». След – это то, что дает возможность повторения, именно повторяемость позволяет идентифицировать акты сознания. Таким следом, по Деррида, является лингвистический знак, значимый только относительно другого знака, который он обозначает. Коррелятами времени выступают пронизывающие время значения. Но след повторяющий есть не след повторяемый, а есть след «замещающий». Неидентичность и вместе с тем заменяемость следа позволяют представить время как взаимообусловленность и взаимозависимость моментов «сейчас», что ведет, в конечном итоге, к такому представлению о времени, когда время, действительно, течет, сохраняет при этом свою последовательность и не требует пространственной мультипликации. Основную идею понимания времени у Деррида можно выразить еще и следующим образом: все в человеческом мире случается в рамках горизонтов сигнификации – культурных горизонтов социального мира. Итак, разворачивающееся время присутствует только в сознании живущего и осознающего свое временное существование индивида, в мире оно отсутствует.

Деррида вводит и понятие «различение». Различение содержит, кроме смысла «не быть тождественным», смысл «откладывать на более поздний срок». В этом контексте настоящее всегда представляет собой отличное настоящее, ибо, лишь став прошлым, оно окажется настоящим. По мысли Деррида, история существует лишь постольку, поскольку настоящее опаздывает по отношению к самому себе. Прошлое удерживается настоящим, настоящее же содержит наброски будущего. Из этого следует, что настоящее одновре-

менно уже прошедшее и еще только наступающее. Следовательно, еще настоящее прошлое и уже настоящее будущее конституируют настоящее, которое уже не настоящее (прошлое людей), и настоящее, еще не наступившее (будущее людей). Такая двусмысленность настоящего и его несовпадение с самим собой и продуцируют различия. Двусмысленность или, по Деррида, исходное различие смысла и бытия не может быть преодолено конечным триумфом однозначного смысла.

Итак, время в философии постмодернизма становится источником различия или различения, превращающим его «явление» в «следы», которые никогда не могут быть явными. Время тем самым лишается своего «личностного» измерения, но становится иррациональной стихией, в которой содержится залог освобождения от «тирании разума».

Но время, по Деррида, – это еще и дар, или презентация [5]. Время есть дар несуществования, который забывает бытие еще до его появления и тем самым образует некие иные, небытийственные структуры человеческого существования или образуется этими структурами. Время не может презентовать ничего такого, что можно увидеть, оно ведь само по себе невидимо: этакая невидимая возможность всего, чего угодно, кроме себя самого, и потому – невозможность. Время нельзя получить, но время презентует все, что существует.

Но возможен и еще один горизонт осмысления времени, связанный с предельным вниманием философского постмодернизма к языку как к основанию социальной реальности, как к дискурсу, как к важнейшему способу репрезентации социума, как к тексту, как к автономной реальности. Все есть текст, и уже сама возможность чтения этого тотального, сложнейшего, постоянно текущего текста предполагает его разворачивание во времени, временность. Интерпретация всякого социального как текста допускает ситуации, когда текст разворачивается и сворачивается, обращается, и тогда неизбежно обратное «прочтение», означающее обратимость времени, необходимость его движения вспять.

Необходимое стирание временных границ сопряжено в постмодернизме и с потерей значимости традиции. Вместо нее на первый план выходит не воспоминание, а «цитирование» как игра с «уже бывшим», как манипулирование интертекстуальностью. Авторитет и опыт превращаются в ничто. Мир выступает как плюралистичное Нечто, не сводимое ни к одному объединяющему универсальному принципу. Исторические события представляются лишенными всякого смысла и направлений. Время

утрачивает модусы и выступает как «прошло-настоящее». Форма теряет смысл, воцаряется открытая антиформа; в истории господствует случай, замыслу и закономерности места нет; иерархия как принцип структурной организации уступает место анархии; на место творчества встает деконструкция; центрирование сменяется рассеиванием; вместо углубления, традиции, укорененности предлагается ризома и «пересечение поверхностей». Означающее вытесняет означаемое, цель подменяется игрой, определенность – неопределенностью. Споры идут вокруг нового отношения к прошлому, к истории. Отрицание идеи целого разрывает связь времен.

Но возможен и другой взгляд: настоящее всегда есть только повторение прошлого, а значит – всегда традиционно. К этому выводу приходит, например, Х.Л. Борхес, проанализировавший знаменитое изречение Марка Аврелия: «Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что человек никакой другой жизни не теряет, кроме той, которой жив; и не живет он лишь той, которую теряет. Вот и выходит одно на одно длиннейшее и кратчайшее. Ведь настоящее у всех равно, хотя и не равно то, что утрачивается, так оказывается каким-то мгновением то, что мы теряем, а прошлое и будущее терять нельзя, потому что нельзя ни у кого отнять то, чего у него нет. Поэтому помни две вещи. Первое, что все от века единообразно и вращается по кругу, и безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, двести или бесконечно долго...» [9]. Для Борхеса эти слова означают не только отрицание реальности прошедшего и будущего, но и отрицание в духе Экклесиаста какой бы то ни было новизны в мире. И тогда снова происходит умаление мира, поскольку все человеческие судьбы одинаковы [10].

Итак, в философском постмодернизме не существует единых представлений о времени, и это не случайно, ведь сама философия постмодернизма не представляет собой единую целостную совокупность взглядов. Но время всегда мыслится свойством сознания: оно не разворачивается в реальности, постигается лишь опосредованно через знак, различие, традицию, память, культурный горизонт или что-то еще. Настоящее в этом времени поглощает прошлое и будущее, оказывается самодостаточным, делает невозможным выход за его собственные пределы «в другое время». Время больше не объективно, не универсально, но субъективно и специфично, это «собственное» время наблюдателя [11], существующее только «сейчас». Последнее выводит нас на проблему живого–неживого в восприятии времени, на все еще открытую проблему времени как атрибута

сознания, на проблему «коллективного» или «интерсубъективного» социального времени.

В связи с вышесказанным необходимо заметить, что неопределенность и множественность взглядов на время сближают философский постмодернизм и философскую постнеклассику. В самом деле, и постнеклассическая наука, и постнеклассическая философия тоже отказались от традиционного и однозначного понимания физического времени и давно лишили его классических атрибутов [12]: первичности (оно может полагаться эмерджентным), однонаправленности («стрела времени», по И. Пригожину, – лишь термодинамический эффект [13]), непрерывности (в квантовой термодинамике существуют модели дискретного времени, а согласно теории струн время имеет структуру), абсолютности (со времен теории относительности время связано с наблюдателем [14]). Подобная неопределенность онтологических свойств времени связана с его чрезвычайной сложностью, гарантированной самыми современными естественно-научными результатами. И сложность эта только увеличивается, если речь заходит о социальных временах, зависящих от физического, но связанных, помимо всего прочего, и с социальными практиками. С этой точки зрения, постмодернистские взгляды на время могут оказаться весьма полезными и для современной физики и, на наш взгляд, вполне способны обогатить ее новыми революционными идеями. В любом случае загадка времени еще очень далека от решения.

Список литературы

1. Руднев В. Словарь культуры XX века. М., 2001. 608 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
3. Деррида Ж. В Москве : деконструкция путешествия. М., 1993. 199 с.
4. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб., 1999. 208 с.
5. *Derrida J. Donner les temps. Paris, 1991. 232 p.*
6. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М., 1998. 480 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000. 512 с.
8. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Краlechкина. М., 2007. 495 с.
9. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления / пер. с древнегреч. А. В. Добровольского с прим. Б. Б. Лобановского. Черкассы, 1993. 224 с.
10. Борхес Х. Л. Письмена Бога. Циклическое время. М., 1992. С. 92–96.
11. Андраде де Силва Ж. Л., Лошак Ж. Поля, частицы, кванты / предисл. Л. де Бройля. М., 1972. 189 с.

12. Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А. Онтология времени // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. Т. 4, вып. 24. С. 6–14.
13. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопр. философии. 1989. № 8. С. 3–19.
14. Пилипенко Е. А. Время : постнеклассическая онтология // Изв. Сарат. гос. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–58.

Time in the Philosophy of Postmodernism

E. A. Pilipenko

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

The purpose of this work is to analyze philosophers' postmodernists existing concepts of time. It is shown, that in the philosophical postmodernism there are no uniform conceptions about time, in view of the fact that philosophy of postmodernism is not present a uniform holistic totality of views. Brief retrospective of philosophical conceptions about time is constructed (J. Delez J. Derrida). It is shown, that the time in philosophical postmodernism always thoughts as a property of consciousness: it does not unfold in reality; it is just comprehended indirectly through the sign, difference, tradition, memory or culture horizon. The important role of present, which "absorbs" past and future and becomes self-sufficient by this, is distinguished. It is shown, that the time is no longer thought objective, universal property of the world, it's considered as an immanent consciousness, which is subjective and specific. It is shown, that the uncertainty of ontological properties of time is related to the emergency complexity of it as a phenomenon, which is guaranteed with the most modern natural scientific results.

Key words: time, postmodern philosophy, deconstruction, consciousness, discernment, trace, sign, text.

References

1. Rudnev V. *Slovar kultury XX veka* (A dictionary of twentieth-century culture). Moscow, 2001. 608 p.
2. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, 1981. 358 p. (Russ. ed.: *Bodriyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert*. Moscow, 2000. 387 p.).
3. Derrida J. *V Moskve: dekonstruktsiya puteshestviya* (Derrida J. In Moscow: the deconstruction of a journey). Moscow, 1993. 199 p.
4. Derrida J. *La voix et le phenomene*. Paris, 1967. 166 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlyya*. St.-Petersburg, 1999. 208 p.).
5. Derrida J. *Donner les temps* (Presentation of Time). Paris, 1991. 232 p.
6. Deleuze G. *Logique du sens*. Paris, 1969. 392 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Logica smysla*. Per s fr. Ya. I. Svirskogo. Moscow, 1998. 480 p.).
7. Derrida J. *De la grammatologie*. Paris, 1967. 360 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *O grammatologii*. Per s fr. i vstup. st. N. Avtonomovoy. Moscow, 2000. 512 p.).
8. Derrida J. *Leécriture et la difference*. Paris, 1967. 445 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pismo i razlichie*. Per s fr. D. Kralachkina. Moscow, 2007. 495 p.).
9. Aurelius M. *The Meditations*. London, 1871. 204 p. (Russ. ed.: Aurelius M. *Naedine s soboy. Razmyshleniya*. Per. s drevnegrech. A.V. Dobrovolskogo s prim. B. B. Lobanovskogo. Cherkassy, 1993. 224 p.).
10. Borges J. L. *La Escritura del Dios*. Buenos-Aires, 1949. 12 p. (Russ. ed.: Borkhes Kh. L. Pismena Bogu. *Tsiklichesкое время*. Moscow, 1992, pp. 92–96).
11. Andrade de Silva J. L., Loshak J. *Quanta*. New York, 1969. 256 p. (Russ. ed.: Andrade de Silva Zh. L., LoShak Zh. *Polya, chastitsy, kvanty*. Predisl. L. de Broyllya. Moscow, 1972. 189 p.).
12. Afanaseva V. V., Pilipenko E. A. Ontologiya vremeni (Ontology of time). *Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya I sotsialnye tekhnologii* (Science Journal of Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies), 2014, vol. 4, iss. 24, pp. 6–14.
13. Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni (Reopening of time). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1989, no. 8, pp. 3–19.
14. Pilipenko E. A. Vremya: postneklassicheskaya ontologiya (Time: postneclassic ontology). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015. Vol. 15, iss. 1, pp. 53–58.

УДК 168.522

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ВЫЗОВ

Попов Денис Александрович –

кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: pvden@yandex.ru

В статье рассматривается влияние ситуации постмодерна на развитие гуманитарных дисциплин в начале XXI в. Отмечается, что исходный тезис постмодерна о бесконечной вариативности текстов оказывается угрозой для научного статуса истории, филологии, социально-экономических наук, которые лишаются возможности достоверно устанавливать истинное содержание исследуемых текстов. Выделяются различные стратегии, ко-

торые применяются гуманитарными науками для сохранения своего научного статуса: консервация прежнего методологического аппарата, частичная адаптация постмодернистских идей, ответная критика постмодернистского мировоззрения. Автор приходит к выводу, что все они являются неудовлетворительными и в настоящее время продолжается разрушение научного гуманитарного знания. Возможной стратегией противостояния

постмодерну является отказ от ориентации на критерии строгой научности и превращение истории и филологии в деятельность, напоминающую художественную.

Ключевые слова: гуманитарные науки, постмодернизм, методология, научность, сциентизм, эпистемологические проблемы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-35-39

Ситуация постмодерна со второй половины XX в. приобрела общекультурный характер и, как следствие, затронула все области культурной деятельности, в том числе и гуманитарное знание. Лежащие в основе постмодернистского мировидения идеи постструктурализма о бесконечной вариативности текстовых интерпретаций, зародившиеся первоначально в области чистой философии, неизбежно ставили под сомнение саму возможность научной работы с текстами с целью установления содержащейся в них и за ними «истины». Поскольку прочтение текста изначально есть субъективный произвол читателя и текст не содержит в себе никакого знания, кроме того, что вкладывается в него интерпретатором, говорить о его «научном» изучении бессмысленно.

Разрушительность постструктуралистских идей для любых наук, работающих с текстами, очевидна. Признание правоты постструктурализма означает фактическую ликвидацию и филологии, и истории, основывающих свои выводы на прочтении источников, и дисциплин социально-экономического цикла, также интерпретирующих разнообразные текстовые данные. Тем самым неизбежным становилось столкновение постструктуралистской философии и гуманитарных дисциплин, отстаивающих свою научность. Реакция научного гуманитарного знания на постмодернистский вызов и неизбежная трансформация этого знания под влиянием постмодернистских идей и станет предметом анализа в нашей работе.

Проникновение постструктуралистских идей из философии в науку началось в XX в. постепенно, поскольку «нормальная наука обычно держится от творческой философии на почтительном расстоянии» [1, с. 125]. Ученые, как правило, снисходительно относятся к философским идеям, считая их чем-то умозрительным, ненадежным и противопоставляя им строгость и обоснованность научных выводов. Однако демонстрируемая наукой независимость от философии является мнимой, так как философия, с одной стороны, играет роль методологии по отношению к науке, с другой – обосновывает саму возможность научного знания. Неисполнение философией этой функции, философские со-

мнения в науке неизбежно подрывают позиции последней. Эта уязвимость науки перед философией обнаружилась в ситуации постмодерна с предельной очевидностью.

К середине XX в. увлечение сциентизмом в культуре заметно пошло на спад. В естествознании закончилось время великих открытий, связанных с теорией относительности и квантовой механикой, одновременно стало очевидным, что в гуманитарном знании за прошедшие сто лет после своего возникновения позитивистский проект «социальных и гуманитарных наук» не достиг заметных успехов. Тем временем внутри самой философии начались процессы, развитие которых угрожало подорвать господствующий статус науки в культуре.

С одной стороны, структурализм, в середине XX в. доминировавший в качестве философской и методологической основы научных исследований текстов, начал осознавать свою ограниченность и перерастать в постструктурализм, отказывавшийся от поиска неких объективных структур, определяющих текст. Структуры, ранее воплощавшие собой «научность» и «объективность», получили статус произвольных интерпретаций, выделяемых исследователем по своему усмотрению.

С другой стороны, не менее опасный для науки процесс развивался в рамках постпозитивистской философии науки. Исследователи, принадлежавшие этому направлению (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос), стремились установить строгие критерии «научности» с целью разделения действительно научного знания и его имитаций. Однако чем дальше, тем больше философы науки обнаруживали ее зависимость от социальных или даже просто субъективных факторов, а также размытость, неопределенность границ между «наукой» и «ненаукой».

Стремясь спасти критерии строгой научности, философия науки второй половины XX в. выводила за ее пределы все, что не укладывалось в жесткие рамки требований строгой научной эпистемологии, в том числе «за скобками» оказались и гуманитарные дисциплины, не соответствующие образу идеальной науки. Так, К. Поппер категорически отказывал истории в праве на создание научных теорий: «возможны только исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной» [2, с. 310]. Таким образом, гуманитарные дисциплины испытывали натиск с двух сторон: и со стороны постструктурализма, субъективирующего процесс взаимодействия текста и исследователя, и со стороны философии науки, отказавшей им в научном статусе.

Особенно острая ситуация сложилась в отечественных гуманитарных науках: до 1990-х гг. марксизм исполнял роль своеобразной защитной стены, скрывавшей от ученых начавшиеся процессы деконструкции научного знания на Западе, теперь же отечественные науки внезапно оказались лицом к лицу со всем комплексом эпистемологических проблем, порожденным постмодерном. Как следствие, в это время в отечественной научной среде начались постоянные дискуссии о статусе гуманитарного знания в новой ситуации.

Суть обсуждаемых проблем сводилась в основном к следующим вопросам: должны или не должны гуманитарные дисциплины поддаваться постмодернистскому импульсу? Если должны, то до какой степени? А если их задача состоит в том, чтобы противостоять ему, на что они могли бы опереться в своем противостоянии?

Надо отметить, что опасности, вносимые постмодерном, были осознаны в России далеко не сразу. Первоначально в нем увидели нечто вроде новой научной теории, способной оживить развитие гуманитарных наук. Концепции симулякра или деконструкции, стратегии Йельской школы рассматривались как новый инструмент научного познания, еще один комплекс теоретических наработок, способных «гуманизировать» науку, и лишь позднее была осознана их принципиально антисциентистская направленность.

Потенциальная утрата научного статуса гуманитарными дисциплинами стала решающим фактором начала активного сопротивления исследователей постмодерну. Утрата «научности» кажется многим немислимой и невозможной, и именно ее защита является, к примеру, главной целью Н. С. Автономовой, отстаивающей структуралистские принципы в филологии [3]. Более того, при анализе постмодерна оценки его противников становятся крайне эмоциональными. Так, А. А. Пелипенко называет постмодернистскую культуру владениями голого короля и противопоставляет ей попытки «разобраться, что к чему», т. е. прежний идеал научного «знания» противопоставляется постмодернистской «интерпретации» [4, с. 286].

Однако чрезмерно яркая эмоциональная реакция, как представляется, скрывает настоящую растерянность. А что смогли гуманитарные науки за прошедшие два с половиной десятилетия противопоставить постмодернистскому натиску?

Сопротивление гуманитарных наук выразилось, прежде всего, в преданности прежним исследовательским программам: марксизму, психоанализу и структурализму. Но каждая из них к началу XXI в. оказалась в глубоком кризисе,

ни одна в данный момент не может похвастаться «научной легитимизацией». Их основания в ходе углубленной и последовательной критики признаны «ненаучными», следовательно, для продолжения их использования в качестве научной методологии необходимо повторное обоснование, а такое обоснование отсутствует.

Попытки выработать некие новые альтернативные теории, описывающие гуманитарную реальность, успеха не имели: каждая из них оказывалась востребованной лишь ее автором, а все вместе они парадоксальным образом укрепляли позиции постмодерна, утверждающего бесконечные вариативные возможности в создании такого рода объясняющих схем. Ф. Анкерсмит, анализируя современное состояние исторической науки, отметил, что «быстрое умножение теорий привело нас к этапу, когда теория не закрепляет, а лишь способствует растворению субъекта <...> мы живем в эпоху, когда, по-видимому, каждый ученый располагает собственной эпистемологической моделью» [5, с. 430].

Другая стратегия защиты, избранная представителями гуманитарных наук, заключалась в поиске некоего компромисса между прежними научными представлениями и постмодернистской системой идей. За постмодернизмом признавалась определенная правота, но радикализм его выводов отвергался, и постулировался некий «третий» путь, равноудаленный и от идеала строгой научности, и от постмодернистского произвола. Такая позиция заявлена, к примеру, известным западным медиевистом Г. Спигел [6], позднее её стали разделять многие другие авторы [7, с. 90].

К сожалению, проект «теории среднего плана» не приобрел каких-то конкретных черт. Хотя сама по себе идея компромисса кажется привлекательной, остается непонятным, на каких основаниях он мог бы быть достигнут. Постмодернистское видение мира абсолютно самодостаточно, оно не нуждается в компромиссах и не подразумевает их. Мы либо признаем релятивность знака, либо не признаем, какой-либо компромисс в данном случае вряд ли возможен. Малоперспективными выглядели и попытки обратиться к родственным дисциплинам за методологической «помощью», поскольку все они при ближайшем рассмотрении оказываются под давлением «постмодернистского вызова».

Тем временем, пока методологи безуспешно пытались найти способ заново обосновать «научность» гуманитарного знания, постмодернистские стратегии начали проникать во все дисциплины социально-гуманитарного цикла. Так, в филологии с приходом постмодернизма

начала утверждаться концепция «диалогизма», основателем которой принято считать М. Бахтина. Исследования Бахтина не были востребованы в момент их создания, в период господства идеалов строгой научности, но интерес к ним пробудился тогда, когда диалогизм превратился в один из инструментов деконструкции текста. Сам диалогизм, как признает Н. С. Автономова [3, с. 146], подразумевает внесение в текст субъективной интерпретации, что мало совместимо с его научным исследованием. Другим примером постмодернистского влияния в филологии может служить Йельская американская критическая школа, взявшая на вооружение деконструкцию как метод исследования классических текстов с целью обнаружения в них новых возможных прочтений.

История, в свою очередь, все в большей степени превращается в «литературу», в «роман о прошлом». Работа Х. Уайта «Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века» заставила увидеть в исторических сочинениях не науку, а работу воображения, использующего ассоциации и мифологическое мышление [8].

Не лучше обстоят дела и в общественных науках: социологи констатируют, что «эра всеобъемлющих социальных теорий, которые могли бы дать рациональные ответы на многочисленные иррациональные вызовы <...> закончилась. Ожидать разработку теорий в духе Маркса, Дюркгейма или Парсонса ныне не приходится» [9, с. 172]. В свою очередь экономисты всерьез обсуждают эрозию экономической науки под влиянием постмодерна [10].

Подводя итоги, следует признать тот факт, что в обозримом будущем обосновать научный статус гуманитарных дисциплин вряд ли удастся. Наука – часть культуры, она эволюционирует в русле общих тенденций ее развития, и, в первую очередь, влияние на ее статус оказывают процессы, идущие в философии. Ситуация постмодерна губительна для «научного» гуманитарного знания, но чтобы произошли обратные изменения, необходимы радикальная смена культурного климата, завершение ситуации постмодерна или возвращение сциентизма как былого увлечения наукой. В настоящее время даже в естествознании, считающемся эталоном научности, крепнет тенденция к субъективности и неопределенности, что не оставляет надежд на возвращение прежних идеалов «научности».

Однако есть ли на самом деле повод для пессимизма? Должны ли гуманитарные дисциплины непременно быть науками? Не является ли сам этот идеал ложным, навязанным общей волной сциентизации культуры XIX–XX вв.?

В течение долгого времени история считалась «учительницей жизни», а не наукой. Никто не сомневается в том, что Геродот или Плутарх – историки, но для них занятия историей были поиском мудрости и литературным творчеством, а не установлением научной объективности. В возвращении к этому отринутому идеалу, возможно, и заключается путь эволюции истории как дисциплины. Об этом писал уже К. Поппер, когда заявлял что «история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл» [2, с. 320], интерпретировав ее в духе тех ценностей, которые для нас важны. В настоящее время близкой позиции придерживается К.-У. Гумбрехт, когда заявляет, что «вместо метода и точности гуманитарные науки должны <...> поощрять плодотворное применение воображения» [11, с. 14] и способствовать развитию «рискованного мышления».

В еще большей степени сказанное относится к филологии, которая превращается в уникальный опыт прочтения текста, без притязаний на обнаружение в этом опыте «абсолютных» и общеобязательных истин. Отказ от равнений на стандарты строгой научности, таким образом, может стать для гуманитарных дисциплин не крушением, а способом радикальной трансформации, превращения в деятельность, близкую художественной, при сохранении за ними познавательной функции, но без ее стандартизации по «научным» образцам.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. 605 с.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992. Т. 2. 528 с.
3. Автономова Н. С. Открытая структура : Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2009. 503 с.
4. Пелипенко А. А. Искусство в зеркале культурологии. СПб., 2009. 318 с.
5. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. 612 с.
6. Spiegel G. M. Hystory and post-modernism // Past and Present. 1992. Vol. 135. P. 194–208.
7. Гусева И. И. Стратегии исторического исследования : философско-эпистемологический анализ. Саратов, 2006. 110 с.
8. Уайт Х. Метаистория : историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. 528 с.
9. Кравченко С. А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007. 264 с.
10. Экономическая теория в XXI веке – 1(8) : Экономика Постмодерна. М., 2004. 752 с.
11. Гумбрехт К.-У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 7–17.

Humanities and Postmodernist Challenge

D. A. Popov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: pvden@yandex.ru

The paper deals with the influence of the postmodern condition on the development of the humanities in the beginning of the 21st century. The paper points out that the original thesis of postmodernity about the infinite variability of texts poses a threat to the scientific status of history, philology, socio-economic sciences, which are denied the possibility to reliably determine the true content of the texts being explored. There are different strategies that the humanities use to preserve their scientific status: conservation of a previous methodological apparatus, partial adaptation of postmodern ideas, response criticism of a postmodernist world view. The author comes to the conclusion that all of them are unsatisfactory, and the destruction of scientific humanistic knowledge is currently continuing. A promising strategy of opposing postmodernity is to renounce a rigorous commitment to scientific criteria and to transform history and philology into an activity that is similar to an artistic one.

Key words: humanities, postmodernism, methodology, scientific, scientism, epistemological problems.

References

1. Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions*. Chicago, 1962. 172 p. (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Moscow, 2003. 605 p.).
2. Popper K. *The open society and its enemies: in 2 vol.* London, 1945. Vol. 2. 352 p. (Russ. ed.: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t.* Moscow, 1992. T. 2. 528 p.).
3. Avtonomova N. S. *Otkrytaya struktura: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* (Open structure: Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov). Moscow, 2009. 503 p.
4. Pelipenko A. A. *Iskusstvo v zerkale kulturologii* (Art in the mirror of culturology). St.-Petersburg, 2009. 318 p.
5. Ankersmit F. R. *Sublime historical experience*. Stanford, 2005. 481 p. (Russ. ed.: Ankersmit F. R. *Vozvysshennyy istoricheskiy opyt*. Moscow, 2007. 612 p.).
6. Spiegel G. M. Hystory and post-modernism // *Past and Present*, 1992, vol. 135, pp. 194–208.
7. Guseva I. I. *Strategii istoricheskogo issledovaniya: filosofsko-epistemologicheskii analiz* (Strategy of historical research: the philosophical and epistemological analysis). Saratov, 2006. 110 p.
8. White H. *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*. Baltimore, 1973. 464 p. (Russ. ed.: Uayt Kh. *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka*. Ekaterinburg, 2002. 528 p.).
9. Kravchenko S. A. *Sotsiologiya moderna i postmoderna v dinamicheski menyayushchemsya mire* (Sociology of modern and postmodern in a dynamically changing world). Moscow, 2007. 264 p.
10. *Ekonomicheskaya teoriya v XXI veke – 1(8): Ekonomika Postmoderna* (Economic theory in the XXI century – 1 (8): The economy of the postmodern). Moscow, 2004. 752 p.
11. Gumbrecht H.-U. Ledyanye obyatiya «nauchnosti», ili Pochemu gumanitarnym naukam predpochtitelnee byt «Humanities and Arts» (The icy embrace of «scientific», or Why the Humanities is preferable to be «Humanities and Arts»). *Novoe literaturnoe obozrenie* (New literary review), 2006, no. 81, pp. 7–17.

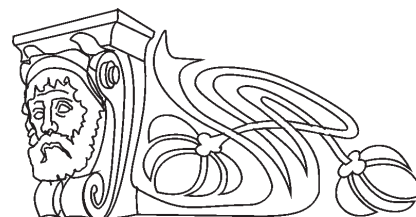
УДК 87.6

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЮ «ОБРАЗ»

Попов Дмитрий Николаевич –

аспирант кафедры философии, Ярославский
государственный университет имени П. Г. Демидова
E-mail: dmitrii_popov_1991@mail.ru

В статье анализируются история понятия «образ» и разные подходы к использованию этого понятия в современной науке. На основе этого формулируется определение понятия «образ» в рамках интегративного подхода. В связи с особенностями современной цивилизации подчеркивается актуальность данного подхода. Основой подхода является феноменология – философия Э. Гуссерля. Инструментарий феноменологии – феноменологическая редукция – позволяет выделить разные уровни образов. Ядром образа является дескрипция, поэтому уровни образов определяются уровнем дескрипции. Обращается внимание на то, что образ воздействует на уровень сознания воспринимающего субъекта в соответствии с акцентами на определенных уровнях дескрипции образа. Таким образом, статья представляет интерес для теории поведения и социальных наук.

Ключевые слова: образ, интегративный подход, феноменология, дескрипция, сознание.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-39-43

Человек с древних времен строит свои представления об окружающем его мире, основываясь на образах. Между тем сама концепция понятия «образ» в течение времени складывалась, изменялась и уточнялась [1, 2].

Знание в форме образа естественно усваивается, легко для понимания и отражает глубинное мировоззрение человека, систему его ценностей,

потребностей, его окружение, психофизиологическую природу, профессиональную, коммуникативную, духовную квалификацию, внутренний опыт человека. Образы или образ общества формируются в результате наблюдений за социальной действительностью, чаще всего через общение и следование за примером, а также за счет стихийного психологического опыта и, кроме того, на основе философских, идеологических, религиозных, научных и иных концепций.

В древней индийской философии понятие образа использовалось в концепции кармы – причинно-следственной связи. Образ – единица впечатления, которая входит в бессознательное человека в результате его деятельности. Собираясь в единый образ, эти впечатления начинают влиять на деятельность человека, которая их укрепляет. Иными словами, человек теряет свою свободу и попадает в замкнутые циклы деятельности и формирования впечатлений.

В античной философии Платон и Аристотель говорили об образе как о некоем отпечатке идеальной сущности, трансцендентной миру человека. Греческая, иудейская, христианская традиции сравнивали создание образов с покрытием чистого разума психологическим покровом, подобно репрезентации. Но уже в эпоху Ренессанса Дж. Бруно и Парацельс говорили об образах как изначальном импульсе творчества. Разум здесь рассматривается как вторичный от воображения, однако источником образа ещё считается Божественное. Но начиная с Р. Декарта и Д. Юма источником образов стала человеческая субъективность. Субъективный образ – это и есть весь окружающий мир, который мы ощущаем. Юм также рассматривал образы как репрезентацию мира, однако это уже был не вечный мир идей, не трансцендентная реальность, а мир материи.

В XIX в. проблема образа была выделена в отдельную область. И. Кант сделал вывод, что процесс формирования образа является как воспроизводящим, так и производящим, но всегда протекающим вне работы разума. Возникла концепция, что именно образы порождают наше сознание, через которое мы воспринимаем этот мир.

В XX в. эту проблему начал исследовать З. Фрейд, который представил субъективный образ как репрезентацию инстинктов. К. Г. Юнг заключил образы в понятие архетипа – априорной, бессознательной категории человеческой психики. Способность воспринимать образы представлялась не следствием контакта субъекта с реальностью, а как способность психики создавать образы: психика творит реальность. В конце XX в. эти идеи подверглись жесткой критике. Ж. Деррида и М. Фуко с помощью анализа тео-

рии языка опровергли понимание архетипа как вечной метафизической универсалии и показали, что архетип – лингвистический побочный продукт. Деррида доказал, что первичная реальность является основой существования образа.

В эпоху постмодерна Ж. Делез и Ж. Бодрийяр рассматривают понятие образа не как репрезентацию, а как копию, предшествующую оригиналу. Вводится понятие симулякра – искаженного образа, который становится частью реальности человека, опережая её. Образ, включенный в социальные отношения и коммуникации, систематически формирует социальную реальность членов социума, обесценивая природу оригинала. Естественно, что такой разрыв с реальностью порождает иллюзии, делает общество нестабильным, возникают социальные проблемы.

В современной науке существует разные подходы к интерпретации понятия «образ»: аксиологический рассматривает образ как переживание ценностных отношений, участвующее в регуляции жизнедеятельности человека. Психология использует теорию образов для проникновения во внутренний мир человека. Эти цели достигаются посредством исследования основных форм, в которых человеку представлены и объективная действительность, и его субъективность. Образные явления определяются как «образы долговременной и кратковременной памяти, представления о мире и самом себе, воображение/фантазии, сновидение и т.д.» [3, с. 196]. Особый интерес для нас представляет теория «вторичных образов» – структур, переживаемых в отсутствие непосредственно воздействующего физического стимула в качестве прообраза. Главная особенность образов данного уровня – это смешение и единство рационального и чувственного. А. А. Гостев вводит понятие «образная сфера человека», «многоуровневая, многомерная динамическая подсистема психики, «элементы-образы» которой выполняют специфические функции в психическом отражении-регулировании относительно внешней действительности и внутреннего мира личности в соответствии с жизненными обстоятельствами» [3, с. 197].

Образная сфера включает в себя: «а) духовно-нравственные измерения человеческого бытия, б) неявные аспекты окружающего мира (т.е. многообразия бытия, идеально представленного в человеке), в) сферы идеальных объектов (ценностей и отношений эстетического, этического, философско-мировоззренческого, религиозного и т.п. порядка)» [4, с. 10].

Дифференциально-психологический подход отражает сложный характер функциональной

нагрузки параметров образной сферы человека, те особенности, которые вносят свой вклад в обеспечение конкретной жизнедеятельности человека. Также он показывает значимость взаимной детерминации интегральной картины мира и конкретных образов. Индивидуальные особенности образных сфер приводят к различиям в представлениях о мире.

Феноменологическо-герменевтический подход к понятию «образ» рассматривает его как «личность», которую человек должен понимать, т.е. подчеркивается важность учета субъективного выражения образа. Сознание представляется как поток образов, переживание которых является фактором актуализации неявных для повседневных состояний сознания смыслов. Оценивание образа происходит на основе такого значения переживания, как «вчувствование». Феноменологическая развертка понятия «образ» показывает, что он одновременно является выражением субъекта и отражением объекта, образно-символьно передающим реальность, идеально представленную в человеке, так как образный опыт может показывать результаты взаимодействия человека с миром и самим собой. То, насколько адекватно сознание отражает и транслирует образ, зависит от уровня его «чистоты» или феноменологической дескрипции: «Примечательно, что Гуссерль в феноменологической дескрипции этого уровня созерцательного наполнения больше использует метафору “видения” (“я вижу в чистой рефлексии”). Характеризуя *rasyanti vas* (речь уровня “Звук” – “пашьянти”, второго из четырех), Зильберман также склоняется к ассоциации с “видением” <...> Он сравнивает данность “Звук” – “пашьянти” со “зримым словом”, которое сопоставимо с “онтологическими иллюстрациями” Хайдеггера и “эйдетическими формами” Платона» [5, с 186–187].

Феноменология формирует дифференцированные, или структурные, представления о содержании опыта переживания потока сознания и его взаимосвязи с актами восприятия. Она раскрывает смысловое содержание образа, рассматривая его как имагинативный. С помощью эйдической редукции варьируется перцептивное содержание воображения, а трансцендентальная редукция косвенно основывается на парадигме образа. И. Н. Инишевым феноменология рассматривается как теория образа: «Речь идет о предпосылках, превращающих феноменологическую дескрипцию в разновидность коммуникативного опыта. Образные, или имагинативные, основания феноменологического метода как раз конкретизируют или даже воплощают такого рода социально-коммуникативные предпосылки, тем самым

дополняя диахронический срез косвенной (формальной) исторически-социальной обусловленности дескриптивного метода синхроническим срезом “непосредственных” интерсубъективных содержаний» [6, с. 199].

Сформулируем понятие образа на основе исследованного материала. В интегративном понимании *образом является форма потока переживания, отражающая определенный уровень реальности в зависимости от уровня дескрипции субъекта*. Из множества подходов к онтологии образа был выбран интегративный подход. Различные теории являются отражением различных уровней или сторон реальности. Не существует естественных представлений о мире, которые бы были совершенно оторваны от него. Такое понимание объективного существования множественности представлений о реальности выражено у современных представителей восточной философии через принцип несимметричной диалектики. Согласно этому подходу, любому представлению можно придать относительный смысл, и тогда оно становится истинным, является способом описания универсальной Истины мироздания [7, с. 21].

В подтверждение актуальности этого подхода можно вспомнить утверждение известного психолога К. Роджерса, что у современного человека в век информации возникает ситуация свободного сознательного выбора представлений об этом мире и, соответственно, поведения, которого не было в традиционной культуре. В связи с этим Ю. М. Резник вводит понятие «комплексной личности», «которое выражает вариативность социального существования человека в современном мире. Такая личность способна перестраивать свое отношение к миру в зависимости от занимаемой в каждый данный момент жизни позиции или переживаемой ситуации» [8, с. 55].

В соответствии с феноменологическим интегративным подходом Платон, Дж. Бруно, Д. Юм, И. Кант, З. Фрейд, К. Г. Юнг, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр и др. говорили о разных уровнях бытия образа или образах, отражающих разные уровни реальности. Существуют образы, отражающие мир трансцендентный и мир материальный, они могут быть точным отражением этих миров, искаженным или предваряющим реальность. Кроме того, они могут как полностью скрывать реальность от человека, так и служить откровением для него, быть довербальным сообщением, идущим из высших сфер сознания, или являться порождением ума в виде комбинации опыта. Данные уровни отражаются через ступени феноменологической дескрипции. Она показывает условность очевидности чувственно-

го восприятия, отражающего лишь одну сторону реальности. Поэтому образ психофизиологического уровня дескрипции принципиально неполноценен, так как отождествляет чувственный срез реальности с абсолютным бытием, но чисто отражает переживания эмпирической предметности. На уровне лингвистического субъекта предметом дескрипции становятся психолингвистические смыслы. Примером могут быть образы культурно-исторического конструктивизма, где реальность отождествляется с её описанием в дискурсе. На наш взгляд, это самый обширный срез образов. Сюда также входит идеологический уровень, основанный на смешении эмоционального и рационального дискурсов. Его проблемы выявляются предметом рациональной психологии И. Канта. Он, в свою очередь, фундирован онтологическими клаузами, утверждениями о существовании или несуществовании объекта. Следующий уровень находится в основе предыдущего и отличается преобладанием гносеологических клауз, утверждений об уровне познания объекта. Это – уровень чистой рациональности трансцендентального субъекта, предметом которой служат идеи, этика, вера (И. Кант). Примером взаимодействия данных уровней является философия К. Маркса, послужившая основой для идеологии В. И. Ленина.

Уровнем образов феноменологической установки является интенциональная дескрипция, предмет которой – поток переживаний. Образы интенционального субъекта являются основой для всех остальных дескрипций. На данном уровне восприятия «феноменолог может себе позволить вернуться уже в так называемую естественную установку без риска возвращения в наивное восприятие мира как “действительности, обретаемую как сущую так, как она мне себя дает”» [9, с. 400–401].

Особенность восприятия образов в том, что они даны в смешении разных уровней дескрипции восприятия хабикулярного «я» или в «образной сфере» (в терминологии А. А. Гостева). Восприятие хабикулярного уровня «на основе онтологически-дискурсивных клауз <...> описывает “Я” естественной установки как “обнаруживающее” себя в некотором “окружении”. Это “окружение” составляют исключительно ему присущие, отличающие его от других и неизменно присутствующие хабикулярные (в терминологии Гуссерля) характеристики <...> Получается, под категорией “хабикулярного Я” у Гуссерля подразумеваются все 4 возможных статуса субъекта – психофизический, лингвистический, трансцендентальный и интенциональный» [9, с. 244–245].

Таким образом, интегративное представление об образах как о форме потока переживаний субъекта, отражающей определенные уровни дескрипции, позволяет более глубоко проанализировать влияние образов на сознание субъекта. Понимание этого влияния и процессов обмена образов разных уровней будет полезным для теории поведения и чрезвычайно важным в социальных науках.

Список литературы

1. Серикова Т. Ю. История формирования понятия «образ» в гуманитарном знании // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4. С. 54–56.
2. Сильнова Е. И. Социальный образ России в исторической динамике : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2013. 44 с.
3. Гостев А. А. Актуальные междисциплинарные проблемы изучения образной сферы человека // Мир психологии. 2009. № 4. С. 196–206.
4. Гостев А. А. Психология вторичного образа (субъект, феноменология, функции) : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002. 396 с.
5. Сокол В. Б. Компаративный анализ феноменологии Э. Гуссерля и теистической веданты Дживы Госвами // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8 (14) : в 4 ч. Ч. I. С. 183–188.
6. Инишев И. Н. Феноменология как теория образа // Логос. 2010. Т. 78, № 5. С. 196–204.
7. Измайлов Э. Х. Несимметричная диалектика : путь к совершенному разуму. М., 2006. 80 с.
8. Резник Ю. М. Бытие человека как реальность : уровни постижения // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 52–82.
9. Сокол В. Б. Сознание против мышления : феноменологическое исследование. Тюмень, 2013. 440 с.

The Integrative Approach to the «Image» Concept

D. N. Popov

P. G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya str., Yaroslavl, 150000, Russia
E-mail: dmitrii_popov_1991@mail.ru

The article examines the history of the concept of «image» and the different approaches in modern science. On this basis, it is formulated the definition of «image» in the framework of an integrative approach. The relevance is stressed of this approach due to the nature of modern civilization. The basis of approach is phenomenology – the philosophy of Edmund Husserl. The tool of phenomenology – the phenomenological reduction to permits identifies different levels of images. The nucleus of the image is description. The level of description determines levels of images. Attention is drawn to the fact that the image affects the level of consciousness of the perceiver, in accordance with accents at specific levels of description of the image. Thus the article is of interest to the theory of the behavior and the social sciences.

Key words: image, integrative approach, phenomenology, description, consciousness.

References

1. Serikova T. Yu. Istoriya formirovaniya ponyatiya «obraz» v gumanitarnom znani (The history of the concept of «image» in the humanities). *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* (The world of science, culture and education), 2010, no. 4, pp. 54–56.
2. Silnova Ye. I. *Sotsialnyy obraz Rossii v istoricheskoy dinamike: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* (Social image of Russia in the historical dynamics: abstract of thesis of the doctor phil. sciences). Saratov, 2013. 44 p.
3. Gostev A. A. Aktualnyye mezhdistsiplinarnyye problemy izucheniya obraznoy sfery cheloveka (Actual problems of interdisciplinary study shaped the scope of human rights). *Mir Psikhologii* (World of Psychology), 2009, no. 4, pp. 196–206.
4. Gostev A. A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza (subyekt, fenomenologiya, funktsii: dis. ... d-ra psikhol. nauk* (The psychological of the secondary image {subject, phenomenology, functions}: dis. of the doctor psychol. sciences). St.-Petersburg, 2002. 396 p.
5. Sokol V. B. Komparativnyy analiz fenomenologii E. Gusserlya i teisticheskoy vedanty Dzhivy Gosvami (Comparative analysis of the phenomenology of Husserl and theistic Vedanta of Jiva Goswami). *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues theory and practice), 2011, vol. 1, no. 8 (14): in 4 parts. Part 1, pp. 183–188.
6. Inishev I. N. Fenomenologiya kak teoriya obraza (Phenomenology as the theory of the image). *Logos* (Logos), 2010, vol. 78, no. 5, pp. 196–204.
7. Izmaylov E. Kh. *Nesimmetrichnaya dialektika: put k sovershennomu razumu* (Asymmetric dialectic: the path to perfect mind). Moscow, 2006, 80 p.
8. Reznik Yu. M. Bytiye cheloveka kak realnost: urovni postizheniya (Human existence as a reality: the levels of comprehension). *Voprosy sotsialnoy teorii* (Issues of social theory), 2011, vol. 5, pp. 52–82.
9. Sokol V. B. *Soznaniye protiv myshleniya: fenomenologicheskoye issledovaniye* (Consciousness versus thinking: a phenomenological study). Tyumen, 2013. 440 p.

УДК 101.1:316

«ВТОРАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ» В ЭПОХУ «КОНЦА ИСТОРИИ»

Рахметов Рашит Рашитович — аспирант кафедры философии, Саратовский государственный технический университет
E-mail: rahmetovrashit@gmail.com

На материале современной культуры обосновывается, что «вторая религиозность» («ресакрализация»), имея черты сходства с ранней мифологической эпохой, одновременно с этим и противоположна ей в различных аспектах. Доказывается, что специфика «второй религиозности» в европейской культуре заключается в тенденции синтеза религиозно-мистических учений с естественно-научной идеей эволюции. «Вторая религиозность» характеризуется универсалистскими тенденциями объединения мировоззренческих концепций различного рода. Данная особенность отражается как в синтезе науки и религии, так и в объединении различных сакральных учений. В период «второй религиозности» наблюдается также трансформация традиционных сакральных ориентиров. Подобное наблюдается также и на примере эпохи заката таких культур, как греко-римская в поздней Античности и русская накануне Октябрьской революции.

Ключевые слова: «вторая религиозность», ремифологизация, ресакрализация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-43-47

У истоков рождения всякой культуры стоит мифологическая эпоха, и культура вновь возвращается к мифу в фазе своего заката. Такое возвращение культуры в лоно породившего ее мифа

О. Шпенглер назвал «второй религиозностью». В современной философии этот процесс называется *ресакрализацией* и *ремифологизацией*, а фаза заката маркируется как «*конец истории*». В этом смысле период «второй религиозности» *противоположен* ранней мифологической эпохе, поскольку свидетельствует не о рождении, а о завершении культуры, когда «усталая, раздосадованная и холодная, она теряет радость жизни и — как в римскую императорскую эпоху — из тысячелетнего света вождедеет обратно к мраку прадушевной мистики, к материнскому лону, к могиле. Таково волшебство “второй религиозности”» [1, с. 266].

Одной из отличительных черт «второй религиозности» являются *универсалистские тенденции синтеза* и тяготение к своеобразной *синтетической сакральности*. Это проявляется в попытках как синтеза науки и религии, так и объединения всех существующих религий. Причем этот синтез осуществляется на фоне обращения к *мистицизму* и на почве мистицизма. Тяготение к мистицизму также глубоко симптоматичное

явление, возникающее на закате культурно-исторического типа и являющее собой одну из характерных черт «второй религиозности». Разумеется, мистические учения имеют место во всякий период существования религии, но господствующими они становятся именно в период «второй религиозности». Стоит напомнить, что подобный синтез на почве мистицизма неоплатоников был и в период поздней античности.

На наш взгляд, связь между мистицизмом и религиозностью эпохи заката объясняется следующим: путь мистицизма, по самой своей сути, – весьма специфическая стратегия соединения с Богом. Дело в том, что мистицизм связан с пафосом *развоплощения тварного мира*: возвращением к тому единству с Богом, которое было до сотворения; возвращением в единство первонеразличенности, когда Бог еще не воззвал из бездны «Ничто» образы сотворенных Им вещей. Таким образом, в мистицизме единение с Богом совершается через обращение в «Ничто», – то самое «Ничто», из которого мир создавался и в котором исчезают все различия. По словам одного из ярчайших представителей мистицизма, «...нет у души более близкого доступа к божественной природе, как «Ничто» <...> чтобы стать равной Богу, не должна ли душа обратиться в Ничто?» [2, с. 102]. Неомистические тенденции наблюдаются в современном естествознании: сами физики нередко отмечают аналогию между холономными и бутстрап-концепциями и мистикой пустоты в даосизме и буддизме.

Это – общие соображения, касающиеся мистицизма «второй религиозности». А теперь обратим внимание на специфику мистицизма, характерную для европейской «второй религиозности»: именно европейской, и никакой другой культуры. Неомистические учения, возникающие в фазе «второй религиозности» европейской культуры, имеют некий неповторимый лик, специфику, отличающую их от «второй религиозности» других культурно-исторических типов. «Вторая религиозность» европейской культуры уникальна в той же мере, в какой европейская культура отличается от других, получивших название *культур традиционного типа*. Уникальность европейского пути развития связана с идеей прогресса и ориентацией на постоянные нововведения («инновации»), в противовес культурам традиционного типа, ориентированным на «вечное возвращение» к прошлому. Уникальность «второй религиозности» европейской культуры заключается в своеобразном *синтезе мистических учений с идеей эволюции*.

Сегодня наметился встречный процесс: 1) тенденция интерпретации эволюционизма

в русле теологических концепций (М. Бихи, Ф. Коллинз, М. Шерман); 2) тенденция превращения эволюционизма в некое подобие религиозной доктрины. В том числе, намечается некая парадоксальная корреляция между доктриной эволюционирующего человечества и оккультизмом. Как замечает Ю. М. Дуплинская, «доктрина *эволюционирующего человечества* приобретает сегодня статус «религии XXI века», которая пытается конкурировать с традиционными религиями» [3, с. 150].

Тенденция превращения учения об эволюционном совершенствовании *homo sapiens* в некую альтернативу христианству, а значит в своего рода религию (как известно, противоположное – это «свое иное») истоком имеет учение о сверхчеловеке Ф. Ницше. Далее курс на эволюцию человечества начинают брать оккультные эзотерические учения. Прежде всего, это учение Е. Блаватской об эволюции человеческих «рас» (согласно этой доктрине, современная стадия развития человечества соответствует «пятой расе», от которой совершится переход к «шестой» расе). Хотя Блаватская, в отличие от Ф. Ницше, не противопоставляла своего учения христианству, а лишь считала, что дает новую «интерпретацию» всем существующим религиям в духе религиозного универсализма, все же можно заметить, что это учение предано анафеме со стороны христианской церкви.

На синтез науки и религии в русле эволюционистской интерпретации православия в начале XX в. претендовало такое направление русской религиозной философии, как *русский космизм* (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский). Философия «космизма» также не признается ортодоксальным православием. В рамках западной религиозной философии синтез креационизма и эволюционного учения и эволюционистскую интерпретацию католической доктрины попытался осуществить П. Тейяр де Шарден. Поскольку эти концепции хорошо известны и не раз были предметом многочисленных исследований, мы опустим их детальное изложение и перейдем к обобщающему анализу.

Выделим некоторые общие моменты содержания этих концепций: с одной стороны, это мистико-пантеистические мотивы «Единого», «всеединства», «всего во всем», «всеобщей одушевленности», «разума, растворенного в каждой частичке универсума» и т.д. Примером может служить концепция панпсихизма К. Э. Циолковского: «Отзывчива всякая частица Вселенной. Мы думаем, что она также чувствительна <...> Только степень чувствительности разных частей Вселенной различная и непрерывно меняется от

нуля до неопределенно большой величины...» [4, с. 265]. Такого рода идеи являются типичными для мистицизма эпохи «второй религиозности», в этом сходство мистицизма эпохи «Заката Европы» и мистицизма поздней античности (неоплатонизма).

С другой стороны, это нетипичное и при-сущее лишь Европе соединение мистицизма с эволюционной доктриной. В отличие от «Единого» неоплатоников, «Единое» европейского мистицизма мыслится «не только данным, но и заданным» в качестве «точки Омега» (П. Тейар де Шарден), к которой устремлен эволюционный процесс. Ведется речь о вступлении человечества в «качественно новый этап эволюционного процесса», который «не заканчивается на человеке». Говорится о том, что «элементарная гоминизация развивается в коллективную гоминизацию», направленную к слиянию сознаний в некое единое коллективное или космическое «сверхсознание», о «конвергенции всех сознаний», о «синтезе индивидуальных сознаний», о «синтезе сознаний наций и рас» в направлении «сверхмышления, то есть сверхперсонализации». В результате должно сформироваться «коллективное сознание», «планетарное сознание», «космическое сознание». Вместе с тем возможно и «коллективное тело», «коллективный организм некоей сверхперсоны», «тело единого человечества» [5, с. 305].

Теории такого рода находят свое продолжение в практике, прежде всего, это оккультные психотехники сплавления многих сознаний в единое «групповое», «коллективное» и т.п. сознание. Отличительной особенностью современного оккультизма является учение о построении «коллективного духовного тела», о коллективных оккультных практиках, которые приходят на смену индивидуальным.

В XXI в. чаяния «коллективной гоминизации» обретают новые возможности практической реализации. Оккультные психотехники «единого сознания» начинают подкрепляться техническими достижениями. Таким образом, намечается новый этап синтеза между оккультными и научными доктринами эволюции *homo sapiens*. Совершается переход от «романтических предчувствий» (каковыми являлись русский космизм или «сверхсознание» П. Тейара де Шардена) к технологическим проектам (реальным или утопическим, пока судить сложно). В фазе «нано-био-инфо-когно (NBIC) технологий» ведется речь о переходе от «хай тек» к «хай хьюм» технологиям. «Хай хьюм», в отличие от «хай тек» технологий, призваны не просто служить человеку, но совершить преобразование самого человека.

Конвергенция оккультной и технологической концепций эволюции вступает в новую фазу в рамках такого характерного течения, как *трансгуманизм* (термин введен ирано-американским футурологом Ф. М. Эсфендиари в 1966 г.). Трансгуманизм сегодня становится мощным течением, главной целью которого провозглашается бесконечное совершенствование человека на основе новейших достижений научно-технического прогресса. От человека – к «трансчеловеку», а далее – к «постчеловеку» – существу с невиданно расширенными физическими, психическими, интеллектуальными возможностями, вплоть до новых форм разумной жизни – «интегрированных сообществ», «голографических субъектов», «люденгов» и т.п.

Особенно характерен в этом плане технопроект «Аватар», предложенный инициативной группой ученых, большинство которых из институтов Российской академии наук. Само по себе название, позаимствованное из древневосточных учений, уже указывает на некую смычку с оккультной концепцией эволюции. Этот технопроект предусматривает создание искусственного тела человека и включает такие направления, как «Аватар А» (небиологическое антропоморфное искусственное тело человека, дистанционно управляемое через интерфейс «мозг-компьютер»), «Аватар Б» (создание искусственного тела, пригодного для трансплантации в него головного мозга человека в конце жизни), «Аватар В» (создание методики переноса нематериальной структуры сознания человека в полностью искусственное тело) и «Аватар Г» (создание тела из нанороботов и тела-голограммы). Налицо параллель между неосозаемым «телом-голограммой», о формировании которого ведет речь технологическая эволюция, и «тонкими телами», об эволюции которых говорит современный оккультизм.

В этом плане характерным является также высказывание одного современного оккультного восточного гуру: «Всегда было очевидно, что сложность этого (т.е. духовного. – Р.Р.) пути устанавливает весьма жесткие рамки и критерии для тех, кто вступает на этот путь, и что этот путь всегда открыт только для созревших, чистых, возвышенных, избранных, благословленных, готовых, самых лучших. Он не для всех, а для тех, кого именуют “садху”, “людьми Пути”, тех, кто идет по божественному, святому Пути эволюции. Но что же делать тем 99% остальным, тому большинству, кто не является садху и не способен к аскезе, медитации, подвижничеству? Есть ли для них другой доступный путь в масштабах общества? Есть.

Этот путь – биотехнологическая энергоинформационная революция. Этот путь мог бы соединить духовный путь древних святых с современными материальными технологиями и наукой» [6].

Итак, оккультная и технологическая концепции эволюционирующего человечества уже не противопоставляются друг другу, как это было ранее, а сливаются в единое русло доктрины эволюционирующего человечества как некоей глобальной «религии XXI века».

Сделаем обобщение: «вторая религиозность», возникающая на закате данного культурно-исторического типа, может напоминать миф, стоявший у его истоков. Но вместе с тем она может подменить, сместить и даже перевернуть смысловые акценты там, где создается видимость возвращения к истокам. Так тени, возникающие на закате, могут напомнить возникающие на рассвете, но ориентация света и тени на рассвете и на закате противоположны друг другу. Сакральные учения в фазе «второй религиозности» в ряде аспектов *перевернуты* по отношению к исходной сакральной традиции. Это отчасти относится и к христианству, которое в фазе «второй религиозности» имеет тенденцию расстановки акцентов, противоположных раннему христианству. Аспекты противоположности мы усматриваем в следующем.

1. В период «второй религиозности» преобладают *универсалистские тенденции* объединения «всего и вся». Эти тенденции являют себя как в *тенденции синтеза науки и религии*, так и в *объединении различных сакральных учений*, в том числе восточных и западных. Подобные тенденции синтеза наблюдались в эпоху поздней античности, накануне *заката* греко-римской культуры. Попытки синтеза науки и религии имели место также в русской философии Серебряного века, накануне русской революции, которая тоже ознаменовала своего рода «закат» определенного периода русской культуры. Нарастание такого рода тенденций совершается и в современном мире. В период же раннего христианства, напротив, подчеркивался *уникальный, глубоко парадоксальный и не сводимый ни к чему иному характер нового учения*, которое, по словам апостола Павла, «для иудеев – соблазн, а для эллинов – безумие».

2. В период «второй религиозности» делается в той или иной форме *акцент на «Едино»: «соборной», коллективной духовности*. В период же раннего христианства, напротив, *преобладали идеи избранничества*. Впрочем, сходную закономерность можно констатировать в развитии не только христианства, но и сакральных учений

Востока. Например, в ранний период буддизма также преобладала идея индивидуального освобождения, в отличие от возникших позже Махаяны, а также популярных в наше время «чань» и «дзэн»-модификаций.

3. В период «второй религиозности» происходит *«переворачивание» традиционных сакральных ориентиров*. В универсалистских учениях эволюционистского толка переворачивание традиционных сакральных учений совершается в следующем отношении: во всех традиционных сакральных учениях речь ведется только о *деволюционных и деструктивных*, но никак не об *эволюционных* изменениях, которым подвержена тварная реальность, как только она начинает отдаляться от истоков творения: это опять же касается как христианства, так и древневосточных традиций. Так, первая из четырех «благородных истин» буддизма гласит, что «все есть страдание», поэтому все традиционные восточные учения – и индуизм, и буддизм – могут вести речь только об освобождении от сансары, но никак не об эволюции в её рамках. Сансара в древневосточных сакральных традициях может рассматриваться только в качестве клетки, из которой должен вырваться человек, но ни в коей мере не в качестве «эволюционного совершенствования».

Итак, можно констатировать парадокс: рассматриваемая в аспекте научного содержания *доктрина эволюционирующего человечества* ведет речь о перспективах совершенствования homo sapiens, но, рассматриваемая в аспекте закономерностей развития культуры, она является модификацией типичного явления «второй религиозности» и в таком качестве свидетельствует не о совершенствовании, а о закате данного культурно-исторического типа.

Список литературы

1. Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. М., 1993. Т. 1. 663 с.
2. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991. 192 с.
3. Дуплинская Ю. М. Креационизм и доктрина эволюционирующего человечества // Кризис антропологических оснований современной культуры. Саратов ; М., 2015. С. 150–156.
4. Циолковский К. Э. Мониизм Вселенной // Русский космизм. М., 1993. С. 264–277.
5. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 2012. 381 с.
6. Свами Вишнудевананда Гири. Собрание тайн. URL: <http://www.advaita.org/cat/?id=220> (дата обращения: 09.10.2015).

«Second Religiousness» in the Era of «The End of History»

R. R. Rakhmetov

Saratov State Technical University
77, Politekhnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: rahmetovrashit@gmail.com

The article proves that «second religiousness» («resacralization») has some similarities with the early mythological era and contrary to it as exemplified in modern culture. The paper reveals that the specificity of the «second religiousness» of European culture is the tendency of combining religious and mystical teachings with the idea of evolution of natural science. «Second religiousness» is characterized by universalistic tendencies which combine various kinds of philosophical concepts. Given feature reflects the synthesis of science and religion, and combining various sacral teachings. The transformation of traditional sacral foundations is also featured during the period of the «second religiousness». The example can be found in the era of the decline of cultures such as Greco-Roman of late antiquity and Russian before the Russian October Revolution.

Key words: second religiousness, remythologization, resacralization.

References

1. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*: in 2 Bd. München, 1918. Bd. 1. 658 p. (Russ. ed.: Shpengler O. *Zakat Evropy*: v 2 t. Moscow, 1993. Vol. 1. 663 p.).
2. Eckhart M. *Sermons and Treatises*. London, 1979. 360 p. (Russ. ed.: Eckhart M. *Dukhovnye propovedi i rassuzhdeniya*. Moscow, 1991. 192 p.).
3. Duplinskaya Yu. M. *Kreacionizm i doktrina evolyutsioniruyushchego chelovechestva* (Creationism and the doctrine of evolving humankind). *Krizis antropologicheskikh osnovaniy sovremennoy kultury* (The crisis of anthropological foundations of modern culture). Saratov; Moscow, 2015, pp. 150–156.
4. Tsiolkovskiy K. E. *Monizm Vseleynoy* (Monism of the Universe). *Russkiy kosmizm* (Russian cosmism). Moscow, 1993, pp. 264–277.
5. Teilhard de C. P. *The Phenomenon of Man*. New York, 1975. 320 p. (Russ. ed.: Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka*. Moscow, 2012. 381 p.).
6. Svami Vishnudevananda Giri. *Izmenenie vektora evolyutsii chelovechestva* (Change of vector the evolution of humankind). Available at: <http://www.advayta.org/1677> (accessed 9 October 2015).

УДК 303

СЕТЬ: ОТ МЕТАФОРЫ К ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТАНТЕ

Сивоконь Алена Сергеевна —

аспирант кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: alyonasivokon@yandex.ru

Статья посвящена исследованию истории понятия «сеть» в социально-философском дискурсе. Принимая во внимание научный интерес разных исследователей к сетевым теориям, необходимо проследить динамику развития основного понятия данной теории. Исследуются сетевые основания учений Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, теория ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, проводится сравнительный анализ двух современных сетевых подходов — акторно-сетевой теории и концепции сетевого общества. В основном выводе рассматривается перспектива становления сетевого подхода в качестве социально-философской метатеории.

Ключевые слова: сеть, метафора, сетевая теория, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, ризома, акторно-сетевой подход, сетевое общество.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-47-51

В современном мире сеть стала определенной парадигмой миропонимания. Мы говорим о социальных сетях, сетевом обществе, сетях знания, сетевом менеджменте, сетевой культуре и т.д. Подобная многообразная укорененность сетей в общественной жизни порождает исследовательский

интерес к сетям в самых разных областях знаний: социологии, философии, политике, менеджменте, экономике. Однако при всей очевидности сетевых феноменов современной науки, сеть привлекала внимание исследователей задолго до наших дней, поэтому основной задачей данной статьи является исследование истории формирования и изучения понятия сети в социально-философском дискурсе для наиболее полного понимания современных сетевых концепций.

С точки зрения Е. И. Княzewой, проблема относительно недавнего формирования сетевых теорий в социальных науках связана с тем, что сеть воспринималась учеными исключительно в виде метафоры или аналитической модели [1]. Хотя это не значит, что сеть как социальный и философский феномен не интересовала исследователей на более ранних этапах развития науки. Истоки сетевого подхода можно увидеть в работах Э. Дюркгейма и «формальной социологии» Г. Зиммеля.

Р. Коллинз находит зачатки сетевого подхода в учении Э. Дюркгейма о ритуалах, которые позволяют индивиду ориентироваться в социальном пространстве и «эти “коллективные репрезентации” поселяются в разуме человека и действуют как гироскопы, которые направляют людей к определенным видам взаимодействия и удерживают от других» [2, с. 247]. Исходя из идей Э. Дюркгейма, Коллинз выводит понятие сети ритуальных взаимодействий, так как сеть не приемлет жесткости и отличается вариативностью.

К пионерам сетевого подхода некоторые исследователи причисляют и Г. Зиммеля. Постулируя вопрос «Как возможно общество?» исходным пунктом своей социологии, Г. Зиммель приходит к выводу, что социальное конституируется субъектами, их отношениями и взаимодействиями. Общество понимается Зиммелем как динамичное, лишённое статики, поскольку оно есть процесс взаимодействия людей [3, с. 513]. Необходимо также отметить, что непосредственное влияние на становление сетевой теории оказала социальная антропология (Р. Радклифф-Браун, К. Митчелл) и социометрия (Я. Морено).

Глубокое философское осмысление феномен сети получил в работе «Тысяча плато» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Используя метафору ризомы, они детально описали методологию и онтологию сети. Делез и Гваттари сформулировали основные характеристики сетевой организации, такие как гетерогенность, множественность, одновременность локализованных организаций и непрерывность движения в стремлении выйти за собственные пределы. Принимая релятивность ризомы как факт, авторы «Тысячи плато» акцентируют свое внимание на структуре сети, ее характеристиках и свойствах, поскольку «у множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения» [4, с. 14]. Ризома по своей сути тотальна, обезличена и вариативна, «у нее нет ни начала, ни конца, но всегда середина, из которой она растет и переливается через край» [4, с. 37].

Таким образом, в конце 1980-х гг. во Франции были заложены фундаментальные основы сетевой теории, которая сегодня стала методологическим аппаратом. Именно в это время сеть начинает обретать форму понятия, а не использоваться в качестве метафоры. Исследуя метафоричность сети, В. В. Василькова полагает, что на определенном этапе становления знания метафора может выступать в качестве «когнитивного механизма, способного при помощи подвижного семантического смещения “рамки” и “фокуса” продуцировать новые образные модели, на основе которых впоследствии

создаются новые теоретические положения» [5]. Можно сказать, что метафора является индикатором трансформации реальности и становления нового знания, маркирует собой поиск нового понимания и рождения другой онтологии. Обновленное понимание бытия требует новых средств его описания – так появляется категориальный и методологический аппарат, в котором феномен из метафорического образа становится явным и определенным понятием. Поэтому именно в 1980–1990 гг. формируются два магистральных сетевых подхода, которые в современной философии определяют направление сетевых исследований и само понятие сети: это теория сетевого общества М. Кастельса и акторно-сетевая (АСТ) Б. Латура. Исходя из исследовательского интереса обоих мыслителей к сетевым феноменам, сравнительный анализ нами проводится на основе генеральных концептов данных теорий.

1. *Технология/Гибрид*: постулируя информацию как главный ресурс современности, Кастельс определяет феномен коммуникации в качестве системообразующего для общества. Трансформация способов передачи информации ведет за собой необходимое изменение социума. Следовательно, в качестве ключевого момента для понимания сетевых структур Кастельс полагает феномен технологической революции.

Распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью [6, с. 494]. Появление Интернета актуализировало сети, сделало возможным появление и совершенствование сетевых форм взаимодействия: «Интернет – это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [7, с. 15]. Всегда подручные коммуникативные средства с доступом в Интернет формируют новый тип социального устройства – сетевое общество. Под сетью М. Кастельс понимает совокупность связанных между собой узлов [7, с. 13], а в качестве основных характеристик сетевых структур выделяет гибкость и адаптивность к изменяющейся окружающей среде. «Узловая» структура интернет-сетей амбивалентна по своей сути. Во-первых, точками сети являются технические базы, обеспечивающие доступ к Интернету, во-вторых, «узлами» интернет-сети становятся сами социальные субъекты, которые способны обрабатывать информацию. Кастельс решает эту дилемму, редуцируя изменение социального взаимодействия к специфике технологии.

В противовес технологическому детерминизму Кастельса, Латур развивает идею гибридности общества. Не отвергая постулата о социально образующей функции науки и технологии, Латур все же не считает их приоритетными. Он рассматривает общество через призму гибридов – совокупности сложных объектов, способных к действию. АСТ отвергает представление о вещах как пассивных объектах, находящихся в подчинении у человека. Не только субъекты способны конституировать социальное, артефакты в значительной мере составляют собой ту объектность, из которой складывается социальность. В контексте сетевого подхода акцент переносится на само действие как социальный факт. Употребление в речи самих понятий субъекта и объекта становится некорректным, и поэтому они оба заменяются на более абстрактное понятие актора – действующего, совершающего (опосредующего) действие.

В понятиях гибрида и актора АСТ интегрирует онтологию социального и технического (природного) бытия и снимает субъект-объектную установку, тем самым преодолевая проблему редуцирования общества и технологии к одному из оснований.

2. *Сетевое общество/Акторская сеть*: Кастельс утверждает, что в пространстве Интернета формируется новый вид социальности – социальный индивидуализм. Он характеризуется со-общением не изолированных индивидуумов, а особой (сетевой) социальной структурой, которую выстраивают индивидуумы, согласовываясь со своими ценностями, потребностями и интересами. Трансформируется представление о человеческом сообществе как существующем по определенным законам пространства и времени. Кастельс использует определение сообщества Б. Уэлмана, которое включает в себя понятие сети: «Сообщества – это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [8, с. 1]. Подобная социальная структура, основанная на электронике, динамична и открыта.

Понятие сетевого общества вводится Кастельсом для того, чтобы определить роль компьютерных технологий в современном мире и обосновать позицию, что развитие технологий ведет к трансформации и преобразованию общественного устройства.

Латур выступает как последовательный противник понимания подобной эволюционности сетевого принципа в обществе. Из стремления преодолеть онтологическую асимметрию между человеком и не-человеком появляется новое

определение общества. Если «действовать – это опосредовать действия других» [9, с. 93], то общество сформировано из активной деятельности акторов, а «не присутствует имманентно в сети отношений, узловыми точками которой являются “объекты”, отношения предшествуют всякой сущности» [10, с. 35]. Эмансипировав объекты, отведя им равную с субъектами роль, акторно-сетевая теория создает учение о механизме конституирования общества и функционировании социотехнических сетей.

В АСТ сеть – это характеристика глобального, распределенного в пространстве и времени взаимодействия, локализованного и опосредованного акторами. Акторская сеть всегда будет социотехнической, поскольку включает в себя гибриды. Такое понимание сетей позволяет применить сетевой принцип организации общества не только к современности, но ко всей социальной истории, поскольку действие является ключевой характеристикой актора и гораздо более широкой, чем коммуникация в концепции Кастельса.

3. *Экспансия сети/Конфигурация сети*: Кастельс возводит сетевой принцип в абсолют – структура определяет содержание и способ бытия. Данная теоретическая модель предполагает доминирование социальной морфологии над социальным действием, поскольку важной характеристикой становится именно принадлежность к той или иной сети. Сеть расширяется, включая в себя новые узлы и подчиняя их деятельности сетевой логике, и «власть структуры оказывается сильнее структуры власти» [6, с. 494]. В этом смысле сетевой подход Кастельса является развитием топологических теорий на основе «опустошенных» структур, поскольку исследователь преимущественно анализирует именно морфологические особенности сетевого общества, практически не уделяя внимания развитию социальных сетей на межличностном и индивидуальном уровнях.

В этом смысле сторонники АСТ стараются не упустить из внимания то, что можно определить как содержание сетевой структуры. Сеть понимается как характеристика взаимодействия, являющегося фундаментальной категорией. В категориях новой социальной онтологии АСТ «быть» не тождественно «существовать». «Быть» – значит действовать, вступать во взаимодействие: «Объекты являются “производными” некоторых устойчивых множеств или отношений» [11, с. 223]. Онтологизация деятельности позволяет высветить взаимопроникающую логику действия и взаимодействия, которая получает свое оформление в понятии акторской сети.

Р. Хойслинг полагает, что сетевую теорию можно принять в качестве метатеории в современных социальных исследованиях. Его аргументация заключается в трех пунктах:

1) «гибкость, динамизм и открытые границы» [12] позволяют сетевой теории с конструктивистских позиций описывать динамику и изменчивость общества;

2) сетевая теория не имеет идеологической окраски, поскольку направлена на исследование структуры общества;

3) сетевая теория способна «соединяться» с любыми другими теориями.

Потенциал акторно-сетевой теории заключается в том, что она позволяет описать не только современное общество, в котором сетевые структуры стали очевидны и играют наиболее заметную системообразующую роль, но и всю человеческую историю. Таким образом, категориальный и методологический аппарат акторно-сетевой теории позволяет исследовать общество на высоком социально-философском уровне, что дает возможность говорить о формировании новых тенденций в социальной онтологии.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009а(у)).

Список литературы

1. Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11256> (дата обращения: 23.02.2015).
2. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009. 320 с.
3. Зиммель Г. Как возможно общество? // Г. Зиммель. Избранное : в 2 т. М., 1996. Т. 2. 607 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010. 895 с.
5. Василькова В. В. Сети в социальном познании : от метафоры к метатеории. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_5/Vasilkova_2012_5.pdf (дата обращения: 06.02.2015).
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 494–505.
7. Кастельс М. Галактика Интернет : рассуждения об интернете, бизнесе, обществе. Екатеринбург, 2004. 328 с.
8. Wellman B. Physical place and cyberplace : the rise of networked individualism // International Journal of Urban and Regional Research. 2000. Vol. 25. № 2. P. 227–252.
9. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–98.
10. Вахштайн В. С. Социология вещей и «поворот к

материальному» в социальной теории // Социология вещей. М., 2006. С. 7–42.

11. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей. М., 2006. С. 223–244.
12. Хойслинг Р. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. М., 2003. 192 с.

Network: from the Metaphor to the Ontologic Constant

A. S. Sivokon

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: alyonasivokon@yandex.ru

Article is devoted to research of history of the concept «network» of a social and philosophical discourse. In view of scientific interest of different researchers in network theories, it is necessary to track dynamics of development of the basic concept of this theory. In article the network bases of doctrines of E. Durkheim and G. Zimmel, the theory of a rhizome of Zh. Delez and F. Gvattari are investigated, the comparative analysis of two modern network approaches – the aktor-network theory and the theory of network society is carried out. In the main conclusion the prospect of formation of network approach as a social and philosophical metatheory is considered.

Key words: network, metaphor, network theory, E. Durkheim, G. Zimmel, rhizome, aktor-network theory, network society.

References

1. Knyazeva E. I. *Setevaya teoriya v sovremennoy sotsiologii* (The network theory in modern sociology). Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11256> (accessed 23 February 2015).
2. Collins R. *Four sociological traditions*. New York, 1994. 336 p. (Russ. ed.: Collins R. *Chetyre sotsiologicheskie traditsii*. Moscow, 2009. 320 p.).
3. Simmel G. How is society possible? *History of Economic Thought Articles*, 1913, vol. 16. Available at: <http://soc-serv.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/simmel/society> (Russ. ed.: Simmel G. *Kak vozmozhno obshchestvo? Izbrannoe: v 2 t.* Moscow, 1996. Vol. 2. 607 p.).
4. Deleuze G., Guattari F. *Mille Plateaux. Les Editions de Minuit*. Paris, 1980. 648 p. (Russ. ed.: Deleuze G., Guattari F. *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofrenia*. Ekaterinburg, 2010. 895 p.).
5. Vasilkova V. V. *Seti v sotsialnom poznanii: ot metafory k metateorii* (Networks in social knowledge: from a metaphor to a metatheory). Available at: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_5/Vasilkova_2012_5.pdf (accessed 6 February 2015).
6. Castells M. The rise of the network society. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford, 1996. 556 p. (Russ. ed.: Castells M. *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur. Novaya postindustrialnaya volna na Zapade*. Antologia. Moscow, 1999, pp. 494–505).
7. Castells M. *The Internet galaxy, reflections on the Internet, business and society*. Oxford, 2001. 292 p. (Russ. ed.: Castells M. *Galaktika Internet: rassyzhdeniya ob internete, biznese, obshchestve*. Ekaterinburg, 2004. 328 p.).

8. Wellman B. Physical place and cyberspace: the rise of networked individualism. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2001, vol. 25, no. 2, pp. 227–252.
9. Latour B. On interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity: An International Journal Translation*, 1996, vol. 3, no. 4, pp. 228–245 (Russ. ed.: Latour B. Ob interobektivnosti. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2007, vol. 6, no. 2, pp. 79–98).
10. Vakhshayn V. S. Sotsiologiya veshchei i «povorot k materialnomu» v sotsialnoi teorii (Sociology of things and «turn to material» in the social theory). *Sotsiologiya veshchei* (Sociology of things). Moscow, 2006, pp. 7–42.
11. Law J. Objects and spaces. *Theory, Culture & Society*, 2002, vol. 19, no. 5–6, pp. 91–105 (Russ. ed.: Law J. Obekty i prostranstva. *Sotsiologiya veshchey*. Moscow, 2006, pp. 223–244).
12. Haussling R. *Soziologische Essays zu Leitaspekten der Netzwerktheorie*. Stuttgart, 2003. 195 p. (Russ. ed.: Khoisling R. *Sotsiologicheskie esse po osnovnym aspektam setevoi teorii*. Moscow, 2003. 192 p.).

УДК 165.023

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И БЕЗНАКАЗАННОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Секацкий Александр Куприянович –

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Институт философии при СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: asekatski@mail.ru

В статье рассматриваются условия истинного познания, в некоем смысле предшествующие выполнению логических процедур и правил. Сущее, которое подлежит познанию, по крайней мере, не должно меняться в ходе познавательных усилий, лишь в этом случае мы имеем дело с наукой и научной истиной (достоверностью). Одновременно мы можем представить себе диапазоны познания других возможных миров (например, божественное познание), где параметры истины заданы иным образом. Далее исследуются способы предварительного конструирования или выбора такой раскадровки сущего, которая позволила бы свести любые «предметы» к человеческому диапазону истины, подобный способ лучше всего известен в социологии, где он называется созданием репрезентативной выборки. Рассматриваются и некоторые социальные последствия торжества подобных процедур: в современном обществе можно говорить о презумпции добровольной познаваемости себя самого другими, возникает новый своеобразный этический императив; будь познаваемым!

Ключевые слова: диапазон истины, природа, суперпозиция, сингулярность, объект познания, картина мира, видимость и сущность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-51-55

Для того чтобы познание было не только истинным, но и вообще возможным, необходим ряд условий, экспликация которых обычно не входит в гносеологические трактаты. Многочисленные статьи о логике и гносеологии науки ограничиваются анализом имманентной процедуры вывода и способов проверки результатов путем выборочного обращения к «внешнему миру». В каком-то смысле речь идет о правилах сервировки приборов познания, что, конечно же, весьма важно, но только если уже прозвучал

призыв «кушать подано» или, в нашем случае – *познавать подано*. Попробуем рассмотреть такое существенное предварительное условие, как заданность диапазона истины: оно предполагает, что предмет познания в результате применения гносеологических процедур и измерительных инструментов, в самом широком смысле слова, не меняется, т.е. следующий познающий застанет его таким же, как и тот, кто уже произвел свои измерения. После открытия корпускулярно-волнового дуализма это уже не очевидно: ясно, что уже не всякий предмет познания отвечает подобным минимальным требованиям [1]. Возникает и другая коллизия, связанная с состоянием самого познающего: как событие постижения, познание от первого лица, истина должна свершиться как бы впервые: какую бы неисчерпаемую регулярность она ни открыла, она, истина, должна быть личной сингулярностью для меня, иначе событие познания вообще не случится. Иными словами, истинное познание, не меняя ничего в познанном, радикально меняет самого познающего, и без совместного соблюдения этих двух условий истинное познание (познание истины) невозможно.

Предварительно очерченный диапазон истины можно признать значимым для нашего разума и разума, подобного нашему. А если прибегнуть к логике иных возможных миров? Возможно ли познающее существо, которое могло бы осуществлять безнаказанное познание в ином диапазоне? Например, постигать суперпозиции без их разрушения и, следовательно, свободно прогуливаться

в мире мерцающих квантовых ансамблей, а заодно одомашнить кошку Шредингера и слушать по ночам ее мурлыканье?

Каков, например, диапазон истинного познания всемогущего Бога, если исходить из того, что ему приписывается? Размышление над этим вопросом приводит к довольно интересным выводам: данный диапазон, по-видимому, вообще не включает в себя диапазон истинного *человеческого познания*, он является принципиально иным. Например, объекты макромира Бог не может мыслить иначе, чем они суть, ведь тогда получилось бы, что объекты эти могли бы быть не тем, чем Бог их мыслит, т.е. пришлось бы признать, что Бог может ошибаться и ошибается. Стало быть, невозможно их безнаказанное познание, а значит, бессмысленно в этом случае говорить и об «истинном познании», просто потому, что оно ничем не отличается от истинного бытия, иными словами, от Бытия. Бог не ведает лжи, что само собой разумеется, но, возможно, он не ведает и того, что осыпалось в отстойник эмпирической осуществленности [2, с. 60–72]. Познаваемые нами объекты в их неуточненной экземплярности суть своеобразные «крошки на полу», образовавшиеся в ходе и в результате творения. Статистический разброс вполне может указывать на разбросанность божественного мусора. Все, отпавшее от Бога, существует исключительно лишь в силу отпадения, т.е. пока Бог *не знает* об этом; ведь ясно, что истинное познание Бога устранило бы разброс, исключило бы ложные положения.

Таково и очевидное, и принципиальное несовпадение диапазонов, однако это еще не все. В то время как для человеческого познания выход из диапазона истины сопровождается разрушениями, познаваемое претерпевает ущерб разной степени тяжести, для Бога, похоже, дело обстоит не так. Мы ведь не зря говорим: «есть вещи, которые можно доверить только Богу» или «это знает только Бог» или «только я и Бог». Тут важно, что знание Бога ни в чем мне не препятствует, а вот чье-то иное знание вполне могло бы оказаться для меня разрушительным. Стало быть, для Бога и даже, в духе Канта, для *иного возможного разума, чем наш*, доступно истинное познание наших душ, тогда как для человека, для простого смертного, чужая душа – потемки. Слова Аглаи, адресованные князю Мышкину, «а потом вы все угадали, князь, и все испортили» [3, с. 216] могли бы быть адресованы любому человеку, но не Богу. Таким образом, истинное познание Бога не разрушает наших душ, хотя оно уничтожило бы все скрытые от Божественного познания крошки творения (очистило бы мир от

мусора), все статистические разбросы – для нас они все же находятся в диапазоне истины и даже являются привилегированной сферой, в которой выполняется принцип «знание – сила».

А объекты, находящиеся за «левой» кромкой диапазона истины, ведомы ли они Богу и в какой степени? Для квантовой механики этот вопрос, конечно, лишен смысла, но для метафизики в духе Шеллинга – не совсем. Там мерцающие соотношения, еще не отпущенные в окончательное отпадение, пребывают в исходной продуктивности и даже являются способом ее собственного пребывания, и даже познанием; в некоем спекулятивном смысле Бог как исходная продуктивность *знает* суперпозиции, а всякое познание извне есть декогеренция, приводящая к отпадению, к тому, что крошки экземплярности осыпаются, выбывая из состава знания Бога. Наш устойчивый мир как раз и состоит из устойчивой, осыпавшейся экземплярности; в отношении элементарных частиц это еще не очевидно, поскольку еще нельзя установить, *тот же* перед нами электрон или просто *такой же* [4], но вот уже атомы как следующий уровень экземплярности перемещаются в диапазон человеческой истины, выпадая из сферы истинного познания Бога. Мы не можем доказать, что Богу нужно *ровно столько* атомов, и значит в своей случайной совокупной численности они и впрямь напоминают крошки, упавшие со стола.

Сравнение диапазонов ставит вопрос о возможном пространстве совпадения: что бы это могло быть? Сразу напрашивается ответ: математика – и тогда мы можем определить ее как единственную область пересечения, входящую в диапазон истинного познания и Бога, и человека. Выражение «Бог мыслит на языке математики» использовалось неоднократно, но имеет ли к этому отношение то, что принуждение к согласию в математике является беспрецедентным, что подобная степень согласия недостижима за пределами математики? Присмотримся к математическим объектам с точки зрения уже упоминавшихся критериев. Неисчерпаемость здесь явно доведена до предела, математические соотношения таковы, что в принципе «не знают износа»: если опять-таки гравитационное соотношение между двумя объектами может как-то измениться со временем – выдохнуться, «зачахнуть», износиться, то соотношению между квадратом гипотенузы и суммой квадратов катетов это явно не грозит. Сколько ни возводи в степень такой математический объект как число, ему от этого не убудет.

И все же это, скорее, неисчерпаемая сингулярность, чем неисчерпаемая регулярность.

Ведь неисчерпаемая регулярность Богом только допущена, и пожелай он ее *истинно познать*, стохастический разброс был бы прекращен. Но все остальные истины Бога кроме математических для нас трансцендентны. А в отношении математики можно сказать, что хотя ее объекты сингулярны, но человеческому разуму даны непреложным образом, мы не можем произвольным образом изменить число этих великих сингулярностей. Человеческие «художества» в математике наименее допустимы, а вот Бог именно в математике выступает как художник. Он создал настоящее произведение искусства, ибо сколько ни тиражируй его неисчерпаемую сингулярность, с Оригиналом все равно ничего не произойдет.

Итак, интересующий нас диапазон представляет собой привычный и хорошо приспособленный для познания интерьер. Это, так сказать, гладкое когнитивное пространство, за пределами которого расположены квантовые объекты вида $(n\uparrow, n\downarrow)$, а также субъекты со своей субъективной жизнью. Но нет ли внутри гладкого пространства зон повышенной странности, своего рода черных дыр? Мы можем представить себе, например, электронное табло, соединенное с видеокамерой, которое меняет свой цвет или картинку в зависимости от количества взглянувших на него. И вот исследователь желает произвести акт познания, желает узнать, что же изображено на табло. И что же? Изображение изменится как только познающий на него взглянет – и как раз именно по этой причине!

Ситуация такого рода выглядит довольно искусственной, и все же сам факт ее возможности указывает на то, что в континууме безнаказанного (истинного) познания могут скрываться и другие черные дыры. Некоторые подозрения на этот счет давно существуют в философии. Так, мы считаем, что указания на естественный ход вещей, на природу (фюзис) вполне достаточно при выполнении соответствующих процедур. И Кант, и представители позитивизма в равной мере из этого исходят, хотя и понимают природу по-разному. Но можно потребовать и дополнительных гарантий: откуда мы знаем, что происходит с вещами, когда они остаются без присмотра? Может, стул коварно поднимает ногу, когда оказывается у нас за спиной? А если он этого не делает, то, возможно, лишь потому, что Хранитель прилагает дополнительные усилия хранения?

Истинное познание, однако, может не считаться с подобными опасениями – ведь и я, и любой другой могут всегда измерить параметры этого стула и получить те же значения. А ничего большего и не требуется – что делает стул за

пределами измерений не влияет на результаты измерений и, стало быть, не мешает истине. Сложнее дело обстоит с дистанцией рассматривания.

Скажем так, с обратной стороны точности дело обстоит так же, как с обратной стороной Луны: требуется особая оптика, чтобы их увидеть. Вот блестящий афоризм Витгенштейна: «Если я должен сказать, как предмет выглядит издали, то это описание не станет точнее, если я расскажу о том, что в нем можно заметить вблизи» [5, с. 150]

Итак, что это за концепт – «предмет, каким он видится издали»? Традиционная европейская гносеология склонна соединять с этим концептом представление о прискорбной неточности: даже если будет обоснована неизбежность такой позиции (или позиций), прискорбность подобного положения вещей как бы сама собой разумеется. В результате, в какой-то степени мы понимаем, что всякая неточность определяется по отношению к чему-то точному, которое, однако, само остается достаточно загадочным (а стало быть и неточным). По умолчанию точность понимается, исходя из оптикоцентрической метафоры, как *in fovea*, «в фокусе» и ассоциируется с наведенной резкостью. Но даже в такой прямой оптике явно не учитывается работа внутреннего «фотошопа»; термин *in fovea* вообще имеет хоть какой-нибудь смысл только в случае принципиальной неоднородности всегда наличного поля зрения. Что-то может быть в фокусе только тогда, когда что-то не в фокусе, т.е. точность зависит от системы отсчета в той же мере, как покой и движение: «предмет, видимый издали» – это образец тематизации, которая сама по себе ничуть не хуже чем «предмет, находящийся на расстоянии вытянутой руки».

Вот и Луна, видимая издали, так как она обычно видна невооруженным глазом, имеет коридор собственной исчерпывающей точности, к которому мы не можем добавить описание отдельно взятого кратера. Луна поэтов и Луна оборотней отличается от Луны астрономов, которая, в свою очередь совсем не та, что Луна алхимиков. И ни один из них не смог бы обогатить своими деталями соседнюю Луну — таков первый круг соображений. Но утверждение Витгенштейна заставляет задуматься еще вот о чем: идеал исчерпывающего знания, предполагающий, что никакая дополнительная деталь не помешает, т.е. идеал, лежащий в основе науки, все же не совсем безвреден, поскольку он поразительным образом ответственен именно за расплывчатость, загроможденность научной картины мира. Если попытаться конспективно изложить, в чем же состоит вклад в науку отдельного, но типичного

работника, ответом будет как раз перефразированный тезис Витгенштейна: это прибавление к «предмету, как он виден издали» нескольких деталей, которые можно заметить только вблизи без укрупнения самого предмета. Соответственно, чтобы получить хоть какой-нибудь фокус, необходима последовательность не уточняющих, а, так сказать, «рас-точняющих» процедур, элиминация иномасштабных загромождений из важнейших коридоров *собственной* точности. Следует произвести решительное очищение картинки того, как *предмет выглядит издали*.

Главное, однако, избавиться от пагубной привычки прилаживать на всякий случай (по принципу кашу маслом не испортишь) к собственной картине детали из другой точности, в результате чего «предмет, как он виден издали» совсем расплывается и тускнеет. Это прекрасно понимал Кант, описывая вред, проистекающий от смешения наук – и он был одним из немногих, кто не стал портить свою метафизическую Луну ни астрономическими кратерами, ни астрологическими «аспектами». Но уже Шеллинг и Гегель в попытках улучшить и продвинуть дальше систему, сочли, что научный декор не повредит – в результате их «картины» обрушились во многих местах (правда, масштабы даже сохранившихся «фресок» со временем впечатляют все больше и больше).

Свести все картины к картинам, видимым вблизи, – вот в чем, в действительности, состоит прогрессия знания. Ведь и внутри семиозиса познания есть различные перспективы, причем и истинные перспективы, дающие точный образ предмета, как он виден издали, или, например, как он виден, если оглянуться через левое плечо. Однако эти перспективы эталоном не являются, наука есть сеть равномерной детализации, наброшенная на природу (фюзис), а заодно и на остальные семиозисы: сеть должна обеспечивать стандартный улов.

Научные работники, в свою очередь, суть добросовестные исполнители заказа, который их вполне устраивает, прежде всего потому, что он выступает не просто хорошим регулятором, но и мультипликатором их численности. Если бы требовалось неперемutable удержание горизонтов, т.е. собственных коридоров точности, такого количества ученых, конечно же, набрать бы не удалось. А так усреднение точности горизонтов знания приводит к еще большему усреднению познающих: учеными в равной мере считаются и создатели новой панорамы, и те, кто способен удерживать ранг общности основного проблемного поля, а заодно и экспортеры деталей, в сущности, контрабандисты, прота-

скивающие видимое на расстоянии вытянутой руки в зоны собственной куриной слепоты.

Может показаться, что некоторые дистанции рассмотрения исключены из диапазона научного познания, хотя предметами «своего рода познания» они все же остаются. Такие внутренние участки в диапазоне возможной истины требуют отдельного анализа, поскольку могут рассматриваться не только как черные дыры, т.е. как зоны провалов, но и как зоны перекрытий в сфере человекознания, где, принимая человека за объект, можно получать некоторые объективные или объектные истины (такова, например, социология), т.е. если навести перископы познания на человека, выбрав некий расфокусированный «вид издали», познавательные операции не будут слишком отличаться от тех, что доказали свою пригодность при познании природы. Но сначала нужно сконструировать объект под названием «репрезентативная выборка» (весьма похожий на объект «вывеска, вид издали»). Такие объекты будут отличаться друг от друга по параметрам, поддающимся классификации с несомненной пользой для дела. Но если сфокусировать видоискатель, выясняется, что каждая «вывеска» содержит еще некую надпись, которая, однако, лежит за пределами диапазона научной истины по двум причинам: во-первых, она не входит в объект под названием «репрезентативная выборка», ее там не разглядеть. Во-вторых, считывание надписи (персонального кода доступа) приведет к необратимому изменению объекта, т.е. не останется безнаказанным – значит, в качестве истины она доступна только Богу.

Здесь стоит задержаться, прежде чем продолжить исследование пространства неисчерпаемой регулярности на предмет обнаружения в нем других черных дыр. Вдумаемся, для чего люди *делают вид*? Самое поразительное, что придется рассмотреть два противоположных ответа:

1) чтобы укрыться от познания, не дать себя раскусить, подставляя видимость вместо сущности;

2) тем самым реализуется требование предстать для других в умопостигаемом виде; оно сродни твердому намерению не ходить по улицам голым, дабы не смущать окружающих, не наносить ущерба их нравственности. Создавая видимость, мы добровольно-принудительно подставляем себя под сканирующее устройство познающих.

Нечто подобное имел в виду и Кант в «Критике практического разума»: «Здесь ведь дело касается не познания свойств предметов, которые посредством чего-то и где-то могут быть даны разуму, а познания, поскольку оно может стать основанием самого существования предметов

и поскольку разум через него имеет в разумном существе причинность» [6, с. 429]. Но вот неявным и оттого не менее действенным образом в список гражданских добродетелей вносится важнейшее дополнение. Наряду с давно известными пожеланиями типа «будь честным, вежливым, благодарным и т. п.» появляется новая неявная заповедь: *будь познаваемым!* И этот императив обеспечивается всеми ресурсами социума. Ведь законопослушность это, не в последнюю очередь, послушность законам познания, т.е. пребывание в заключении внутри того диапазона, где (и только где) человеческий разум обретает истину, *знание установленного образца*, причем в данном случае обретает за пределами возможного опыта. Тогда мы можем сформулировать принцип публичной социальности и гражданского общества как ее частного случая. Все дело в том, что за пределами возможного опыта создаются подобию возможного опыта (в смысле Канта) и в этих зонах (совокупность которых является гражданским обществом) люди берут на себя как бы добровольные обязательства быть познаваемыми друг для друга.

Когда мы делаем вид, он больше всего напоминает «вид издали». Для физических объектов и процессов вид издали вполне пригоден, он описывается гауссовскими уравнениями, ранговыми распределениями Лотки — Ципфа и т.д., но здесь любое укрупнение не приводит к потере познавательного статуса, к исчерпанию регулярности. А вот в мире субъектов «вид издали», удержание на определенной дистанции оказывается единственно пригодным для научного изучения, тут любое укрупнение (персонализация) означает выход за пределы явлений, прекращающий безнаказанное познание.

Список литературы

1. Callender C., Huggat N. *Physics meets Philosophy*. Cambridge, 2004. 380 p.

2. Секацкий А. К. *Онтология лжи*. СПб., 2000. 125 с.
3. Достоевский Ф. М. *Идиот*. М., 1977. 617 с.
4. Wilchek F., Devine E. *Longing for Harmonies*. N.Y., 1988. 311 p.
5. Витгенштейн Л. *Философские работы* : в 2 т. М., 1994. Т. 1. 520 с.
6. Кант И. *Сочинения* : в 8 т. М., 2000. Т. 4. 630 с.

The Problem of Truth and the «Safety» of Knowledge

A. K. Sekatskiy

St.-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya quay., St.-Petersburg, 199034, Russia
E-mail: asekatski@mail.ru

The article is devoted to the main conditions of truthful knowledge which are beyond usual epistemological reasons. First of all, objects which we try to investigate must be stable and not destroyed during our investigation, only in this case science is possible. But at the same time we may imagine other possible worlds, for example, «the knowledge of God» where we find its own dimensions of truth.

The article treats also some means which help to reduce all kinds of tasks to the standard model of «human science», it is especially evident in case of sociology. More than that, we have now new social imperative: to be transparent to each other, to human mind in general.

Key words: range of truth, nature, superposition, singularity, object of knowledge, picture of the world, phenomena and essence.

References

1. Callender C., Huggat N. *Physics meets philosophy*. Cambridge, 2004. 380 p.
2. Sekatski F. K. *Ontologia lzhi (The ontology of lie.)* St.-Petersburg, 2000. 125 p.
3. Dostoevsky F. M. *Idiot (The Possessed)*. Moscow, 1977. 617 p.
4. Wilchek F., Devine E. *Longing for harmonies*. New York, 1988. 311 p.
5. Wittgenstein L. *Philosophskie issledovaniya: v 2 t.* (Philosophical investigations: in 2 vol.). Moscow, 1994. Vol. 1. 520 p.
6. Kant I. *Soch. : v 8 t.* (Complete works: in 8 vol.). Moscow, 2000. Vol. 4. 630 p.

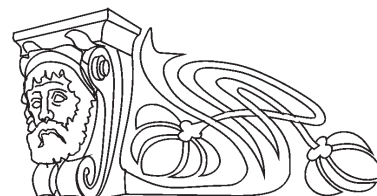
УДК 304.2

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Стычинский Максим Сергеевич —

аспирант кафедры теории и истории культуры, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва
E-mail: stichinsky@gmail.com

Статья посвящена проблеме взаимодействия человечества эпохи глобализации в условиях сохранения поликультурности. Культурные различия являются одной из наиболее важных причин мировой напряженности и конфликтности. В данных обстоятельствах

межкультурный диалог представляется наиболее подходящим форматом коммуникации. Отдельно рассматриваются основные аспекты установления диалога культур. В частности, особое внимание уделяется вопросам роли языка в процессе формирования

культурной идентичности различных социальных групп, а также основаниям распространения в глобальных масштабах единого языка общения. Возникновение феномена массовой культуры представляется положительной тенденцией ввиду формирования единой общечеловеческой основы для межкультурного диалога.

Ключевые слова: глобализация, межкультурный диалог, единый язык общения, идентичность, мультикультурализм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-55-60

Основной чертой, характеризующей мир конца XX – начала XXI в. и выделяющей данный временной промежуток из всей человеческой истории, является процесс глобализации, сущность которого заключается в объединении мирового сообщества в единое культурно-цивилизационное пространство. Эта тема является сегодня одной из наиболее обсуждаемых в научной литературе [1, 2]. Несмотря на появление научного интереса к данной проблематике в последней трети XX в., корни этого явления следует искать в XVI в., когда в результате Великих географических открытий по существу был дан старт процессам реального соединения мира в единое целое и последующей его интеграции в рамках социально-политического и экономического пространств. Совокупность данных процессов, в конечном итоге, привела к интенсификации межкультурных контактов, обусловленных в свою очередь следующими объективными причинами:

1) рост численной составляющей человечества, достигшего к настоящему моменту 7,3 млрд человек [3], что примерно в 4,5 раза больше, чем в начале XX в., и в 7 раз, чем в начале XIX в.;

2) активное развитие средств массовой коммуникации – от телеграфа и телефона до спутникового телевидения и глобальной сети Интернет (3,2 млрд пользователей к 2015 г. [4]), «опутавшей» человечество плотной «паутиной» коммуникативных связей;

3) увеличение протяженности транспортных сетей: общая длина железных дорог в мире увеличилась с 2,4 тыс. км в 1836 г. до 1145 тыс. км в 1985 г. [5, с. 16], т.е. почти в 477 раз, не говоря уже об автомобильных, воздушных и морских путях сообщения. Кроме того, сильно видоизменились и сами транспортные средства: они стали более скоростными, вместительными и грузоподъемными.

Учитывая сохранение на прежнем уровне пригодных для жизни площадей, в конечном счете, обусловленных размерами самой Земли, указанные выше факторы неизбежно привели к объективному сжиманию социального пространства и, как следствие, экспоненциальному росту

количества контактов между представителями различных культур. Явления межкультурных контактов существовали и в глубоком прошлом, например, во времена возникновения древних цивилизаций, где они проявлялись через обмен «продуктами культуры» (предметами быта, оружием, пряностями, ювелирными украшениями и т.п.), и через подлинно культурные заимствования (заимствования имен богов с последующим включением их в свой пантеон). Для дальнейшего изложения рассмотрим роль и место культуры, в значительной степени обуславливающей характер протекания процессов мирового взаимодействия.

Культура представляет собой своего рода программный код, совокупность ценностно-мировоззренческих установок, носителем и одновременно творцом которых является каждый человек, независимо от своего социального положения и места проживания. В контексте мирового взаимодействия нас прежде всего интересуют не отдельные субъекты, а, скорее, различные социальные группы, которые также обладают той или иной культурной составляющей, представляющей собой нечто большее, нежели простая совокупность культур, входящих в данную группу членов. В силу наличия зачастую существенных различий в культурных основаниях, наибольший вес среди которых играют религиозные, взаимодействие социальных групп, или иначе – межкультурное взаимодействие, как правило, имеет содержательную конфликтную составляющую, приводящую к ситуациям межкультурной напряженности и неприятия, способных в своем крайнем проявлении разрешиться насильственным путем через открытый военный конфликт [6]. Учитывая наличие в настоящее время у девяти мировых держав ядерного потенциала, не говоря о химическом, биологическом и других видах оружия массового уничтожения, вероятность его использования в качестве последнего аргумента в споре представляется крайне негативным явлением. Проблема состоит еще и в том, что межкультурные конфликты с трудом поддаются решению ввиду особенностей характера своего возникновения: как правило, носитель другой культуры воспринимается как чужак, иной, отличный от нормы, на отношения с которым не распространяются правила взаимоотношений, принятых в данной культуре. Именно поэтому человеческая история полна примеров, когда существующие между культурами антагонизмы разрешались либо тотальным поглощением одной культуры другой, либо полным уничтожением инородной культуры путем убийства самих ее носителей.

В современных условиях, учитывая влияние внешних, сжимающих социальное пространство факторов, по объективным причинам вынуждающих человечество к налаживанию различного рода контактов, межкультурное общение может строиться только на основании установления такой формы коммуникации, как межкультурный диалог. В. И. Кудашов приводит этимологию понятия «диалог»: приставка *dia-* (через, посредством, с помощью) и корень *logos* (речь, слово, суждение) [7, с. 307–309]. В прямом значении «диалог» означает способ передачи информации – через слово, посредством речи. Для установления между представителями разных культур формы диалога обязательным представляется соблюдение некоторых базовых условий, в числе которых наличие: взаимоуважения между всеми участниками диалога; близких по своему содержанию ценностно-мировоззренческих основ; а также единого языка общения. Попробуем последовательно проанализировать каждое из данных условий по отношению к современному мировому сообществу.

Для начала необходимо подчеркнуть важную роль в установлении межкультурного диалога подхода на основании взаимоуважения к другим культурам и, как следствие, к их представителям, поскольку культуры не существуют сами по себе в отрыве от своих носителей. Основное условие, при котором становится возможным уважительное отношение к собеседнику, – наличие идентификационной близости либо высокая степень осознанности и самоконтроля, что, к сожалению, бывает редко. Действительно, взаимоуважение между субъектами коммуникации возможно либо при восприятии своего собеседника на уровне единой идентичности – «ты – такой же, как я», либо на основании принципа толерантности – «ты – не такой, как я, но я закрою на это глаза». Второй вариант тесным образом связан с проводимой на протяжении многих лет ведущими государствами культурной политики мультикультурализма, кризис которой, произошедший относительно недавно (о чем свидетельствовали заявления таких мировых политиков, как Д. Кемерон, А. Меркель, Н. Саркози), обнажил большое количество проблем в культурном аспекте мирового взаимодействия [8]. Действительно, если ранее, до начала процессов активного смешения культур, межкультурные контакты были локальными и имели эпизодический характер с возможностью возврата контактирующих культур к исходному состоянию, на места своего исторического обитания, то в результате проводимой политики мультикультурализма, допускаящей сохранение иммигрантами своих

культурных основ независимо от места фактического проживания, возникла ситуация вынужденного сосуществования человечества в условиях поликультурности, что, в свою очередь, привело к росту общей межкультурной напряженности.

Другим важным условием диалога является наличие единой ценностно-мировоззренческой платформы между взаимодействующими сторонами, а это уже область культурно-цивилизационных оснований общественных структур. Вопрос сходства или различия любых социальных субъектов лежит в области иерархии идентичностей: в том случае, если на первое место выходит потребность в приобщении субъекта к социальной группе, он ищет схожие черты, в противном случае – отличия. До настоящего времени при отсутствии осознания общечеловеческой идентичности (которая находится на стадии оформления) преобладали дифференцирующие культуры тенденции. Вопрос о том, насколько быстро в глобальных масштабах придет осознание такого рода глобальной идентичности, упростившей бы межкультурный диалог, лежит в сфере повышения уровня цивилизованности и степени осознанности каждого индивида и общества в целом. В. С. Степин считает, что одним из основных условий международного диалога культур является определение и выделение того, что объединяет контактирующие культуры, что, в свою очередь, будет способствовать налаживанию взаимопонимания между ними [9, с. 10].

Однако, несмотря на наличие со стороны многих учёных, политиков и деятелей культуры осознания объективной необходимости поиска точек межкультурного соприкосновения и установления диалога культур (данное словосочетание все чаще звучит в средствах массовой информации по тому или иному поводу), у некоторых исследователей существуют сомнения относительно возможности реализации на практике такого диалога. Например, А. А. Гусейнов считает, что возможности установления диалога культур ограничены из-за того, что культурные различия, как правило, имеют большее значение для культур, нежели их сходство друг с другом [10, с. 20].

Аспектом, мешающим установлению межкультурного диалога, является существование языкового отличия, поскольку при отсутствии единого языка диалог в своем исходном значении – посредством речи – не может реализовываться в принципе, т.е. не раскрывается коммуникативная функция языка. Язык также выполняет функцию аккумуляции культурного опыта конкретной этнической группы, включая традиции, устои, обычаи – всего того, что слу-

жит регулятором поведения внутри культуры. Именно через язык, от поколения к поколению, передаются культурная информация, социальный опыт и знания о прошлом, что помогает сохранению групповой идентичности и ее целостности. Таким образом, язык оказывает большое влияние на формирования социальных групп, подчеркивая их идентичность. Помимо коммуникативной язык также выполняет и обратные – этнодифференцирующую, декоммуникативную, защитную функции, выступая в качестве невидимого барьера, не позволяющего «чужаку» войти в пространство другой культуры; язык отделяет «чужих» от «своих». Эта составляющая языка представляет наибольший интерес в контексте установления и выстраивания глобальных взаимоотношений в современном обществе, выступая в качестве «спойлера» межкультурного диалога.

Язык, таким образом, занимает очень важное место в структуре культуры, играя роль «кровеносной системы» организма-культуры. Владение английским языком, который на данном этапе получил широкое распространение в мировых масштабах, безусловно, имеет большое значение в процессах установления межкультурных контактов, но владение единым языком общения недостаточно, поскольку «даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [11, с. 10]. Здесь важно внести уточнение: поскольку за каждым языком стоит вполне определенная культура и, как мы уже показали, владение тем или иным языком неизбежно ведет к усвоению определенных культурных основ, то можно сделать вывод, что со временем существующие культурные различия будут нивелироваться.

В процессе изучения и овладения языком человек одновременно проникает и в культуру, относящуюся к данному языку; это актуально как для родного, так и для иностранного языков [12]. В этом отношении изучение в качестве второго какого-либо языка, например, английского, ведет к принятию и надстройке над каркасом родной культуры ценностно-мировоззренческих основ другой, что, на наш взгляд, является позитивной тенденцией в условиях глобализующегося мира, создавая дополнительные точки соприкосновения и взаимопонимания. Таким образом, язык и культура представляют собой неразрывное целое, можно сказать, что без культуры не было бы языка и наоборот: без языка – культуры, поскольку с потерей языка исчезает и культура, так же, как гибнет организм, лишенный кровеносной системы. С вопросом важности наличия у культур собственного языка связаны потреб-

ности носителей данной культуры в уважении, поскольку именно язык выражает их культурную самобытность и уникальность.

Несмотря на наличие на этот счет больших опасений, сокращение количества языков на планете представляется естественным историческим явлением (по данным английского ученого Д. Крайстала, в мире каждые две недели выходит из обращения один язык [13]), напрямую связанным с процессами глобализации, в условиях которой интеграция человечества на основе единого культурного основания и, как следствие, единого общечеловеческого языка видится позитивным и желаемым результатом интеграционных процессов. Важно подчеркнуть, что речь здесь не идет о тотальной унификации: уникальность и колорит национальных культур, равно как и языков, безусловно, должны быть сохранены, но наличие второго (а может быть, и первого по значимости) языка для общения в глобальном мире является объективной необходимостью, поскольку в противном случае установление диалога культур становится весьма затруднительным.

Отсутствие единого для всех людей языка международного общения, разумеется, является большой проблемой процессов коммуникации, в частности, Э. Свадост писал: «Отсутствие общего языка ослабляет силы людей» [14, с. 6]. Необходимость общего языка была осознана с середины XX в., когда по окончании Второй мировой войны возникла проблема налаживания межкультурных контактов. В 1954 г. в Организацию Объединенных Наций со стороны членом так называемого «эсперантского движения» была направлена петиция от 16,5 млн человек из 78 стран.

Основной причиной неудачи проектов по созданию искусственного всеобщего языка, несмотря на их моральную и этическую составляющие, являлось, как было позже установлено, отсутствие в его основе культуры, на базе которой строился бы данный язык: «...эсперанто – не получает распространения и обречен на умирание в первую очередь потому, что за ним нет живительной почвы – культуры носителя» [11, с. 31]. Из всего сказанного следует, что общечеловеческий язык возможен только в случае наличия общечеловеческой культуры, отражением которой и будет этот язык. В этом отношении определенную долю оптимизма вносит распространяющаяся на естественных основаниях в глобальных масштабах массовая культура, в «теле» которой течет английский язык, она может рассматриваться в качестве предтечи единой общечеловеческой культуры.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что поиск точек соприкосновения и выстраивания отношений, способствующих межкультурному диалогу, имеет в современном мире все большее значение, поскольку «устранение стереотипов мышления и утверждение гуманистических принципов в сознании еще не ведет автоматически к решению общечеловеческих проблем» [15, с. 41]. Не менее важно и то, насколько люди готовы помимо собственных интересов учитывать и интересы других, слушать и слышать их аргументы, принимать во внимание различные точки зрения. Вполне очевидно, что в условиях всеобщей взаимозависимости, при наличии колоссального количества средств массового уничтожения людей всякие попытки решения международных конфликтов посредством насилия должны быть исключены и остается уповать только на конструктивный диалог. Разумеется, диалог не является универсальным способом решения всех проблем, в том числе, вопросов бесконфликтного существования в условиях многообразия культур и столкновения всевозможных несовпадающих интересов, однако он представляет собой, пожалуй, единственно возможный формат существования человечества в современных реалиях.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период» (№ 15-23-21002).

Список литературы

1. Куда движется век глобализации? / сб. ст. ; под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград, 2014. 400 с.
2. Общество : пространство, риски, ценности / под ред. А. Н. Чумакова. Саратов, 2012. 268 с.
3. Доклад ООН : численность мирового населения выросла на миллион человек // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24171#.Vo16VVnwC5d> (дата обращения: 29.07.2015).
4. Интернет в России и мире. URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovately_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 16.11.2015).
5. Сотников Е. А. Железные дороги мира из XIX в XXI век. М., 1993. 200 с.
6. Chumakov A. N. Culture in the global world: between dialogue and conflict // Globalistics and globalization studies / ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd, 2012. С. 291–299.
7. Глобалистика : энцикл. / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М., 2003. 1328 с.
8. Lentin A., Titley G. The crises of multiculturalism : racism in a neoliberal age. L., 2011. 274 p.
9. Степин В. С. Глобализация и диалог культур : проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 8–17.
10. Гусейнов А. А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира. М., 1999. С. 87–96.
11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008. 624 с.
12. Аникин Д. А. Феномен забывания и диалог культур в глобализирующемся социуме : российский опыт // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 3–8.
13. Crystal D. Language death. Cambridge, 2000. 271 p.
14. Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968. 270 с.
15. Чумаков А. Н. Социально-философские аспекты глобальных проблем : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1991. 47 с.

The Main Aspects of Intercultural Dialogue in the Context of Globalization

M. S. Stychinsky

State Academic University of Humanities

26, Maronovskiy bystr., Moscow, 119049, Russia

E-mail: stichinsky@gmail.com

The article is devoted to the problem of interaction of humanity in this era of globalization in conditions of preservation of a multicultural state. Cultural differences are one of the most important reasons of world intensity and conflictness. In these circumstances, intercultural dialogue seems to be the most appropriate form of communication. The main aspects of the dialogue of cultures are considered separately. In particular, special attention is given to the role of language in the formation of the cultural identity of various social groups, as well as the grounds spread globally common language of communication. The emergence of the phenomenon of mass culture is a good tendency due to the formation of a single universal basis for intercultural dialogue.

Key words: globalization, intercultural dialogue, single language of communication, identity, multiculturalism.

References

1. *Kuda dvizhetsya vek globalizatsii?* Sb. st. Pod red. A. N. Chumakova, L. E. Grinina (Where is the age of globalization? The collection of articles. Ed. by A. N. Chumakov, L. E. Grinina). Volgograd, 2014. 400 p.
2. *Obshchestvo: prostranstvo, riski, tsennosti.* Pod red. A. N. Chumakova (Society: the space, the risks and values. Ed. by A. N. Chumakov). Saratov, 2012. 268 p.
3. Doklad OON: chislennost mirovogo naseleniya vyroslo na million chelovek (The UN report: world population increased by a million people). *Tsentri novostey OON* (UN news center). Available at: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24171#.Vo16VVnwC5d> (accessed 29 July 2015).
4. *Internet v Rossii i mire* (Internet in Russia and in the world). Available at: http://www.bizhit.ru/index/polzovately_interneta_v_mire/0-404 (accessed 16 November 2015).

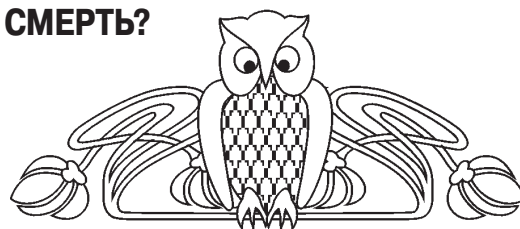
5. Sotnikov E. A. *Zheleznye dorogi mira iz XIX v XXI vek* (The railways of the world from the 19th century to 20th century). Moscow, 1993. 200 p.
6. Chumakov A. N. Culture in the global world: between dialogue and conflict. *Globalistics and globalization studies*. Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd, 2012, pp. 291–299.
7. *Globalistika: entsikl.* Gl. red. I. I. Mazur, A. N. Chumakov (Global studies: Encyclopedia. Ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov). Moscow, 2003. 1328 p.
8. Lentin A., Tittley G. *The crises of multiculturalism: racism in a neoliberal age*. London, 2011. 274 p.
9. Stepin V. S. Globalizatsiya i dialog kultur: problema tsennostey (Globalization and the dialogue of cultures: the problem of values). *Vek globalizatsii*, 2011, no. 2, pp. 8–17.
10. Guseynov A. A. Globalnyy etos kak problema (Global ethos as a problem). *Etos globalnogo mira*. Moscow, 1999, pp. 87–96.
11. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Language and intercultural communication). Moscow, 2008. 624 p.
12. Anikin D. A. Fenomen zabyvaniya i dialog kultur v globaliziruyushchemsya sotsiume: rossiyskiy opyt (The phenomenon of forgetting and the dialogue of cultures in a globalizing society: the Russian experience). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 3–8.
13. Crystal D. *Language death*. Cambridge, 2000. 271 p.
14. Svadost E. *Kak vzniknet vseobshchiy yazyk?* (As the universal language arise?). Moscow, 1968. 270 p.
15. Chumakov A. N. *Sotsialno-filosofskie aspekty globalnykh problem: avtoref. diss. ... d-ra filos. nauk* (Social and philosophical aspects of global problems: Abstract of the thesis of the doctor of philos. sciences). Moscow, 1991. 47 p.

УДК 304.4

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ СМЕРТЬ?

Шакирова Елена Юрьевна –

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил, Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал в г. Сызрань)
E-mail: 5526reu@mail.ru

Современная эпоха – это эпоха быстрых изменений, формирования ценностей, отличных от предыдущих, формирования человека иного типа. Объектом исследования статьи становится человек будущего. Перспективы и риски становления новой реальности – виртуальной – скрывают опасности другого рода – опасности потери человека. Появляющиеся его характеристики как техночеловека, киберчеловека содержат существенную особенность – зависимость человека нового типа от технических средств, им же созданных и уже оказывающих на него огромное влияние. В подобных условиях трансформациям подвергаются основные сущностные ценности человеческого бытия и уже являются основаниями вести речь о другой культуре – электронной.
Ключевые слова: современность, человек, будущее, виртуальность, ценности, наука, культура, социокультурное пространство.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-60-64

Размышление о будущем пронизывают современную гуманитаристику. В кризисной проблематике, столь популярной в настоящее время, акцентируется распад ценностной сферы индивида, что должно привести к глубокой социокультурной перестройке современности. С. А. Храпов, исходя из онтологической связи социума и человека, отмечает, что «кардинальные социальные, культурные, антропологические трансформации позволяют говорить, по сути, о рождении нового человека и общества <...>

Очевидно, что основным фактором нового витка социально-антропологического развития стали социокультурные условия новой социальной реальности, находящейся в онтологической оппозиции по отношению к классическому человеку и его ключевым атрибутам» [1, с. 192].

Появляются многочисленные характеристики человека будущего – киберчеловек, техногенный человек, техночеловек, человек информационный, объединенные единым смысловым пространством: современный человек поглощается техносферой, техногенные метаморфозы изменяют содержание сознания и, следовательно, аксиологическое поле человека настоящего. Зачастую происходящие в ценностной сфере изменения характеризуются негативно. С. А. Храпов, например, подчеркивая рост масштабов информационного поля и увеличение скорости обновления информации, пишет об изменении отношения к знанию: «... большинство обучающихся воспринимают его (знание. – Е. Ш.) лишь как средство социальной адаптации, а к самому знанию относятся весьма формально» [2, с. 54]. Но, как нам кажется, подобное отношение к образованию прослеживается в любую эпоху. Знание всегда и в любой стране рассматривалось

как средство социальной адаптации и продвижения по социальной лестнице, и формальное отношение к знанию свидетельствует о его повороте к практической составляющей, что также было актуально всегда для большинства. Знание в практическом отношении становится информацией, поэтому современное образование нацелено на передачу информации от преподавателя к обучаемым. Отношение к процессу получения знания как к творческому акту, к самому знанию как потенциальному имманентно инновационному механизму развития и самосовершенствования свойственно лишь некоторым, даже – меньшинству. С. А. Храпов также отмечает, что «знание и информация становятся товаром, который их создатели стремятся выгоднее продать» [2, с. 54]. А разве когда-либо было иначе? Знание всегда было товаром и, надо сказать, очень дорогим товаром, и информация – товар, однако не столь дорогой, как знание.

В. С. Степин отмечает, что ценностные изменения меняют культурный темпоритм цивилизации, а значит, можно сделать вывод, что определяют появление какого-то нового типа человека – человека будущего. Какие же ценности определяют переход человечества на новый этап? «1) новое отношение человека к миру природы и обществу; 2) изменение роли традиции и инновации; 3) связь преобразовательной активности человека с наукой и научной рациональностью; 4) доминирование отношений вещной зависимости в сравнении с личной зависимостью, характерной для традиционных обществ; 5) идеал творческой суверенной, автономной личности; 6) научная рациональность и научно-технический взгляд на мир» [3, с. 28]. Позволим себе не согласиться с выделенными ценностями. Во-первых, формирование «нового» отношения человека к миру природы и обществу, связанное с изменением роли традиции и инновации, процесс перманентный. История развития человеческого общества демонстрирует постоянные метаморфозы в паре «традиция–инновация» с перевесом то одной, то другой. Во-вторых, связь преобразовательной активности человека с наукой можно проследить с момента появления феномена науки. Но следует отметить также появление иных оснований преобразовательной активности: гедонизма, роста потребительской активности, значение которых в последние десятилетия возрастает. Следует согласиться с Т. В. Гусаковой, которая пишет о том, что в нашем мире понятие «гедонизм» стало относиться к кодовым [4, с. 221]. Гедонизм – это уже код культуры современного общества, он воздействует на сознание каждого индивида, на все об-

щество в целом, трансформируя его восприятие в образное, развлекательное. В-третьих, идеал творческой суверенной, автономной личности, на наш взгляд, есть прерогатива не всего общества в целом, а лишь некоторых социальных слоев.

Даже в современном обществе, которое постулируется как общество знания, информационное общество, творчество не является ценностью. «Онтологический план творчества меняет свой вектор, – отмечают Р. Х. Лукманова и А. И. Столетов. – Теперь он теряет свою экзистенциальность и существует в форме социального и технического творчества, создающего техносферу. Творческий порыв уступает место инновационности. Осмысление сущего заменяется креативностью. Создатель становится менеджером» [5, с. 1243]. Современное общество нивелировало смысл творчества, а значит, творческая личность уже не предстает как идеал, не является ценностью. В-четвертых, научная рациональность и научно-технический взгляд как доминирующие векторы в мировоззрении в большей степени были характерны для более раннего периода развития общества. Конечно, современное общество зависит от развития науки гораздо в большей степени, чем несколько веков назад. Но научно-технический взгляд на мир уже не является лидирующим, он свойственен лишь меньшинству, что обусловлено многочисленными противоречиями в картине мира, вызванными внутренними противоречиями в рамках культуры и поликультурностью современного общества, где каждая культура претендует на самописание и собственное мировидение. Кроме того, прошел период триумфа науки и торжества практики: в настоящее время на практике активно внедряются научные достижения лишь в некоторых областях, совершенствуется компьютерная техника, появляются многочисленные программы для новейших компьютеров. И, наконец, знание в большей степени становится «ситуативным», да и само понятие знания уже не подразумевает его научности. Появляются многочисленные формы «знания», которыми человеку приходится пользоваться постоянно, но которые не являются научными.

В. С. Степин считает, что «взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину мира – то, что принято называть мировоззрением эпохи» [6, с. 10]. Мировоззрение современности упрощается, низводится до удовлетворения простых потребностей, селфи-ценности становятся лидирующими. При этом наука и научные кадры оцениваются самим же обществом на порядок ниже менеджеров, политехнологов, имиджмейкеров, администраторов в сфере услуг, и причины

понятны: работа первых не столь явна и не дает таких быстрых результатов, как работа вторых. Дискуссию о значимости науки ведут уже давно, поскольку саму эту значимость можно оценивать по-разному, с различных позиций. Статус науки в обществе определяется ценностными установками и устремлениями самого общества, связью с экономикой, технологиями, военно-промышленным комплексом. Научная элита – цвет общества, но увы... не в нашей стране: здесь элитой считаются люди во властных структурах. Сегодня фактически дискредитировала себя аспирантура, которая, согласно реформе образования, стала одной из ступеней образования. В России в настоящее время аспирантура не предусматривает защиту диссертации, она лишь дает сертификат, на основании которого ее выпускник может защитить диссертацию. Абсолютно верное отношение существовало к аспирантуре до всех реформ: это был уровень науки, но не образования. Да и само образование уже не демонстрирует тех результатов, которые были в столь недалеком прошлом. Не следует расценивать эти слова как ностальгию по дням давно прошедшим, это лишь констатация фактов, не более того.

Дискредитация образования, низведение знаний до уровня практических и необходимых в повседневной жизни, широкое распространение технических средств, стандартизированность различных программ, высокая скорость обмена информацией и большой ее объем приводят к метаморфозам архитектуры культуры. Современность становится текучей и парадоксальной. Современное социокультурное пространство обретает черты мозаичности, гибкости и непостоянства связей между элементами. Внедрение высоких технологий в социокультурное пространство приводит к тому, что бытие человека становится настолько зависимым от техники и ее функционирования, что техногенность возводится в ранг мировоззренческого принципа. Виртуальная среда, порожденная техническими средствами, сама уже рождает иную сферу коммуникации, иную социокультурную среду со своими ценностями. Виртуальная среда, порожденная СМИ, создает реальность, не совпадающую с феноменальной, но заставляющую усваивать образцы поведения и мышления, навязываемые при помощи манипуляционных приемов. Бытие человека распадается, оно – мозаично, как и социокультурное пространство, в котором он бытийствует. Но разве бытие человека было когда-либо целостным? Думается, что мозаичность человеческого бытия – это естественное следствие того, что человек существует в мире информации, со-

циокультурных смыслов. И чем их больше, чем больше поток информации, который приходится обрабатывать человеку, тем разорваннее и мозаичнее его экзистенциальность.

Ставя вопрос о появлении и бурном развитии виртуальной реальности, прежде всего мы подразумеваем, конечно, перенос в сферу виртуального содержательных атрибутов и характеристик социокультурного пространства: в первую очередь, коммуникативных практик (межличностного и межгруппового взаимодействия), что подразумевает формирование иных ценностных ориентаций. Известно, что о возникновении виртуальной реальности можно говорить с того времени, как у человека возникла абстрактная форма мышления, но, очевидно, можно выявить существенные отличия религиозно-мифологической виртуальности от современной. Они заключаются в том, что первый тип виртуальности наполнен, главным образом, антропным содержанием и ее единственным создателем является человек. Современная виртуальность имеет разнообразное содержание и её становление – это результат развития социума, ее функционирование отчуждено от автора. Однако зависимость современного человека от приобретающей самостоятельное существование виртуальности весьма велика, потому что она проявляется как отчужденный техно-опосредованный феномен, что является значимой характеристикой виртуализации настоящего.

Для современного человека техника давно уже превратилась из мертвого объекта в нечто большее: неотъемлемую часть его жизни, показатель социального статуса, средство коммуникации и т.д. Зачастую перенос жизненных проблем в электронные системы становится признаком современности: в мире, где человек проводит больше времени, «общаясь» со своим гаджетом или с другими людьми посредством своего гаджета, реальное общение занимает все меньше времени, и он ощущает все меньше потребности в таком общении. Как отмечает Е. Л. Яковлева, «в современном мире происходит интенсивное изменение “человеческого кода” культуры (Запесоцкий Ю. А.)» [7, с. 40]. Человек, проводящий значительное время в сети Интернет, социальных сетях, постепенно трансформируется в созданный им «аватар», «ник». Это дает возможность иначе проявить себя, показать то, что в обычной реальности человек не хочет или не может показывать. Это – вторая жизнь, продолжение реального человека. Пребывание в подобном состоянии в определенном смысле можно сравнить с индийским понятием «майя» – иллюзорности – физического мира, в

котором обитает индивид, живущий в некоей «виртуальной сансаре», с множеством образов (аватаров), перерождений, жизней и смертей [8]. Сегодня можно говорить о становлении нового феномена – виртуального сознания. Виртуализация сознания охватывает сегодня не только геймеров, но и других представителей виртуальных сообществ. Виртуальность привлекательна тем, что человек чувствует здесь свободу действий, особые возможности, поэтому привязанность к этому миру сильна.

Закономерным результатом подобных процессов является появление нового типа культуры – электронной [9], которая предполагает техногизацию человека и его деятельности. Л. В. Баева, анализируя динамику ценностных доминант от классики до информационного «перепостмодерна», отмечает, что ценностные универсалии прошли следующий путь трансформаций: от Разума, Добродетели, Свободы (эпоха Просвещения и рационализма) к Воле, Жизни, Творчеству (эпоха Модерна) и далее к Телу, Игре, Плюрализму (эпоха постмодерна) и, наконец, к Гаджетам, Удовольствию и Программе (эпоха информации) [10, с. 201]. В подобных условиях изменениям подвергаются ценность жизни, человека, слова, окружающего мира. Социокультурное пространство, рискогенное по своей сути, предлагает человеку лишь эрзац-ценности. П. С. Гуревич даже сообщает о том, что человек понемногу сходит совсем на нет, умирает как антропологическая данность [11, с. 26]. М. Н. Эпштейн соглашается и отмечает, что к началу XXI в. идея исчерпания и преодоления человека получила новый импульс в грандиозных успехах технической и особенно кибернетической цивилизации [12, с. 91]. По предсказанию В. Курцвайла, к концу XXI в. мир будет населен, главным образом, искусственными интеллектами в виде компьютерных программ, которые будут способны манифестировать себя в физическом мире в виде роботов и управлять одновременно множеством своих программируемых тел. То, что в настоящее время понимается под субъектом, растворится в информационных потоках [13, с. 34].

Сторонники трансгуманизма, видимо, так не считают. «Трансгуманизм – направление современной философской мысли, в котором в качестве ценностного ориентира выступает проблема преодоления человеческого» [7, с. 40]. Решаются вопросы внедрения в человеческое бытие различных технологий, благодаря которым можно победить старение, смерть, болезни, улучшить умственные и психические способности, что,

с нашей точки зрения, неестественно. Что нас ожидает? Эра техногуманизма (М. Н. Эпштейн), киберчеловек без ценностей в мире электронной культуры? И что это будет – смерть человека или иной «постбиологический» этап развития?

Современность демонстрирует нам невиданные ранее темпы изменений во всех областях социокультурного бытия. Ценностные трансформации свидетельствуют лишь об одном: человечество приближается к иному этапу развития социума и культуры. Остается лишь верить и надеяться, что технологии, известные человеку сегодня, не приведут его к гибели.

Список литературы

1. Храпов С. А. Социоантропогенез : категория и процесс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 9, ч. 1. С. 192–195.
2. Храпов С. А. Техногенные метаморфозы общественного сознания : содержательный уровень // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 52–59.
3. Колтаков В. А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа // Вопр. философии. 2008. № 4. С. 26–38.
4. Гусакова Т. Ф. Современный социум : искушение гедонизмом // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 5. С. 221–224.
5. Лукманова Р. Х., Столетов А. И. О трансформации понимания творчества в философии // Вестн. Башкир. ун-та. 2013. Т. 18, № 4. С. 1237–1243.
6. Степин В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. Вестн. финанс. ун-та. М., 2011. № 1. С. 8–17.
7. Яковлева Е. Л. Вектор движения : гуманизм – постгуманизм – трансгуманизм – техногуманизм – гуманизм // Балтийский гуманитарный журн. 2014. № 2. С. 40–42.
8. Баева Л. В. Виртуальная сансара : трансформация модели реальности в условиях информационной культуры // Информационное общество. 2012. Вып. 2. С. 44–51.
9. Баева Л. В. Электронная культура // Вопр. философии. 2013. № 5. С. 75–83.
10. Баева Л. В. Виртуализация человека и культуры : аксиологический анализ // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 195–204.
11. Гуревич П. С. Деантропологизация человека // Вопр. философии. 2009. № 3. С. 19–31.
12. Эпштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. № 2. С. 91–105.
13. Kurzweil V. The Age of Spiritual Machines. N.Y., 1999. 400 p.

The Man of the Future: Rebirth or Death?

E. Yu. Shakirova

Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational-Research Centre of Air Force, Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (branch, Syzran). 1, Marshal Zhukov str., Syzran, 446029, Russia
E-mail: 5526reu@mail.ru

The modern era is the era of rapid change, the era of the formation of values, different from the previous ones. This is the era of the formation of a human of different type. The object of the study becomes the man of the future. Prospects and risks of new reality – virtual – hide the danger of another kind – the risk of losses of a human. Emerging characteristics of a person as a technoperson, a cyberman contain the essential feature of the new type its dependence on technical means created by him and is already exerting an enormous influence on him. In such circumstances, the transformations are exposed to the basic intrinsic values of human existence, and already there are grounds to talk about another culture – the e-culture.

Key words: modernity, human, future, virtuality, values, science, culture, sociocultural field.

References

1. Khrapov S. A. Sotsioantropogenez: kategoriya i protsess (Socioanthropogenesis: category and the process). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice). Tambov, 2012, no. 9, part 1, pp. 192–195.
2. Khrapov S. A. Tekhnogennyye metamorfozy obshchestvennogo soznaniya: sodержatelnyy uroven (Anthropogenic metamorphosis of the social consciousness: a meaningful level). *Gumanitarnyye issledovaniya* (Humanities research), 2011, no. 4 (40), pp. 52–59.
3. Kolpakov V. A. Obshchestvo znaniya. Opyt filosofskometodologicheskogo analiza (The knowledge-based society. Philosophical and methodological analysis). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2008, no. 4, pp. 26–38.
4. Gusakova T. F. Sovremennyy sotsium: iskushenie gedonizmom (Modern society. The temptation of hedonism). *Vestn. Tiumen. gos. un-ta* (Tyumen State University Herald), 2009, no. 5, pp. 221–224.
5. Lukmanova R. Kh., Stoletov A. I. O transformatsii ponimaniya tvorchestva v filosofii (About the transformation of the understanding of creativity in philosophy). *Vestn. Bashkir. un-ta* (Bulletin of the Bashkir University), 2013, vol. 18, no. 4, pp. 1237–1243.
6. Stepin V. S. Filosofskiy analiz mirovoztrencheskikh universalii kultury (Philosophical analysis of the worldview universals of culture). *Gumanitarnyye nauki. Vestn. Finans. un-ta* (Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University), Moscow, 2011, no. 1, pp. 8–17.
7. Yakovleva E. L. Vektor dvizheniya: gumanizm – postgumanizm – transgumanizm – tekhnogumanizm – gumanizm (The movement vector: humanism – the post-humanism – transhumanism – technogenesis – humanism). *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurn.* (Baltic humanitarian journal), 2014, no. 2, pp. 40–42.
8. Baeva L. V. Virtualnaya sansara: transformatsiya modeli realnosti v usloviyakh informatsionnoy kultury (Virtual sansara: the transformation of the model of reality in terms of information culture). *Informatsionnoe obshchestvo* (Information society), 2012, iss. 2, pp. 44–51.
9. Baeva L. V. Elektronnaya kultura (E-culture). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2013, no. 5, pp. 75–83.
10. Baeva L. V. Virtualizatsiya cheloveka i kultury: aksiologicheskii analiz (Virtualization of human being and culture: axiological analysis). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* (The Caspian region: politics, economy, culture), 2014, no. 2 (39), pp. 195–204.
11. Gurevich P. S. Deantropologizatsiya cheloveka (Deantropologization of the man). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2009, no. 3, pp. 19–31.
12. Epshtein M. N. Tvorcheskoe ischeznoenie cheloveka. Vvedenie v gumanologiyu (The creative disappearance of a person. Introduction to humanology). *Filosofskie nauki* (Russian journal of philosophical sciences), 2009, no. 2, pp. 91–105.
13. Kurzweil V. The age of spiritual machines. New York, 1999. 400 p.

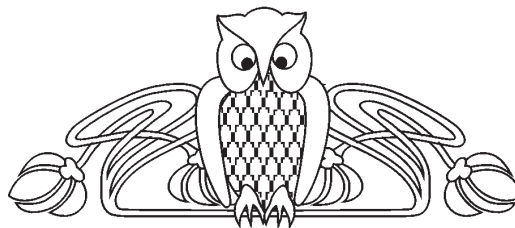

УДК 1(091)

ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ ФИЛОСОФИИ: ДЕФОРМАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Жилин Владимир Ильич –

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных, естественно-научных и правовых дисциплин, Омский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

В учебной и справочной литературе советского периода принцип партийности философии трактовался своеобразно: на передний план выдвигалась принадлежность к политической партии и соответствующему классу. Существенная трансформация известного философского принципа не только искажала ретроспективный выбор философом той или иной партии, «устав» и «программа» которой определялись почти произвольным выбором онтологии и гносеологии, но и вносила в сознание многих поколений людей фундаментальное оправдание для «благородной» ненависти к иному. Такое понимание принципа партийности не способствовало поиску истины, так как предполагалось, что она давно найдена «классиками». Аналогично относились к иным и философы в Средние века. Диалектический материализм не только продолжил традицию средневекового отношения к инакомыслию, но и пошёл дальше. Теперь в арсенале партии власти оказался не только аппарат насилия и принуждения государства, но и идеология, полученная на основе своеобразного диалектического синтеза «выжимок» из материализма и идеализма. В результате идеи стали подчинять себе массы вне зависимости от своей истинности или ложности. Теперь уже с «убедительным» обоснованием истинным оказывается всё, что выгодно в данный момент партии и её вождю. Принцип партийности, принятый советской философией, внёс существенный вклад в псевдотеоретическое обоснование и моральное оправдание агрессии к инакомыслию и инакомыслящим. При этом складывается вполне отчётливое впечатление, что партии материализма и идеализма в их сугубо онтологическом выражении не имеют к этой яростной и беспощадной борьбе отношения. Война миров не обусловлена различием онтологий: её ведут иные партии.

Ключевые слова: принцип партийности, научные школы, философия, идеология.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-65-72

Нередко, особенно в учебной и справочной литературе советского, а иногда и постсоветского периода, принцип партийности философии трактовался однобоко, чего, вероятно, он сам и требовал от штатных писателей. На первый план при таком взгляде на принцип партийности выдвигалась принадлежность к политической партии. Существенная трансформация известного философского принципа не только искажала ретроспективный выбор философом той или иной партии, «устав» и «программа» которой

определялись почти произвольным выбором онтологии и гносеологии, этики и эстетики, но и вносила в сознание многих поколений людей фундаментальное оправдание для «благородной» ненависти к иному.

Г. Л. Смирнов в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г., определяя суть партийности, отмечал: «Само понятие “партийность” неразрывно связано с деятельностью политической партии, отчётливо выражающей интересы класса или социальной группы и берущей на себя задачу руководства их политической борьбой. Поэтому партийность характеризуется высокой степенью осознанности классовых интересов и приверженностью политической линии партии» [1, с. 480]. Такая трактовка принципа партийности, можно предположить, не инициировала отечественных философов к поиску истины (предполагалось, что она давно найдена «классиками») и требовала от них изрядной сноровки в деле пропаганды «единственно» научного мировоззрения и «единственно» научной методологии. А. П. Огурцов подтверждает это предположение: «Сталинизм не нуждался в философии как науке. Ему было совершенно чуждо объективное, критическое осмысление действительности, неприемлемо само искание истины, ибо последняя уже была провозглашена “гениальным учителем и вождём всех народов”. Поэтому “уже возвещённую” истину следовало лишь повторять, заучивать и комментировать» [2, с. 353].

Однако не философам-большевикам принадлежит первенство в таком жёстком выражении своей партийной позиции: аналогично третируют и философы-христиане в Средние века. Г. Г. Майоров, описывая партийные приёмы Св. Августина, отмечает: «Если к сказанному добавить почти полное игнорирование Августином материалистических элементов философии Аристотеля и совершенное забвение им Демокрита, то отношение “отца” средневековья ко всему античному материализму прояснится до конца. Прояснится и глубочайшая партийность, идеологичность его позиции.

Упрощая и нередко просто третируя материалистические учения древности, чтобы легче было их опровергнуть и отбросить, Августин с ещё большим рвением превозносит античный идеализм, правда, упрощая и его, однако не для того, чтобы его осудить и отвергнуть, а для того, чтобы посредством подходящей экзегезы поставить его на службу христианской догме» [3, с. 200].

Но в истории философии известны и менее агрессивные формы партийного противостояния. Д. Юм [4], вероятно, тоже придерживаясь своей философско-партийной позиции, с иными, нежели большевики, эмоциями выражает отношение к партийности. Вначале он констатирует наличие произвола в выборе той или иной философской позиции: «Человеку здравомыслящему и учёному легко понять шаткость основания даже тех систем, которые достигли наибольшего признания и которыми предъявлены наивысшие претензии на точность и глубину мышления. Принципы, принятые на веру; следствия, выведенные из них с грехом пополам; недостаток связности в частях и очевидности в целом – вот что постоянно можно встретить в системах наиболее выдающихся философов» [4, с. 47]. Далее Д. Юм не без иронии замечает: «Споры множатся – точно всё решительно недостоверно, ведутся же эти споры с величайшей горячностью – точно всё без исключения достоверно» [4, с. 48]. И самое главное замечание, связанное с возможностью обнаружения истины в этих спорах: «Посреди всей этой суматохи награда достанется не разуму, а красноречию; и всякий, кто достаточно искусен, чтобы представить самую безумную гипотезу в наиболее благоприятных красках, никогда не должен отчаиваться в возможности привлечь к ней приверженцев. Победу одерживают не вооружённые люди, владеющие копьём и мечом, а трубачи, барабанщики и музыканты армии» [4, с. 48].

Достоинно выражает своё отношение к иной философской позиции и Б. Рассел. Отдавая должное логической связности доктрины субъективизма, он замечает: «Нет никакого логического абсурда в гипотезе, что мир состоит из меня и моих мыслей, чувств и ощущений и что всё остальное есть просто фантазия» [5, с. 43]. Однако мировоззренческая установка Б. Рассела, его философско-партийный взгляд на возможность познания дают ему основания утверждать существование мира за пределами Я. В этой связи, переходя границы скептицизма и субъективизма, Б. Рассел утверждает: «Таким образом, если мы не можем быть уверены в неза-

висимом существовании объектов, мы оказываемся в пустыне – может оказаться, что весь мир есть не что иное, как сон, а существуем только мы одни. Это весьма беспокоящая возможность, но, хотя невозможно строго *доказать* её ложность, нет ни малейших причин предполагать её истинность» [5, с. 40]. И всё. Он не обзывает Беркли и его последователей идиотами, шарлатанами, реакционерами, идеалистическими сволочами, дешёвыми филистерами, черносотенцами, философскими безголовцами, учёными приказчиками теологов, жалкой кашницей и т.п. Он не требует высылать их из страны, казнить или арестовывать. Он лишь обозначает позиции и аргументирует свой выбор.

Но большевикам, вооружённым «передовым» учением, нет дела до этого интеллигентского «слюнтяйства», хотя и у них есть аргументы за партию материализма. Свою принадлежность к партии материалистов В. И. Ленин оправдывает гносеологическим оптимизмом: «Если мир есть движущаяся материя, – её можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальном проявлениях и разветвлениях *этого* движения, движения *этой* материи, но вне её, вне “физического” внешнего мира, знакомого всем и каждому, ничего быть не может» [6, с.365]. Но материализм, соединённый с диалектикой, уже не может ограничиться обозначением позиций противоборствующих сторон и аргументами «за» и «против». Ведь диалектический материализм призван на авансцену истории не для объяснения мира, а для его активного преобразования. И в этой связи для победы хороши все средства.

Отстаивать партию материализма взялась диалектика – доктрина, рождённая Гераклитом, в рамках которой война необходима, вражда – обычный порядок вещей. Война обнажает истину и раздаёт по заслугам: победителей приравнивает либо к богам, либо к свободным людям, проигравших, если они трусили и не пали в бою, делает рабами. Диалектика, обретя статус методологии в идеализме Гегеля, пропитала его своей яростью.

Диалектический материализм возомнил себя непогрешимым и непобедимым, ведь теперь он может использовать в качестве партийного оружия и арсенал материализма, и арсенал идеализма, и арсенал диалектики. Теперь для победы необходимо лишь организовать и повести за собой подавляющее большинство, вооружив его «верной» идеей своей партии. А когда идея овладеет массами, вне зависимости от своей истинности или ложности, тогда эти

самые массы сметут в революционном угаре какие угодно преграды – монархии, правительства, идейных и политических оппонентов, – и «истина» наконец восторжествует. Именно в этой связи агитации и пропаганде на всех этапах строительства коммунизма в СССР отводилась решающая роль.

Азарт, задиристость начинающего философа-марксиста в начале XX в. ещё не могли иметь смертельных последствий для представителей иных партий и вполне напоминали перебранку философов Античности. Не имея аргументов, значимых для иной партийной позиции, в ход шли обычные для межгрупповых стычек приёмы: презрительные насмешки, оскорбительные ярлыки и т.п. Закладывая фундамент революционно заточенного принципа партийности в философии, В. И. Ленин говорит: «Те глупенькие “теоретические” ухищрения (с “энергетикой”, с “элементами”, “интроспекцией” и т.п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и общественная тенденция этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и *служит свою службу*. Увлечение эмпириокритицизмом и “физическим” идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и “физиологическим” идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берёт себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма» [6, с. 364]. Ярко. Эмоционально. Оскорбительно. В расчёте на соответствующую такому восприятию аудиторию, но не более.

Но такая неукротимая ярость, агрессия марксизма говорит о его неуверенности и страхе. На эту особенность последователей К. Маркса обратил внимание и Л. И. Шестов. В 1923 г., характеризуя позицию материализма в его споре с идеализмом, он замечает: «Правда, материализм принимает очень близко к сердцу судьбу своих доводов, будучи почему-то уверенным, что ему придётся непременно разделить их судьбу. И вообще он слишком щепетилен и, несмотря на свою видимую грубость, нервничает гораздо больше, чем следовало бы философской теории» [7, с. 150]. Ну а как поступают физически или интеллектуально слабые трусливые люди, получившие власть, хорошо известно. И деяния марксистов в России после 1917 г. тому убедительное подтверждение. При этом острые шуточки, оскорбительные прозвища, присущие и репертуару дискуссий античных философов, очень быстро дополняются репрессиями средневековья.

В границах политически истолкованного принципа партийности после захвата власти у «новой» философии пропадает нужда в поиске истины в её корреспондентском варианте. От высказываний уже не требуется соответствовать реалиям. Они, прежде всего, должны приносить политические выгоды. При этом было бы также хорошо, чтобы различные высказывания согласовывались друг с другом (хотя, при необходимости оправдать алогизмы и паралогизмы, в запасе есть «фундаментальный» диалектический закон единства и борьбы противоположностей). Именно в таком русле и ведут себя все нувориши: и от политики, и от псевдофилософии, и от псевдокультуры. Для начала взявшие власть минимизируют влияние других «партий» (политических и интеллектуальных оппонентов) на человеческие массы. Политики послереволюционной России с этой задачей удачно справились: кого-то в 1922 г. выслали за границу, а кого-то арестовали и/или расстреляли [8]. На этом этапе, если ты не моральная проститутка, у тебя практически нет шансов выжить, оставаясь на захваченной территории: надо либо принимать бой, либо скрываться. Политический нейтралитет в подавляющем большинстве случаев трактуется новой властью как презумпция твоей виновности. В. И. Ленин, описывая ещё до революции 1917 г. в России борьбу между материализмом и фидеизмом, предупреждал: «Нейтральность философа в этом вопросе *уже есть* лакейство пред фидеизмом» [6, с. 365]. Самая гнусная из всех партий, соглашался В. И. Ленин с И. Дицгенем, есть партия середины.

В 1922 г. уже «маститый» философ-марксист, находясь во власти, не «брызжет» во все стороны оскорблениями. Это ни к чему. Есть и другие возможности доказать свою правоту. Так, в программной для мартовского номера журнала «Под Знаменем Марксизма» статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин [9], характеризуя российскую интеллигенцию, практически не выходит за дицгеновских «дипломированных лакеев поповщины». Но в заключение вполне недвусмысленно разъясняет: «Марксистскому журналу придётся вести войну и против подобных современных “образованных” крепостников. Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею ещё не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов учёных обществ давно бы вежливо препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место» [9, с. 33]. Но сделать это надо секретно, толково, без глупостей. И с этим должно справиться ведомство, руководимое Ф. Э. Дзержинским. В. И. Ленин в мае 1922 г. пишет ему письмо: «т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглушим. Прошу обсудить такие меры подготовки» [10, с. 265]. Разъясняя Дзержинскому «вкус того соуса», которым следует сдобрить «блюдо» акции по высылке интеллигенции, В. И. Ленин отмечает: «Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация её слуг и шпионов и растлителей учащейся молодёжи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» [10, с. 266]. «Военными шпионами», «растлителями учащейся молодёжи», «пособниками Антанты» и «контрреволюционерами», как известно, оказались Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, С. Л. Франк и др. – всего 161 человек.

Покончив с явными оппонентами, новая политическая власть в реализации принципа партийности идёт дальше и берёт всю интеллектуальную деятельность населения под жёсткий контроль. Для этого наглухо закрывается граница и не допускаются контакты с внешним миром. Разрешённые контакты происходят под пристальным вниманием доверенных лиц и для определённых целей, связанных с выживанием новой власти. Влияние инакомыслящих на людей также резко ограничивается. П. В. Алексеев, описывая механизмы, с помощью которых российская интеллигенция «перековывалась» в советскую, отмечает: «Одним из важнейших факторов, воздействовавших на политическую эволюцию учёных старой формации, явилось развёртывание критики идеализма и перекрытие основных каналов его воздействия на представителей интеллигенции» [11, с. 137]. Для этого средства массовой информации и образование наполняются соответствующим чисто идеологическим (как правило, для СМИ) и идеологизированным (как правило, для образования) содержанием. Так называемые гуманитарные

науки становятся активными проводниками новой идеологии (само слово наука в отношении к гуманитарному знанию добавляется для придания весомости мнению в массовом сознании), а философия трансформируется в псевдофилософию и уже в этом облики превращается в активное средство подавления науки, культуры и мышления как такового. А. П. Огурцов, вскрывая роль советской философии в развитии и реализации принципа партийности, отмечает: «Философия, низведённая до уровня «идеологического оружия», сама превращается в средство подавления науки. Появляются статьи о марксизме в хирургии, о диалектике двигателя внутреннего сгорания, о марксистско-ленинской теории в кузнечном деле, о применении материалистической диалектики в рыбном хозяйстве. Советский журнал венерологии и дерматологии формулирует новые задачи перед медиками – ставить все вопросы под углом зрения диалектического материализма» [2, с. 367]. И это внедрение «новой» философии в интеллектуальную деятельность учёных и инженеров, врачей и деятелей культуры уже не вызывает приятных эмоций и не способствует раскрытию творческого потенциала. Да творчество, собственно, и не требуется. Нужна дисциплина ума. И в этой связи П. В. Алексеев, оправдывая высылку философов-идеалистов из Советской России в 1922 г. и репрессии по отношению к оставшимся, отмечает: «Эти акции давали понять, насколько серьёзно новое государство оценивает политические заявления, насколько они могут быть действительно опасными, что заставляло более вдумчиво относиться к политике, к своей политической позиции, вело к повышению чувства социальной ответственности и дисциплинировало (в широком смысле слова) мышление специалистов науки старой школы» [11, с. 168].

Контроль интеллектуальной деятельности в контексте большевистски истолкованного принципа партийности предполагает и смену нижерасположенных управленческих кадров. Эти управленцы, во-первых (и самое главное), должны быть лично преданы новой власти и, во-вторых, они не должны быть отягощены опытом и знанием (хотя на первых порах новая власть и вынуждена активно использовать «спецов», которые заявили себя вне политики).

Молодым контролёрам-пропагандистам не надо знать истории процесса, который они поставлены контролировать. Это вредно для их же здоровья и даже жизни. Им надлежит либо воплощать идеи (если они есть) своих вождей-

руководителей, либо делать теоретические «развороты» их туманных намёков. И то, и другое опасно. В силу того, что мало желающих взять на себя ответственность за последствия дурных решений, теоретики-лакеи предпочитают первое, вожди-руководители – второе. Это о таких вождях-нуворишах, отдающих направо и налево распоряжения, народная мудрость едко молвит: «пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», но главное, чтобы это «не знаю что» мне принесло выгоду.

Параллельно с установлением контроля над интеллектуальной деятельностью новые власти начинают работу и по теоретическому обоснованию (точнее, оправданию) своих практических неудач. Для этого чрезвычайно востребованной становится софистика, которую для статуса называют диалектикой. Своим «тонким» чутьём молодые теоретики «новой» философии улавливают веяния времени и, используя арсенал диалектики, начинают действовать. Пробным камнем становится принцип партийности. Именно этот принцип, по утверждению А. П. Огурцова [2], кладётся в основание «идеологии лояльного единомыслия». Однако, с моей точки зрения, обновлённый философиями-большевиками принцип партийности несёт в себе более существенный для формирования мировоззрения потенциал. Этот, дополнительный к «идеологии лояльного единомыслия», потенциал теоретически оправдывает и легализует «пролетарскую» (=групповую) ненависть к инакомыслию, оправдывает и развязывает руки борцам за «правое дело». П. В. Алексеев приводит и партийные аргументы, которые поставили всех немарксистов вне закона: «Идеализм оказался несовместимым со всем строем жизни нового государства. Близкая связь большинства идеалистов и теологов с контрреволюцией и их претензии на “идеологический” нэп вынудили Советскую власть вплотную заняться их деятельностью» [11, с. 164].

А. П. Огурцов [2] называет авторов большевистски уточнённого принципа партийности – это М. Б. Митин, В. Ральцевич, П. Ф. Юдин. С его точки зрения, эти молодые философы сталинского этапа в развитии марксизма предложили узкое, сектантское понимание партийности, что с неизбежностью привело к дискредитации и отдельных учёных, и целых научных направлений. В дальнейшем, став академиками, эти вершители дум и судеб получили почти безграничную возможность влияния на мировоззрение многих поколений советских людей.

Переосмысленный, наполненный новым содержанием, принцип партийности настойчиво требует новых жертв. Иначе и быть не может, так как востребованность жертв была в него изначально заложена. Принцип, по большому счёту, лишь теоретически оформил «классовую», а точнее, групповую и даже личную, ненависть к иному. Истина в новых социальных реалиях стала понятием партийно-политическим и, в соответствии с этим, она может быть лишь провозглашена, а не обнаружена. А пока единственный знаток истины её не озвучил, следовало, предугадывая точку зрения мессии-вождя, заранее истребить конкурентов уже из числа соратников, чтобы в будущем иметь возможность дышать и думать с Ним в такт. А. П. Огурцов, характеризуя полемику 20-х гг., отмечает: «Но уже в этой первой дискуссии, расколовшей лагерь марксистов на две непримиримые группы, отсутствие научных аргументов компенсировалось грубостью и крепостью эпитетов, обвинениями в ревизионизме и ликвидаторстве, экстремистским фанатизмом в проведении своей позиции, причём любая иная позиция трактовалась при этом как оппозиция. Каждая из полемизировавших сторон не слушала аргументы и контраргументы другой стороны» [2, с. 356].

Наполненный новым содержанием принцип партийности вместе с «непреложным фактом» обострения классовой борьбы по мере строительства социализма подвёл теоретический фундамент последующей псевдофилософской и псевдонаучной полемики. Философия, влившись в матрицу обновлённого большевиками принципа партийности, переродилась в идеологию. А. П. Огурцов в этой связи отмечает: «В философии, ставшей идеологией автократии, всё более утверждались и окончательно победили серость, раболепство, прислужничество, доносительство и страх. Уже были расстреляны или умерщвлены в лагерях Н. А. Карев, И. К. Луппол, С. Ю. Семковский, Я. Э. Стэн, Г. Г. Шпет, П. А. Флоренский и сотни мыслящих философов. Черное крыло репрессий, колесница смерти и убийств подмяли под себя философскую мысль. Сталинисты от философии (а их было немало) были не только оруженосцами палачей, одетых в форму НКВД, но и сами палачами, преданными “гению всех времён и народов” и поставившими эту преданность выше нравственности» [2, с. 368]. Этот список жертв обновлённого большевиками-коммунистами принципа партийности можно продолжать и продолжать, добавляя в него имена биологов,

химиков, физиков, инженеров, аграриев, экономистов, литераторов, художников и представителей других сфер деятельности. Но, с точки зрения П. В. Алексеева, действия большевиков в отношении сторонников идеализма были обоснованы: «И вины Советской власти не было в том, что значительная часть философов-идеалистов и богословов потянулась к политической контрреволюционности. Этим они ставили себя за рамки системы идей, включались в систему контрреволюционных акций того времени» [11, с. 150]. Более того, П. В. Алексеев приводит и замечательный пример воплощения принципа партийности советской философии: «Буквально за несколько дней до написания статьи “О значении воинствующего материализма” (она была написана 12 марта 1922 г.), содержавшей обоснование программы теоретической работы марксистов, В. И. Ленин передал управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову сборник статей “Освальд Шпенглер и закат Европы”, о котором речь шла выше, с сопроводительной запиской, в которой просил познакомить с этой книгой заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта» [11, с. 150]. Понятно, что аппарат ВЧК имел достаточно действенных средств для управления направленной эволюцией «старорежимных» философов в сторону марксизма.

Свое наиболее одиозное выражение, сохранившееся на многие десятилетия, принцип партийности философии получил в выступлении А. А. Жданова в 1947 г. на второй дискуссии по поводу оценок книги Г. В. Александра «История западноевропейской философии». А. П. Огурцов [2], делая содержательную «выжимку» принципа партийности из этого выступления, представляет его неукоснительные требования: противники должны быть подвергнуты «уничтожающей критике», борьбу следует вести «непримиримо», многовариантность в развитии философской мысли должна быть исключена, истинно научная история философии может быть только историей зарождения, возникновение и развития научного материалистического мировоззрения и его законов, суждения, высказанные классиками марксизма-ленинизма, представляют собой «абсолютную истину».

Перестройка, начавшаяся в середине 1980-х гг. в СССР, повлияла на мышление наших граждан. Появилась возможность получить сведения, выходящие за пределы идеологически оформленной в русле принципа партийности концепции истины. На некоторое время принцип партийности даже вернул себе первоначальный смысл и

содержание. Однако это продолжалось недолго. Вычеркнув из своего лексикона «принцип партийности» как словосочетание, скомпрометировавшее себя в советский период, псевдонаучное сообщество с целью самосохранения продолжило политику клановости, но уже в новом оформлении и без лидирующей роли философии (философы глубоко и с запасом на многие десятилетия были впечатлены идеологической работой своих коллег при власти во времена строительства коммунизма). Новое оформление клановых интересов российских околонучных деятелей произошло под именем «научная школа». При этом в очередной раз, совершенно в традициях софистики, произошло существенное изменение содержания понятия «научная школа». По большому счёту от этого понятия осталась лишь словесная оболочка [12].

Агрессивность советских псевдоучёных, оформленная, оправданная и инициируемая принципом партийности, приобрела в XXI в. иные, вполне интеллигентные очертания. Сегодня, в продолжение этой традиции, свою интеллектуальную ограниченность и научную бесплодность нередко прикрывают ссылкой на выработанные и устоявшиеся в рамках «школы» стиль работы и мышления, научную идеологию, научно-исследовательскую программу и т. п. «Научные школы», несколько смягчив меру наказания за инакомыслие и спрятав своё презрение к иному за маской вежливости, вместе с тем продолжают традиции партийности. Партийность современного познания, оформленная под «научную школу», уже не требует расстрела или тюремного заключения для инакомыслящих, хотя и сегодняшние «вершители судеб» ещё могут искалечить жизнь учёного, который ведёт свой научный поиск вне рамок так называемой «школы» и «наивно» продолжает искать истину как соответствие реальности.

При этом клановые «кормушки», в последнее время официально оформленные как научные или педагогические «школы» (речь идёт, прежде всего, о гуманитарном познании), будучи склеены административными, финансовыми и личными связями, а не преемственностью проблематики научных исследований в длительном поиске истины, продолжают культивировать «партийность», однако уже без всякой «диалектики» принимают (опять же латентно) за «свою» лишь прагматическую концепцию истины, но в своём, наиболее пошлом, понимании как личную выгоду. Проплачивается всё: написание статей, монографий и диссертаций,

защиты диссертаций, распределение грантов и т.д. В качестве валюты кроме денег и подарков-подношений идёт личная преданность, должности, соавторство, взаимные ссылки в публикациях и пр. Всё это происходит почти в открытую. Связь лидера такого рода «школы» с членом ВАК оценивается дополнительно. Видя это, зная это, довольно трудно удержаться от едкой реплики Ленина: «Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо» [6, с. 366]. И чем всё это закончится, предвидеть нетрудно.

Меняются слова, обозначающие то или иное явление, наполняется новым, иногда противоположным, смыслом одно и то же слово. Иногда это происходит по недоумению писателей, но чаще осмысленно, с целью манипуляции массовым сознанием. И это враньё «во благо», враньё «во спасение», накапливая напряжение мира и отсрочивая катастрофу, делает её не только неизбежной, но и грандиозной по выделяемой мощности и, соответственно, разрушительной силе. При этом складывается вполне отчётливое впечатление, что партии материализма и идеализма в их сугубо онтологическом выражении не имеют к этой яростной и беспощадной борьбе отношения. Война миров не обусловлена различием онтологий: её ведут иные партии.

Список литературы

1. Смирнов Г. Л. Партийность // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 480–481.
2. Огурцов А. П. Подавление философии // Суровая драма народа : учёные и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 353–374.
3. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). М., 1979. 431 с.
4. Юм Д. Трактат о человеческой природе : в 3 кн. Кн. первая. О познании. М., 2009. 400 с.
5. Рассел Б. Избр. тр. Новосибирск, 2009. 260 с.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1968. Т. 18. 526 с.
7. Шестов Л. И. Неопровержимость материализма // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов : философия и мировоззрение. М., 1990. С. 150–151.
8. Дружилов С. А. Трагедия отечественной высшей школы в период послереволюционной разрухи // Вопр. образования. 2012. № 3. С. 241–257.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. 730 с.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1975. Т. 54. 864 с.
11. Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. 272 с.
12. Жилин В. И. Полипарадигмальность, конвенциона-

лизм и роль научных школ в гуманитарном познании // Современные проблемы и перспективы теории и методики обучения математике : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящённой 60-летию юбилею д-ра пед. наук, проф. В. А. Далингер. Омск, 2010. С. 30–35.

Principle of Party Membership of Philosophy: Deformations and Transformations

V. I. Zhilin

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow State University' branch in Omsk
195, block 18, 10 years old of October str., Omsk, 644009, Russia
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

In educational and reference books of the Soviet period the principle of party membership of philosophy was treated peculiar. Belonging to political party and the corresponding class was put in the forefront. Essential transformation of the known philosophical principle not only distorted a retrospective choice the philosopher of this or that party, «charter» and which «program» were defined by almost any choice of ontology and gnoseology, ethics and an esthetics, but also brought in consciousness of many generations of people a fundamental justification for «noble» hatred to other. Such understanding of the principle of party membership didn't promote search of truth since it was supposed that it is found long ago by «classics». Similarly philosophers in the Middle Ages treated others also. The dialectic materialism not only carried on tradition of the medieval relation to dissent, but also went further. Now in an arsenal of the party in power it appeared not only the device of violence and coercion of the state, but also the ideology received on the basis of a peculiar dialectic synthesis of «residue» from materialism and idealism. As a result of idea began to subordinate to themselves masses regardless of the validity or falsehood. Now with «convincing» pseudo-theoretical justification true is everything, everything that favourably at present to party and its leader. The principle of party membership accepted by the Soviet philosophy brought an essential contribution to pseudo-theoretical justification and a moral justification of aggression to dissent and dissidents. Now on its basis it was possible to justify everything. Thus there is quite distinct impression that parties of materialism and idealism in their especially ontologic expression, have no relation to this furious and ruthless fight. War of the worlds isn't caused by distinction of ontologies. It is conducted by other parties.

Key words: principle of party membership, schools of sciences, philosophy, ideology.

References

1. Smirnov G. L. Partynost (Party membership). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Philosophical encyclopedic dictionary). Moscow, 1983, pp. 480 – 481.
2. Ogurtsov A. P. Podavlenie filosofii (The suppression of philosophy). *Surovaya drama naroda: Uchenye i publitsisty o prirode stalinizma* (The harsh drama of the people: scholars and commentators about the nature of Stalinism). Moscow, 1989, pp. 353–374.

3. Mayorov G. G. *Formirovanie srednevekovoy filosofii (latinskaya patristika)* (Formation of medieval philosophy {Latin Patristics}). Moscow, 1979. 431 p.
4. Uym D. *Traktat o chelovecheskoy prirode. Kn. pervaya. O poznanii* (A treatise on human nature. The first book. About knowledge). Moscow, 2009. 400 p.
5. Rassel B. *Izbr. tr.* (Selected works). Novosibirsk, 2009. 260 p.
6. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 18* (Complete works: in 55 vol. 5 ed.). Moscow, 1968. Vol. 18. 526 p.
7. Shestov L. I. *Neoproverzhimost materializma (The irrefutability of materialism). Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: filosofiya i mirovozzrenie* (In the fracture. Philosophical discussions of the 20-ies: Philosophy and worldview). Moscow, 1990, pp. 150–151.
8. Druzhilov S. A. *Tragediya otechestvennoy vyshey shkoly v period poslerevolutsionnoy razrukhi* (The tragedy of the Russian higher school in the period of post-revolutionary devastation). *Voprosy obrazovaniya (Educational Studies)*, 2012, no. 3, pp. 241–257.
9. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 45* (Complete works: in 55 vol. 5 ed.). Moscow, 1970. Vol. 45. 730 p.
10. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 54*. (Complete works: in 55 vol. 5 ed.). Moscow, 1975. Vol. 54. 864 p.
11. Alekseev P. V. *Revolyutsiya i nauchnaya intelligentsiya* (The revolution and the scientific intelligentsia). Moscow, 1987. 272 p.
12. Zhilin V. I. *Poliparadigmalnost, konvetsionalizm i rol nauchnykh shkol v gumanitarnom poznanii* (Polyparadigm, conventionalism and the role of scientific schools in humanitarian cognition). *Sovremennye problemy i perspektivy teorii i metodiki obucheniya matematike: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* (Modern problems and prospects of the theory and technique of training in mathematics: materials of the All-Russian scientific and practical conference). Omsk, 2010, pp. 30–35.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.432

КРЕАТИВНОСТЬ И ШИЗОТИПИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ: СПЕЦИФИКА СВЯЗИ У НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ НЕТВОРЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Ильиных Анастасия Евгеньевна –

Doctor der Naturwissenschaften, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, Новосибирский государственный технический университет
E-mail: banyuhova@gmail.com

Асанова Наталья Владимировна –

ассистент кафедры психологии и педагогики,
Новосибирский государственный технический университет
E-mail: asanovan@ngs.ru

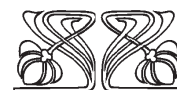
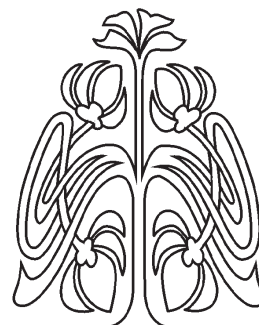
В исследовании сделана попытка изучения связи креативности с шизотипическими чертами у лиц нетворческих профессий. Исследование проведено на выборке немецких студентов. Обнаружено, что негативные шизотипические черты отрицательно связаны с креативностью, за исключением шкалы «отсутствие близких друзей». Позитивные шизотипические черты имеют положительную связь с параметрами креативности. Выявлено, что у высококреативных людей могут проявляться трудности в социальной сфере, в установлении близких межличностных отношений. Эти результаты свидетельствуют о том, что связь креативности и шизотипических черт личности наблюдается также и среди людей нетворческих профессий. Однако данная связь имеет определенную специфику для позитивных и негативных шизотипических черт личности.

Ключевые слова: креативность, оригинальность, гибкость, беглость, шизотипия, шизотипические черты личности, культура.

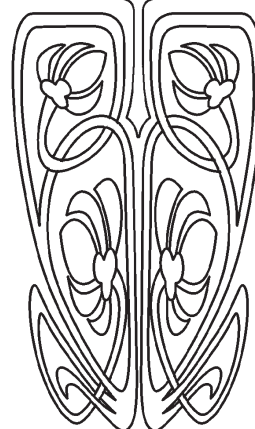
DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-73-79

Представление о связи креативности и психопатологии зародилось ещё в античности. По прошествии столетий это убеждение было развито и расширено многочисленными исследованиями. Преобладающей представляется точка зрения о положительной связи между психопатологией и креативностью. Стимулом к изучению этой связи послужили исследования, в которых было обнаружено, что творческие люди чаще других страдали психическими расстройствами [1, 2].

Исследуя архитекторов, учёных, математиков, предпринимателей и писателей, F. Barron (1955) обнаружил, что творческие натуры показывают более высокие баллы по шкалам MMPI [3]. Используя метод структурного интервью, N. C. Andreasen (1987) сравнила группу писателей ($n = 30$) с контрольной группой ($N = 30$) и обнаружила, что писатели статистически чаще страдают психическими заболеваниями, в частности аффективными расстройствами [1]. Аналогичные результаты были обнаружены в исследовании получивших известность творческих деятелей. K. R. Jamison (1989) опросил 47 писателей и творческих деятелей и выяснил, что аффективные расстройства (например биполярные

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

расстройства) наиболее распространены среди творческих людей, по сравнению с общей популяцией [4].

Современные исследования также все чаще подтверждают наличие связи между креативностью и психопатологическими чертами личности [5, 6], в частности шизотипическими чертами.

Понятие «шизотип» впервые было введено американским психоаналитиком S. Rado (1956) и затем проработано – получив название «шизотипия» – Р. Е. Meehl, который использовал этот концепт, для того чтобы сформулировать теорию этиологии шизофрении [7]. Информация о шизотипическом расстройстве личности содержится в «Руководстве по диагностике и статистическому учёту психических расстройств» (DSM-IV, 1994), где оно определяется как «широко распространённая модель нарушений социальных и межличностных связей, которые характеризуются острым дискомфортом от близких отношений с окружающими и сниженной способностью к установлению межличностных отношений, а также когнитивными и перцептивными искажениями, странностями поведения; возникают в молодости и проявляются в различных жизненных ситуациях не менее чем пятью симптомами из следующего перечня: 1 – Идеи отношения; 2 – Необычные убеждения или магическое мышление, оказывающие влияние на поведение; 3 – Необычные перцептивные ощущения; 4 – Подозрительность или параноидное мышление (параноидные идеи); 5 – Неадекватный или суженный аффект; 6 – Странность мышления и путаность (сумбурность) речи; 7 – Экцентричное поведение или внешность; 8 – Отсутствие близких друзей или близких отношений с окружающими» [8].

Rado (1956) изложил концепцию шизотипии и сделал предположение о том, что многие случаи шизофрении связаны с проявлениями генотипа, взаимодействие которого с воздействиями окружающей среды создаёт комбинацию личностных особенностей, которая называется шизотипией. Шизотипией называют предрасположенность индивида к психозу [9]. Модель шизотипических черт личности определяется тремя факторами [10]: когнитивно-перцептивного дефицита, или «положительные черты» (включает в себя шкалы: идеи отношения, магическое мышление, необычность восприятия, подозрительность); интерперсональных отношений, или «отрицательный фактор» (в его составе шкалы: социальная тревожность, отсутствие близких друзей, ограниченный аффект, подозрительность); дезорганизации (со шкалами – странное поведение и странная речь).

Говоря о связи шизотипических черт и креативности личности, D. Nettle (2006) обнаружил

более высокий уровень шизотипии у поэтов и художников и более низкий – у математиков, по сравнению с контрольной группой [2]. В других исследованиях у творческих людей также обнаруживалась субклиническая симптоматика психопатологических расстройств, таких как гипомания [11] и шизотипия [12]. Однако, несмотря на результаты исследований о связи творчества и психопатологии, остается открытым вопрос о том, связано ли проявление шизотипических черт личности с креативностью среди представителей нетворческих профессий.

Целью данного исследования является анализ связи между креативностью, измеряемой по стандартным тестам, и шизотипией у представителей нетворческих профессий. Мы предполагаем, что эта связь носит положительный характер по отношению к фактору когнитивно-перцептивного дефицита или положительным шизотипическим чертам личности (магическое мышление, необычные ощущения, идеи отношения, подозрительность) и отрицательный характер по отношению к фактору интерперсонального дефицита или негативным шизотипическим чертам (социальная тревожность, отсутствие близких друзей, суженный аффект), а также к фактору дезорганизации (эксцентричное поведение, странная речь).

Выборку составили студенты Берлинского университета им А. Гумбольдта ($N = 45$, $M_{\text{возраст}} = 22.1$). К участию в исследовании были привлечены студенты специальностей «Психология», «Биология», «Математика». Испытуемые дали письменное согласие на участие в исследовании, оно проводилось в соответствии с положениями Этического кодекса Всемирной медицинской ассоциации (Хельсинкская декларация), касающимися экспериментов с участием людей. Участие в исследовании было анонимным.

Методики исследования

Измерение креативности. Тест оценки творческого мышления Торренса (ТТСТ, Torrance; 1966 [13]). В этом исследовании применялось невербальное задание «Круги»: испытуемые получили бланк с отпечатанными на нём двадцатью кругами, на них необходимо было зарисовать предметы или картинки, основной частью которых является круг или несколько кругов. Результаты выполнения испытуемыми этого задания оценивались на беглость, гибкость и оригинальность. Под *беглостью* имеется в виду общее количество нарисованных объектов или рисунков, под *гибкостью* – общее число категорий, в рамках которых нарисованы объекты, под *образной оригинальностью* – статистическая редкость каждого рисунка или объекта.

Тест отдалённых ассоциаций (RAT, S. Mednick, 1962 [14]) позволил измерить *вербальную оригинальность*. Испытуемым было предложено 20 словесных триад (например, «неожиданно – человек – улица»). Задание заключалось в том, чтобы придумать оригинальную лексическую ассоциацию для каждой из этих триад. Итоговый показатель вербальной оригинальности рассчитывался следующим образом: Оригинальность равна $\sum [1/(n_i + 1)]$, где n – количество лексических ассоциаций для каждой триады слов ($i = 1, \dots, 20$), содержащихся в базе данных, которая была создана за время тестирования. Каждому ответу на это задание может быть присвоен балл размером $1/(n + 1)$, где n – распространённость ответа среди членов данной выборки. Как можно увидеть, высокие баллы соответствуют редко встречающимся ответам (самый высокий балл, равный 1, соответствует уникальному ответу, и, таким образом, максимально возможный итоговый показатель равен 20).

Мы анализировали отдельно показатели по вербальной оригинальности, образной оригинальности, беглости, гибкости, а также *общую креативность* как среднее арифметическое значений вербальной оригинальности, образной оригинальности, беглости и гибкости.

Измерение шизотипических черт личности. Для оценки шизотипических черт использовалась диагностическая методика «Выраженность шизотипических черт» (SPQ, Raine, 1991) [15]. SPQ представляет собой опросник из 74 утверждений, подразумевающих ответ «да» или «нет», предназначенный для оценки критериев *шизотипического расстройства личности* при помощи девяти подшкал (идеи отношения, социальная тревожность, необычные убеждения/магическое мышление, необычные перцептивные ощущения, эксцентричное/странное поведение и внешность, отсутствие близких друзей, странная речь, суженный аффект и подозрительность/наличие параноидных идей).

Статистический анализ. При анализе полученных данных использовалась 21-я версия программы SPSS. Для изучения влияния пола на показатели креативности и шизотипии был использован *T*-тест для независимых выборок. Для оценки степени связи между креативностью и шизотипическими чертами личности был использован коэффициент корреляции Пирсона. Для выяснения того, какие шизотипические черты могут являться предикторами креативности, был использован метод множественной регрессии.

Результаты исследования

Влияние пола. Было обнаружено влияние пола на образную оригинальность, измеряемую с помощью ТГСТ, $t(45) = 2,42, p = 0,020$, 95% CI $[-2,67, -0,12]$, уровень которой у мужчин ($M = 2,21$) оказался выше, чем у женщин ($M = 1,51$), и на чрезмерную социальную тревожность, $t(45) = 2,13, p = 0,039$, 95% CI $[0,07, 2,57]$, уровень которой у женщин ($M = 2,72$) оказался выше, чем у мужчин ($M = 1,38$).

Корреляции между креативностью и шизотипическими чертами личности. Общая креативность имеет значимую отрицательную корреляцию только со шкалой «странная речь», $r = -0,31, p = 0,039$. Образная оригинальность значимо отрицательно коррелирует с чрезмерной социальной тревожностью, $r = -0,31, p = 0,041$ и в качестве тенденции – с необычными убеждениями и магическим мышлением, $r = 0,28, p = 0,063$. Гибкость имеет отрицательную связь со шкалами «странная речь», $r = -0,39, p = 0,007$, «подозрительность», $r = -0,31, p = 0,037$ и в качестве тенденции – с суммарным показателем шизотипии, $r = 0,29, p = 0,056$.

Регрессионные модели параметров креативности. Для того, чтобы определить, в какой степени шизотипические черты могут служить предикторами следующих параметров креативности – вербальной оригинальности, образной оригинальности, беглости, гибкости и общей креативности (таблица), для каждого параметра был применен метод множественной регрессии.

Регрессионная модель общей креативности

Переменные	Общая креативность	
	Значение St. β	Доверительный интервал 95% CI
Константа	–	$[-7,50, 5,75]$
Идеи отношений	–	–
Социальная тревожность	–	–
Необычные убеждения	0,33**	$[0,15, 0,86]$
Необычные ощущения	–	–
Странное поведение	–	–
Отсутствие близких друзей	0,58**	$[0,58, 1,72]$
Странная речь	-0,58**	$[-0,77, -0,30]$
Суженный аффект	-0,39**	$[-1,20, -0,24]$
Подозрительность	–	–

Примечание. $N = 45$, ** – $p < 0,01$, предиктор незначим.

Регрессионная модель образной оригинальности включала один значимый предиктор – чрезмерная социальная тревожность, $F(1, 43) = 4,46, p < 0,05 (R^2 = 0,09, \Delta R^2 = 0,09)$.

Регрессионная модель вербальной оригинальности не содержала ни одного значимого предиктора из шизотипических черт.

Регрессионная модель образной беглости включала четыре значимых предиктора, была статистически достоверна, $F(5, 39) = 7,22, p < 0,001$ и объясняла 48% от общей дисперсии ($R^2 = 0,48, \Delta R^2 = 0,07$). Значимыми предикторами образной беглости были выявлены: отрицательно – странная речь и суженный аффект; положительно – отсутствие близких друзей, необычные убеждения или магическое мышление.

Регрессионная модель образной гибкости содержала пять предикторов, была статистически достоверна, $F(6, 38) = 8,64, p < 0,001$, объясняя 58% от общей дисперсии ($R^2 = 0,58, \Delta R^2 = 0,05$). Значимыми предикторами образной гибкости оказались: отрицательно – необычные перцептивные ощущения, странная речь, суженный аффект; положительно – отсутствие близких друзей, необычные убеждения или магическое мышление.

Регрессионная модель общей креативности содержала четыре значимых предиктора, была статистически достоверна, $F(5, 39) = 8,28, p < 0,001$, и объясняла приблизительно 51% от общей дисперсии ($R^2 = 0,515, \Delta R^2 = 0,10$). Основными предикторами общей креативности были выявлены: отрицательно – странная речь и суженный аффект; положительно – необычные убеждения и отсутствие близких друзей.

Интерпретация полученных результатов

Целью исследования было изучение различных параметров креативности во взаимосвязи с шизотипическими чертами личности на выборке людей нетворческих специальностей. Полученные результаты свидетельствуют, во-первых, о существовании значимых корреляционных связей между креативностью и шизотипическими чертами личности. Эти связи являются положительными в отношении шкал: магическое мышление, отсутствие близких друзей; и отрицательными со шкалами – странная речь и суженный аффект. Во-вторых, было обнаружено, что мужчины имеют более высокие показатели по образной оригинальности и более низкие баллы по шкале «чрезмерная социальная тревожность», чем женщины.

На первый взгляд, полученные нами результаты согласуются с результатами предшествующих исследований, свидетельствующих

о существовании связи между позитивными шизотипическими чертами и высокой креативностью [16–18]. Было обнаружено, что необычные убеждения и магическое мышление являются положительными предикторами параметров креативности, а негативные шизотипические черты, такие как суженный аффект и странная речь, являются отрицательными предикторами креативности, подтверждая выдвинутую нами гипотезу. Связь между креативностью и шизотипией является положительной для позитивных шизотипических черт и отрицательной для негативных шизотипических черт.

Однако в нашем исследовании негативная шизотипическая черта «отсутствие близких друзей» положительно коррелирует с креативностью, что позволяет предположить отсутствие близких межличностных отношений с окружающими. Результаты различных исследований свидетельствуют о том, что шкала «отсутствие близких друзей» демонстрирует самую высокую нагрузку в факторе интерперсонального дефицита и варьируется в диапазоне от 0,73 до 0,89 [19]. Положительные ответы на утверждения для оценки шкалы «отсутствие близких друзей» (например, «Мне трудно быть эмоционально близким с окружающими») свидетельствуют о нарушениях межличностных связей [20]. В предыдущих исследованиях мы изучали, вызывают ли высококреативные личности симпатию или антипатию у своих сверстников, находящихся в одной группе с ними [21]. Применяв социометрическую методику, мы обнаружили, что студенты, обладающие высокой образной креативностью, чаще не являются популярными в студенческой группе и попадают в категорию «отвергаемых» [22]. Таким образом, полученные нами результаты подкрепляют предположение, что индивиды, обладающие высокой образной креативностью, могут испытывать трудности в межличностных отношениях.

Данные результаты указывают на то, что шизотипические черты и креативность имеют противоречивую взаимосвязь. С одной стороны, креативность, по всей видимости, сужает социальную сферу человека. Но с другой стороны, обнаруженная отрицательная корреляция между образной оригинальностью и чрезмерной социальной тревожностью свидетельствует о специфике проявления личности в социальной сфере. Чем выше образная оригинальность, тем ниже социальная тревожность. Вероятно, креативные личности не испытывают сильного страха перед социальным взаимодействием, что позволяет им быть оригинальными. Но вместе с тем они могут испытывать внутреннее одиночество или внут-

ренную изоляцию. Таким образом, шизотипия не является прямым предиктором креативности, что согласуется с некоторыми полученными ранее результатами [23].

В процессе исследования было также обнаружено влияние пола. Мужчины получили более высокие баллы, чем женщины, по параметру образная оригинальность. Этот результат частично подтверждает предыдущие. С одной стороны, такие результаты можно объяснить лучшей способностью мужчин выполнять задания на зрительно-пространственное восприятие [24]. С другой стороны, различие между мужчинами и женщинами было обнаружено только по параметру образной оригинальности и не было выявлено по показателям вербальной оригинальности, образной беглости и гибкости. Обзор [25] результатов исследований вопроса о половых различиях в сфере креативности не выявил существенных различий в гендерном превосходстве. Вместе с тем существует предположение о гендерных различиях во внутренних механизмах, с помощью которых мужчины и женщины приходят к креативным решениям. Например, в исследовании О. М. Razumnikova [26] было показано, что одинаковые показатели креативной продуктивности у мужчин и у женщин были достигнуты с применением разных стратегий (независимо от типа задания: образного или вербального). Обобщив, можно сказать, что уровень креативности в минимальной степени объясняется такой демографической переменной, как пол. В частности, А. Furnham и М. Nederstrom (2010) доказали, что фактор пола объясняет лишь 1–2% от общей дисперсии креативности [27]. Это свидетельствует о том, что пол человека едва ли является определяющим фактором уровня развития креативности.

Таким образом, в результате исследования было показано, что негативные шизотипические черты отрицательно связаны с креативностью, а позитивные черты имеют положительную связь с параметрами креативности. Кроме того, было обнаружено, что у людей, обладающих высокой креативностью, могут проявляться трудности в социальной сфере, в установлении близких межличностных отношений. Эти результаты свидетельствуют о том, что связь креативности и шизотипических черт личности наблюдается также и среди людей нетворческих профессий. Однако данная связь имеет определенную специфику для позитивных и негативных шизотипических черт личности.

Авторы выражают благодарность коллегам из Берлинского университета им. Гумбольдта Элке ван дер Меер и Штеффену Ландграфу.

Исследование выполнено в рамках интеграционного проекта № С20 за 2015 год при поддержке Новосибирского государственного технического университета.

Список литературы

1. *Andreasen N. C.* Creativity and mental illness // *Amer. Journal of Psychiatry*. 1987. Vol. 144, № 10. P. 1288–1292.
2. *Nettle D.* Schizotypy and mental health amongst poets, visual artists, and mathematicians // *Journal of Research in Personality*. 2006. Vol. 40, № 6. P. 876–890.
3. *Barron F.* The disposition toward originality // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1955. Vol. 51, № 3. P. 478.
4. *Jamison K. R.* Mood disorders and patterns of creativity in British writers and artists // *Psychiatry*. 1989. Vol. 52, № 2. P. 125–134.
5. *Богоявленская Д. Б.* Психология творческих способностей. М., 2002. 320 с.
6. *Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб., 1999. 368 с.
7. *Meehl P. E.* Toward an integrated theory of schizotaxia, schizotypy and schizophrenia // *Journal of Personality Disorders*. 1990. Vol. 4, № 1. P. 1–99.
8. American psychiatric association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders / 4th ed., text revision. Washington, 2000. 866 p.
9. *Claridge G., Broks P.* Schizotypy and hemisphere function : Theoretical considerations and the measurement of schizotypy. *Personality and Individual Differences*. 1984. Vol. 6. P. 633–648.
10. *Raine A.* The SPQ : A scale for the assessment of schizotypal personality based on DSM-III-R criteria // *Schizophrenia Bulletin*. 1991. Vol. 17. P. 556–564.
11. *Batey M., Furnham A.* The relationship between measures of creativity and schizotypy // *Personality and Individual Differences*. 2008. Vol. 45, № 8. P. 816–821.
12. *Abraham A. [et al.]*. Conceptual expansion and creative imagery as a function of psychoticism // *Consciousness and Cognition*. 2005. Vol. 14, № 3. P. 520–534.
13. *Torrance E. P.* The Torrance tests of creative thinking: Normstechnical manual : research / ed. Verbal tests, forms A and B – Figural tests, forms A and B. Princeton, NJ, 1966. 96 p.
14. *Mednick S.* The associative basis of the creative process // *Psychological review*. 1962. Vol. 69, № 3. P. 220.
15. *Ефремов А. Г., Ениколопов С. Н.* Апробация методики выявления степени выраженности шизотипических черт (SPQ-74) // *Материалы Первой междунар. конф., посвященной памяти Б. В. Зейгарник*. М., 2001. С. 109–112.
16. *Miller G. F., Tal I. R.* Schizotypy versus openness and intelligence as predictors of creativity // *Schizophrenia research*. 2007. Vol. 93, № 1. P. 317–324.

17. Folley B. S., Park S. Verbal creativity and schizotypal personality in relation to prefrontal hemispheric laterality : A behavioral and near-infrared optical imaging study // *Schizophrenia research*. 2005. Vol. 80, № 2. P. 271–282.
18. Landgraf S., Ilinykh A., Haller C., Shemelina O., Crop-ley D., von Treskow I., Razumikova O. M., van der Meer E. Culture makes the difference : The «creativity-schizotypy» association varies between Russians and Germans // *Intern. Journal of Creativity and Problem Solving*. 2015. Vol. 25, iss. 1. P. 35–60.
19. Raine A. [et al.]. Cognitive-perceptual, interpersonal, and disorganized features of schizotypal personality // *Schizophrenia Bulletin*. 1994. Vol. 20, № 1. P. 191.
20. Völter C. [et al.] Schizotypy and behavioural adjustment and the role of neuroticism // *PloS one*. 2012. Vol. 7, № 2. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0030078> (дата обращения: 10.06.2015).
21. Ильиных А. Е. Социальная креативность личности : психологическая структура // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 74–77.
22. Ильиных А. Е. Социальное поведение творческой личности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. Вып. 2, ч. I. С. 271–277.
23. Burch G. S. J. [et al.]. Schizotypy and creativity in visual artists // *British Journal of Psychology*. 2006. Vol. 97, № 2. P. 177–190.
24. Landgraf S. [et al.]. Cognitive identity in schizophrenia: vision, space, and body perception from prodrome to syndrome // *Current Psychiatry Reviews*. 2012. Vol. 8, № 2. P. 119–139.
25. Pagnani A. R. Gender differences // *Encyclopedia of creativity* / 2nd ed. M. A. Runco & S. R. Pritzker. San Diego, 2011. P. 551–557. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780123750389001060> (дата обращения: 30.05.2015).
26. Razumnikova O. M. Gender differences in hemispheric organization during divergent thinking : an EEG investigation in human subjects // *Neuroscience Letters*. 2004. Vol. 362, iss. 3. P. 193–195.
27. Furnham A., Nederstrom M. Ability, demographic and personality predictors of creativity // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 48, № 8. P. 957–961.

Creativity and Schizotypal Personality Traits: Association's Specifics in Noncreative Sample (on German student's sample)

A. E. Ilinykh, N. V. Asanova

Novosibirsk State Technical University
20, Karl Marks ave., 630092, Novosibirsk, Russia
E-mail: banyuhova@gmail.com; asanovan@ngs.ru

Association between creativity and schizotypal personality traits in non-creative sample is studied. Study was conducted on the sample of German university-students. Findings show that negative schizotypal traits are negatively associated with the creativity measures

excepting the scale «no close friends». Positive schizotypal traits are positively associated with creativity. Moreover, findings suggest that highly creative people can have the difficulties in social life as well as interpersonal deficits. These results suggest that association between creativity and schizotypal personality traits are also observed among non-creative sample. However, this relationship is specified for positive and negative schizotypal personality traits.

Key words: creativity, originality, originality, flexibility, fluency, schizotypy, schizotypal personality traits, culture.

References

1. Andreasen N. C. Creativity and mental illness. *American Journal of Psychiatry*, 1987, vol. 144, no. 10, pp. 1288–1292.
2. Nettle D. Schizotypy and mental health amongst poets, visual artists, and mathematicians. *Journal of Research in Personality*, 2006, vol. 40, no. 6, pp. 876–890.
3. Barron F. The disposition toward originality. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1955, vol. 51, no. 3, pp. 478.
4. Jamison K. R. Mood disorders and patterns of creativity in British writers and artists. *Psychiatry*, 1989, vol. 52, no. 2, pp. 125–134.
5. Bogoyavlenskaya D. B. *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostey* (Psychology of creative abilities). Moscow, 2002. 320 p.
6. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey* (Psychology of general abilities). St.-Petersburg, 1999. 368 p.
7. Meehl P. E. Toward an integrated theory of schizotaxia, schizotypy, and schizophrenia. *Journal of Personality Disorders*, 1990, vol. 4, no. 1, pp. 1–99.
8. *American psychiatric association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders* / 4th ed., text revision. Washington, 2000. 866 p.
9. Claridge G., Broks P. Schizotypy and hemisphere function : Theoretical considerations and the measurement of schizotypy. *Personality and Individual Differences*, 1984, vol. 6, pp. 633–648.
10. Raine A. The SPQ: A scale for the assessment of schizotypal personality based on DSM-III-R criteria. *Schizophrenia Bulletin*, 1991, vol. 17, pp. 556–564.
11. Batey M., Furnham A. The relationship between measures of creativity and schizotypy. *Personality and Individual Differences*, 2008, vol. 45, no. 8, pp. 816–821.
12. Abraham A. [et al.]. Conceptual expansion and creative imagery as a function of psychoticism. *Consciousness and cognition*, 2005, vol. 14, no. 3, pp. 520–534.
13. Torrance E. P. *The Torrance tests of creative thinking: Normstechnical manual: research* / ed. Verbal tests, forms A and B – Figural tests, forms A and B. Princeton, NJ, 1966. 96 p.
14. Mednick S. The associative basis of the creative process. *Psychological review*, 1962, vol. 69, no. 3, pp. 220.
15. Efremov A. G., Enikolopov S. N. Aprobatsiya metodiki vyyavleniya stepeni vyrazhennosti shizotipicheskikh chert (SPQ-74) (Approbation of the schizotypal traits severity assessment {SPQ-74}). *Materialy Pervoy mezh-dunar. konf., posvyashchennoy pamyati B. V. Zeygarnik*

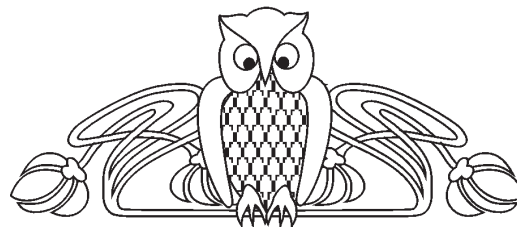
- (Proceedings of the First international conference for B. V. Zeygarnik). Moscow, 2001, pp. 109–112.
16. Miller G. F., Tal I. R. Schizotypy versus openness and intelligence as predictors of creativity. *Schizophrenia research*, 2007, vol. 93, no. 1, pp. 317–324.
  17. Folley B. S., Park S. Verbal creativity and schizotypal personality in relation to prefrontal hemispheric laterality : A behavioral and near-infrared optical imaging study. *Schizophrenia research*, 2005, vol. 80, no. 2, pp. 271–282.
  18. Landgraf S., Ilinykh A., Haller C., Shemelina O., Cropley D., von Treskow I., Razumikova O. M., van der Meer E. Culture makes the difference: The «creativity-schizotypy» association varies between Russians and Germans. *International Journal of Creativity and Problem Solving*, 2015, vol. 25, iss. 1, pp. 35–60.
  19. Raine A. [et al.]. Cognitive-perceptual, interpersonal, and disorganized features of schizotypal personality. *Schizophrenia Bulletin*, 1994, vol. 20, no. 1, pp. 191.
  20. Völter C. [et al.]. *Schizotypy and behavioural adjustment and the role of neuroticism*. PloS one. 2012, vol. 7, no. 2. Available at: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0030078> (accessed 10 June 2015).
  21. Ilinykh A. E. Sotsyalnaya kreativnost lichnosti: psikhologicheskaya struktura (Social creativity of a person: psychological structure). *Izv. Saratov Univ. (N.S.)*, Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2011, vol. 11, iss. 3, pp. 74 – 77.
  22. Ilinykh A. E. Sotsyальноe povedenie tvorcheskoy lichnosti (Social behaviour of a creative person). *Vestn. St.-Petersburg. un-ta. Ser. 12. Psychology. Sociology. Education (Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 12. Psychology. Sociology. Education)*, 2009, iss. 2, part I, pp. 271–277.
  23. Burch G. S. J. [et al.]. Schizotypy and creativity in visual artists. *British Journal of Psychology*, 2006, vol. 97, no. 2, pp. 177–190.
  24. Landgraf S. [et al.]. Cognitive identity in schizophrenia: vision, space, and body perception from prodrome to syndrome. *Current Psychiatry Reviews*, 2012, vol. 8, no. 2, pp. 119–139.
  25. Pagnani A. R. *Gender differences. Encyclopedia of creativity*. 2nd ed. M. A. Runco & S. R. Pritzker. San Diego, 2011, pp. 551–557. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780123750389001060> (accessed 30 May 2015).
  26. Razumnikova O. M. Gender differences in hemispheric organization during divergent thinking: an EEG investigation in human subjects. *Neuroscience Letters*, 2004, vol. 362, iss. 3, pp. 193–195.
  27. Furnham A., Niderstrom M. Ability, demographic and personality predictors of creativity. *Personality and Individual Differences*, 2010, vol. 48, no. 8, pp. 957–961.

УДК 316.37

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Кленова Милена Александровна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: milena_d@bk.ru

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования феномена социального самочувствия в группе студенческой молодежи. Установлена взаимосвязь социального самочувствия и смысложизненных ориентаций. Выборка исследования составила 100 человек, из них 50 юношей и 50 девушек в возрасте 18–19 лет. В качестве диагностического инструментария были использованы тест «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьева), модифицированный вариант методики «Интегральный индекс социального самочувствия» (Е. И. Головахи). Выполненная нами модификация заключалась в группировании потребностей: «материальные и бытовые потребности», «потребности в политической стабильности и социальном участии», «информационные потребности» и «личностные и межличностные потребности». Выявлены существенные взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и социальным самочувствием. Установлено, что испытуемые, ориентированные на результативность жизни,

не испытывают больших материальных потребностей, но при этом высказывают неудовлетворенность сферой межличностных отношений. Для тех молодых людей, которым приоритетным представляется процесс жизни, доминирующими являются информационные и потребности в политической стабильности и социальном участии.

Ключевые слова: социальное самочувствие, молодое поколение, смысложизненные ориентации, личность, потребности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-79-84

Введение

Феномен социального самочувствия относится к области социологических исследований. В общем смысле социальное самочувствие – это

эмоциональный аспект оценки социальными группами уровня собственной удовлетворенности как экономических, так и духовных потребностей. В проведенном нами исследовании предпринята эмпирическая попытка осмысления феномена социального самочувствия в контексте социальной психологии. Перенесение феномена социального самочувствия из области социологии в психологическое поле представляется нам весьма интересным с точки зрения научного познания. Носителем социального самочувствия выступает личность. Именно эмоциональная оценка личностью своего состояния в данный момент в существующей социальной группе является предметом представленного исследования. Кроме того, в контекст социального самочувствия нами был включен такой фактор, как смысложизненные ориентации.

Теоретический анализ проблемы

В работе О. В. Коломиец предпринята попытка осмысления понятия социального самочувствия с точки зрения социальной психологии. Социальное самочувствие рассматривается как форма проявления общественно-социального сознания, выражает и оценивает специфический образ жизни и деятельности представителей той или иной социальной группы, в которых оно развивается и формируется под влиянием различных социально-психологических, политических и экономических процессов [1].

Исследуя теоретическую основу социального самочувствия, можно отметить, что большинство современных исследований в области социологии и социальной психологии обращено к изучению социального самочувствия молодежи [2–4]. Не вызывает сомнения утверждение, согласно которому молодежь является именно тем кластером общества, который отражает большинство общественных настроений. Социальное самочувствие – это характеристика состояния общества, являющаяся комплексным показателем отношения молодежи к окружающему миру, который включает зависимость этого отношения от психофизических характеристик, целей, ориентаций и жизненного опыта [5].

Понимание психологического содержания феномена социального самочувствия неразрывно связано с социально-психологической адаптацией. Г. Д. Гриценко подчеркивает, что в настоящее время можно говорить об адапционном социальном самочувствии [6]. По словам автора, адаптационное социальное самочувствие является обобщенной ответной реакцией

общества на наиболее существенные социально-политические и общественные процессы, этот феномен включает в себя совокупность различных компонентов, отражающих субъективное восприятие обществом конкретной жизненной ситуации в любой сфере жизни. Адаптация личности в социальных условиях рассматривается в контексте социальных процессов и является социально-психологическим феноменом. А. А. Налчаджяном выделено шесть основных разновидностей социальных процессов: внутриличностные; межличностные; процессы между личностью и группой; изменяющие отношения между группами; вызывающие изменения во внутренней структуре и формах организации группы; социальные процессы, приводящие к изменениям во всем обществе [7]. Исследуя социальное самочувствие с использованием определенного диагностического инструментария в конкретной социальной группе, получаем возможность определить, на каком именно уровне протекающих социальных процессов внутри группы возникают проблемные ситуации, а также чем они могут быть обусловлены. Данная информация может оказаться практически значимой с точки зрения разработки программ по социально-психологической адаптации. Это особенно важно в том случае, когда речь идет о социально-психологической адаптации молодого поколения.

В своей работе мы неслучайно рассматриваем смысложизненные ориентации современной молодежи в контексте ее социального самочувствия. Смысложизненные ориентации рассматриваются, как минимум, в двух точках зрения. В качестве первой можно выделить сферы жизни, в которых личность с большой вероятностью может найти смысл жизнедеятельности. Во втором аспекте смысложизненные ориентации можно обозначить как связь смысла жизни с временной перспективой, т.е. с осознанием и пониманием прошлого, настоящего и будущего человека. Смысложизненные ориентации определяют то, насколько в жизни человека наличествует существенная цель, в какой степени он определяет процесс своей жизни интересным и полноценным и в какой степени удовлетворен теми результатами, которых достиг [8]. Установив взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и компонентами социального самочувствия современной молодежи, мы получим информацию, благодаря которой представится возможность определить, потребности в какой именно сфере жизнедеятельности являются доминирующими в исследуемой группе.

Выборка, методики и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили 100 человек, из них 50 юношей и 50 девушек в возрасте 18–19 лет. В качестве основного метода исследования был использован метод опроса с применением следующего диагностического инструментария: теста «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева, опросника «Интегральный индекс социального самочувствия» (ИИСС) Е. И. Головахи.

Результаты исследования и их обсуждение

В основе нашего исследования лежал опросник Е. А. Головахи «Интегральный индекс социального самочувствия». В опроснике представлены 44 потребности, каждую из которых необходимо оценить по уровню ее необходимости для личности в настоящий момент. Далее авторами предлагается суммарный подсчет общего среднего показателя ИИСС. Наша доработка данного опросника состояла в том, что из 44 суждений нами были сформированы четыре группы потребностей по 11 вопросов. Последовательность группирования суждений соответствует их логике. В первую группу потребностей – материальные и бытовые потребности – были включены следующие суждения: «в настоящий момент мне не хватает жилья, одежды, автомобиля и пр.». Вторая группа потребностей – потребности в политической стабильности и социальном участии: в ней были объединены суждения типа «не хватает/хватает политических идеалов, государственной защиты, возможности приобщаться к своей национальной культуре и пр.». Третья группа – информационные потребности и потребности в образовании состоит из суждений «мне не хватает/хватает современных политических, экономических, юридических знаний, знания иностранных языков и пр.» И, наконец, в четвертой группе – личностные и межличностные потребности – объединены суждения «мне не хватает/хватает доброты со стороны окружающих, решительности, взаимопонимания, счастья в семейной жизни и пр.». Таким образом, сгруппировав суждения опросника по четырем критериям, в дальнейшем исследовании мы получаем возможность не только оценить доминирующие потребности в молодежной выборке, но и провести сравнительный и корреляционный анализ с учетом выделенных нами показателей.

Общий показатель интегрального индекса социального самочувствия в нашей выборке составил 70,5. Согласно интерпретации значений по опроснику ИИСС, этот показатель соответствует пониженному уровню социального

самочувствия (числовая граница – 66–71). Эти данные говорят о том, что в среде современной студенческой молодежи наблюдаются некоторые пессимистические настроения и выражена неудовлетворенность различными сферами жизнедеятельности. Более низкий показатель обнаружен в группе девушек – 67,01 и 73,62 у юношей ($t = 2,073$). Эти данные говорят о том, что в настоящий момент существует определенный разрыв между мужским и женским социальным самочувствием. Статистически значимые различия между показателями социального самочувствия юношей и девушек могут свидетельствовать о неравенстве их социального положения. Эти данные согласуются с исследованиями Е. И. Головахи, который изучал социальное самочувствие жителей Украины и также обнаружил, что у мужчин индекс социального самочувствия выше, нежели у женщин [9]. Противоположные данные были получены в исследовании Н. Н. Симонович: в выборке российской молодежи ею было установлено, что у девушек, в отличие от юношей, индекс социального самочувствия выше [10]. Эти противоречивые данные подтверждают, что социальное самочувствие, несмотря на универсальность данного феномена, является динамическим образованием, т.е. его показатель и уровень зависят не только от специфики социальной обстановки в стране, места и времени проведения опроса, но также и от особенностей самой социальной группы, которая является объектом изучения. Особенно это очевидно на примере небольших выборок, как в данном исследовании.

Как было сказано выше, работа в рамках данного исследования состояла также в группировании потребностей по содержанию. Средние показатели групп потребностей выглядят следующим образом: материальные – 23,6; потребности в стабильности и социальном участии – 25,9; в информации и образовании – 26,8; индивидуальные и межличностные – 26 (при максимуме 44 балла и минимуме 11 баллов). Сравнивая показатели в группах юношей и девушек, мы установили, что у последних проявляется более высокая потребность в стабильности и социальном участии ($t = 2,247$), а также личностные и межличностные потребности ($t = 2,073$). Рассматривая данные каждого из предложенных авторами суждений, можно отметить следующие тенденции: молодежь, принявшая участие в нашем исследовании, в качестве наиболее необходимых потребностей указывает: знание иностранного языка (42%), автомобиль (42%), возможность подрабатывать (37%), а также то, что им не хватает любимого человека (34%). Менее всего респондентов

интересуют экономические знания (28,3%), информация об изменениях, происходящих в обществе (20,8%), современные научно-технические знания (19,8%), политическая свобода (16%).

Следующим шагом в нашем исследовании явилось изучение особенностей смысложизненных ориентаций современной молодежи. Вначале рассмотрим средние показатели по всем субшкалам методики СЖО Д. А. Леонтьева: цели в жизни – 28,4; процесс жизни – 26,3; результативность жизни – 23,1; локус контроля – я – 18,5; локус контроля – жизнь – 27,5; общий показатель ОЖ – 91,8. Следуя авторской интерпретации полученных данных, можно сказать, что полученные значения всех шкал находятся в границах средних значений.

Для определения взаимосвязи смысложизненных ориентаций и социального самочувствия современной молодежи нами был проведен корреляционный анализ. Для начала были определены взаимосвязи выделенных групп потребностей и шкал опросника СЖО. Группа материальных потребностей положительно связана со шкалами «результативность жизни» ($r = 0,198$) и «локус контроля – жизнь» ($r = 0,343$). Эти данные свидетельствуют о том, что молодежь, не испытывающая материальных потребностей, или, по крайней мере, те молодые люди, для которых материальные блага не являются доминирующими целями, – в целом удовлетворены собственной жизнью, а также считают, что они обладают способностью контролировать свою жизнь. Эти данные весьма интересны, и их можно интерпретировать с двух точек зрения. С одной стороны, этот показатель может свидетельствовать о переориентации ценностей молодого поколения, о снижении значимости материального благополучия. С другой же стороны, объяснение этих данных может заключаться в специфике самой выборки: возможно, в исследовании приняли участие молодые люди, не испытывающие материальных затруднений; в любом случае, этот показатель явился индикатором того, что в подобных исследованиях необходимо также включать и ценностный компонент.

В результате исследования были получены отрицательные корреляционные взаимосвязи потребностей в социальной стабильности со шкалами «локус контроля – я» ($r = -0,202$) и «процесс жизни» ($r = -0,244$). Эти взаимосвязи свидетельствуют о том, что испытуемые, обладающие представлениями о себе как о сильной личности и имеющие желание и возможности выстраивать свои жизненные планы в соответствии с поставленными целями, а также воспринимающие свою жизнь как эмоционально насыщенную

и наполненную смыслом, показывают высокую потребность в политической стабильности и социальном участии. Необходимо отметить, что в последнее время активизируется социально-политическая заинтересованность молодежи. Динамика изменений внутри- и внешнеполитических событий привлекла внимание молодого поколения. Здесь немаловажную, а скорее, первоочередную роль сыграли СМИ. Конструирование когнитивных схем происходит посредством переработки большого массива информации, с которым приходится сталкиваться ежедневно, просматривая ленты соцсетей или новостные программы по телевидению. Так или иначе, социально-политические проблемы в настоящее время вызывают довольно большой интерес со стороны молодых людей. Исследование представлений о социально-политических явлениях среди молодежи было проведено А. Р. Вагаповой: она выделила 11 единиц социальных представлений о социально-политических явлениях [11]. Необходимо отметить: несмотря на то, что в данной работе была использована авторская анкета для выявления доминирующих представлений, полученные категории можно сопоставить с потребностями, выделенными Е. И. Головахой. Другими словами, в основе обеих работ лежит выявление проблемного, а следовательно, и потребностного полюса в представлениях молодежи о современных социально-политических явлениях. По результатам же нашего исследования было установлено, что те молодые люди, которые в большей степени проявляют потребности в улучшении социально-политической обстановки внутри страны, являются личностями активными, деятельными, с четкой жизненной позицией, т.е. обладают готовностью принимать непосредственное участие в социально-политической жизни общества.

Группа потребностей, которая была названа нами информационными, положительно взаимосвязана со шкалой «локус контроля – жизнь» ($r = 0,210$), кроме того, получена отрицательная корреляционная взаимосвязь со шкалой «процесс жизни» ($r = -0,246$). Другими словами, молодые люди, у которых есть некоторая неудовлетворенность процессом жизни, в большей степени испытывают информационные потребности, включающие в себя потребности в экономических, технических, политических и прочих видах информации. С другой же стороны, те молодые люди, которые полагают, что их собственная жизнь неподвластна самоконтролю, не считают необходимым расширять свои знания в перечисленных выше областях и данные потребности не вызывают у них интереса.

Индивидуальные потребности, объединившие в себе суждения, касающиеся необходимости установления межличностных контактов, счастья и гармонии в отношениях с близкими людьми, наличия хороших верных друзей и пр., оказались взаимосвязаны с целью жизни ($r = 0,285$) и результатом ($r = -0,280$). Примечательно, что одна из полученных корреляций прямо пропорциональная, а другая – обратно пропорциональная. Это говорит о том, что испытуемые, для которых жизнь представляется наполненной смыслом, считают свои индивидуальные потребности вполне удовлетворенными. В то же время обратная картина вырисовывается относительно результативности жизни. Представление о продуктивности и осмысленности прожитой части жизни соотносится с неудовлетворенностью потребностей, которые связаны с межличностной сферой. В последнее время наблюдается нарастающий интерес к изучению представлений о временной перспективе [12, 13]. В этих исследованиях проводится эмпирическое изучение временной перспективы личности молодежи с учетом уровня адаптационной готовности. Такие работы открывают для нас новый вектор в изучении социального самочувствия – уровень адаптационной готовности.

Заключение

Социальное самочувствие представляется сложным многогранным и динамическим образованием. Его изучение в рамках социальной психологии личности – новое перспективное направление. Для того чтобы дополнить понятие социального самочувствия, необходимо включить в его содержание социально-психологические факторы и критерии. Одним из них являются смысложизненные ориентации. Проведенное исследование показало, что существует определенная взаимосвязь доминирующих социальных потребностей личности и ее смысложизненных ориентаций.

Одной из задач исследования стало объединение потребностей, выделенных в методике ИИСС Е. И. Головахи, по четырем признакам. Эти группы потребностей были названы: материальные и бытовые потребности, потребности в политической стабильности и социальном участии, информационные потребности и личностные и межличностные потребности. Дальнейший корреляционный анализ позволил выявить существующие взаимосвязи смысложизненных ориентаций и социального самочувствия: установили, что испытуемые, ориентированные на результативность жизни, не испытывают больших материальных потребностей, но при этом

высказывают неудовлетворенность сферой межличностных отношений. У молодых людей, для которых важен процесс жизни, доминирующими являются информационные и потребности в политической стабильности и социальном участии.

Список литературы

1. Коломиец О. В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология : теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 3. С. 14–25.
2. Ишкинеева Ф. Ф., Ахметова С. А., Минзарипов Р. Г. Социальное самочувствие молодежи на пороге профессионального самоопределения в обществе риска // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 6. С. 220–231.
3. Кузьмичева Л. Н. Социальное самочувствие российской молодежи : влияние культурных установок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 160–163.
4. Гусев В. В. Социальное самочувствие молодежи в российском моногороде (на примере города Вольска Саратовской области) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 3–7.
5. Садкова Д. А. Социальное самочувствие молодежи : адаптация к общественным трансформациям // Проблемы развития территории. 2014. № 6 (74). С. 91–99.
6. Гриценко Г. Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация : соотношение понятий // Universum: Общественные науки : электронный научный журнал 2014. № 6 (7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 25.11.2015).
7. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация : механизмы и стратегии. М., 2010. 368 с.
8. Гончар С. Н. Особенности развития смысложизненных ориентаций современных студентов-первокурсников // Современная психология : материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2012. С. 17–19.
9. Головаха Е. И., Панина Н. В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС) : конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. Киев, 1997. 214 с.
10. Симонович Н. Н. Предпосылки изучения социального самочувствия // Вестн. ун-та (Гос. ун-т управления). 2007. № 5 (31). С. 296–297.
11. Вагапова А. Р. Современные социально-политические явления в представлениях разных этнических групп // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 3. С. 226–231.
12. Акименко А. К. Представления о прошлом, настоящем и будущем в системе социально-психологической адаптации личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 2. С. 131–142.

13. Бочарова Е. Е. Временная перспектива личности студента с разным уровнем адаптационной готовности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 1. С. 57–63.

Social Well-being and Life-purpose Orientations of the Modern Young People

M. A. Klenova

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: milena_d@bk.ru

The article deals with the results of theoretical and empirical studies of social well-being phenomenon in the group of students. The relationship between social well-being and life-purpose orientations is established. Study selection consisted of 100 people, 50 of whom were young men and 50 were young women at the age of 18–19 years old. «Life-purpose orientations» test by D. A. Leontiev and modified adaptation of the «Integral index of social well-being» method by E. I. Golovakh were used as a diagnostic tool. Modification we carried out involved grouping of the needs: «material and domestic needs», «political stability and social interaction needs», «informational needs» and «personal and interpersonal needs». Significant relationships between life-purpose orientations and social well-being were defined. It was found out that the subjects focused on life performance do not experience great material needs, but they express discontent in the sphere of interpersonal relationships. For those young people who prioritize the process of life the most dominant are informational needs and political stability and social interaction.

Key words: social well-being, the younger generation, life-purpose orientations, personality, needs.

References

1. Kolomiyets O. V. Sotsialnoye samochuvstviye kak problema sotsialnoy psikhologii (Social well-being as a problem of social psychology). *Sovremennaya sotsialnaya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya* (Modern social psychology: theoretical approaches and applied researches), 2012, no. 3, pp. 14–25. (in Russian)
2. Ishkineyeva F. F., Akhmetova S. A., Minzaripov R. G. Sotsialnoye samochuvstviye molodyozhi na poroge professionalnogo samoopredeleniya v obshchestve riska (Youth's social well-being on threshold of professional self-determination in risk society). *Uch. zap. Kazan. univ. Ser. Gumanitarnye nauki* (Proceedings of Kazan University. Humanities Series), 2014, vol. 156, no. 6, pp. 220–231.
3. Kuzmicheva L. N. Sotsialnoye samochuvstviye rossiyskoy molodezhi: vliyaniye kulturnykh ustanovok (Russian youth's social well-being: influence of cultural installations). *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* (Humanities, Social-economic and Social Sciences), 2015, no. 6–1, pp. 160–163.
4. Gusev V. V. Sotsialnoye samochuvstviye molodezhi v rossiyskom monogorode (na primere goroda Volska saratovskoy oblasti) [Youth's social well-being in Russian mono-town (on example of the city of Volsk of the Saratov region)]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Sociology. Politology*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 3–7.
5. Sadkova D. A. Sotsialnoye samochuvstviye molodezhi: adaptatsiya k obshchestvennym transformatsiyam (Youth's social well-being: adaptation to public transformations). *Problemy razvitiya territorii* (Problems of territory's development), 2014, no. 6 (74), pp. 91–99.
6. Gritsenko G. D. Sotsialnoye samochuvstviye i sotsialnaya adaptatsiya: sootnosheniye ponyaty (Social well-being and social adaptation: ratio of concepts). *Universum: Obshchestvennye nauki* (Universum: social sciences), 2014, no. 6 (7). Available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (accessed 25 November 2015).
7. Nalchadzhyan A. A. *Psikhologicheskaya adaptatsiya: mekhanizmy i strategii* (Psychological adaptation: mechanisms and strategy). Moscow, 2010. 368 p.
8. Gonchar S. N. Osobennosti razvitiya smyslozhiznennykh oriyentatsy sovremennykh studentov-pervokursnikov (Features of development of modern first-year students' meaning-life orientations). *Sovremennaya psikhologiya: materialy mezhdunar. nauch. konf. Perm, iyun 2012 g.* (Modern psychology: materials of international scientific conference. Perm, June 2012). Perm, 2012, pp. 17–19.
9. Golovakha Ye. I., Panina N. V. *Integralnyy indeks sotsialnogo samochuvstviya (IISS): konstruirovaniye i primeneniye sotsiologicheskogo testa v massovykh oprosakh* (Integrated index of social well-being (IISWB): designing and application of sociological dough in mass polls). Kiev, 1997. 214 p.
10. Simonovich N. N. Predposylki izucheniya sotsialnogo samochuvstviya (Prerequisites of studying of social well-being). *Vestn. Univ. (Gosudarstvennyy Universitet Upravleniya)* (University Bulletin {State University of Management}), 2007, no. 5 (31), pp. 296–297.
11. Vagapova A. R. Sovremennyye sotsialno-politicheskiye yavleniya v predstavleniyakh raznykh etnicheskikh grupp (Modern socio-political phenomena in different ethnic groups' representations). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015, vol. 1, iss. 3, pp. 226–231.
12. Akimenko A. K. Predstavleniya o proshlom, nastoyashchem i budushchem v sisteme sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti (Representations of last, real and future in system of personality's social and psychological adaptation). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 2, pp. 131–142.
13. Bocharova E. E. Vremennaya perspektiva lichnosti studenta s raznym уровнем adaptatsionnoy gotovnosti (Temporary prospect of identity by student with different level of adaptation readiness). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 1, pp. 57–63.

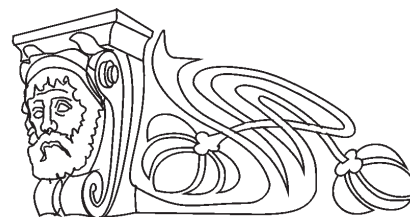

УДК 316

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПАРАДОКС (АНТИНОМИЯ) РАЗЛИЧЕНИЯ «Я – ДРУГОЙ»

Рягузова Елена Владимировна –

доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Сформулирован социокультурный парадокс различия «Я – Другой», заключающийся в том, что, с одной стороны, многоголосье и полифония Других способствуют гармонизации и амплификации развития личности, группы, культуры, а с другой стороны, многообразие Других способно актуализировать страх, тревожность, враждебность и агрессивность, приводить к взаимному антагонизму, конфронтации, противостоянию и дискриминации. Утверждается, что обозначенный парадокс связан с различными способами категоризации фигуры Другого и конструированием репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» на уровнях: личность – социум – культура. Прикладной аспект исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться при разработке тренинговых программ, ориентированных на межкультурную коммуникацию, формирование этнокультурной компетентности и сензитивности.

Ключевые слова: взаимодействие, репрезентация «Я – Другой», культура, социум, личность, механизмы различения, социокультурный парадокс.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-85-89

Введение

У. Бек, характеризуя современное общество как общество риска, совершенно справедливо указывал на то, что «Чернобыль – это конец *других*» [1, с. 5], подразумевая под этим, что человеческая цивилизация достигла такого уровня развития, при котором больше не существует локальных катастроф, кризисов и войн, проблем отдельных этносов или групп, возможности дистанцироваться, обособиться и отгородиться от глобальных экологических, экономических, демографических, политических вызовов, констатируя тем самым, что современная цивилизация складывается под знаком тотального риска и всеобщей опасности. События, происходящие в настоящее время – войны в Ираке, Сирии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, тяжелейший миграционный кризис, обрушившийся на Европу, террористические атаки, направленные не только на уничтожение «неверных», но и варварское разрушение культурных памятников, имеющих мировое значение, природные катастрофы, связанные с глобальным изменением климата, – с очевидностью подтверждают тезис У. Бека и акцентируют внимание на проблемах

взаимодействия с Другими. Кто они – Другие? В чем их сходство, а в чем отличие? Какие реакции, чувства и переживания актуализируют Другие? Почему, когда мы наслаждаемся произведениями искусства, получаем удовольствие от спортивных состязаний, выступлений звезд мирового уровня или знакомимся с интересными психологическими исследованиями, нам не так важна их другость и инаковость? В чем парадокс различия «Я – Другой»?

Как известно, любая антиномия предполагает наличие двух взаимоисключающих утверждений, каждое из которых может быть легко аргументировано и доказано. В фокусе нашего исследовательского интереса будут находиться два утверждения: 1) социокультурная мозаика, подразумевающая многообразие, многоголосье и полифонию Других, разнородность взаимосвязей и контактов с ними, способствует гармонизации и развитию, как отдельной личности, так и общества в целом; 2) дихотомия «Я – Другой» или конкретнее «Мы – Они» основана на противопоставлении Я и Другого, априорной конфронтации между ингруппой и аутгруппой, приводящей к взаимному антагонизму, дистанцированию, дискриминации и формированию враждебности по отношению к представителям аутгрупп.

На наш взгляд, в основе указанного парадокса лежит разное понимание фигуры Другого, разные способы его распознавания, различения, типизации и категоризации, разные контексты взаимодействия с ним. Исходя из этого, целью данной статьи является анализ способов различения и категоризации личностью Другого посредством конструирования личностных репрезентаций «Я – Другой» на разных уровнях взаимодействия.

Теоретический анализ проблемы

Результаты проведенного ранее междисциплинарного анализа философской (Р. Барт, М. М. Бахтин, М. Бубер, Г. Гадамер, Э. Гуссерль, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж. Лакан, Э. Левинас, М. Мерло-Понти, Р. Х. Ортега-

и-Гассет, П. Рикер, П. Рикерт, Ж.-П. Сартр, И. Г. Фихте, М. Хайдеггер, Г. Г. Шпет), социологической (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Р. Сеннет, А. Шулц) и психологической литературы (К. А. Абульханова-Славская, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, К. Герген, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, Х. Кохут, К. Левин, Р. Д. Лэйнг, Г. С. Салливан, Дж. Тернер, Г. Тэддфел, А. У. Хараш) свидетельствуют о том, что развитие личности, ее самоопределение и становление всегда происходит в присутствии Других, вне социальных взаимодействий с которыми невозможны самопонимание и осмысление своего места в мире, формирование Я-концепции и идентичности личности. При этом для нормального развития, успешной адаптации, эффективной социализации и инкультурации личность нуждается не только в наличии Других, их физическом присутствии, когнитивных и аффективных оценках, социальных контактах, межличностных взаимодействиях, субъективных переживаниях, но и в понимании необходимости презентации себя в качестве Другого в их жизненном мире [2].

В рамках разработанной социально-психологической концепции выявлено, что личностные репрезентации конструируются на разных уровнях взаимодействия субъекта (культура, социум, личность). Вследствие чего Другой позиционируется как факт и условие социального порядка, репрезентант культуры, транслятор социокультурных ценностей, нравственный и этический императив, маркер границы Я – не Я и своего рода поручитель для «Я», так как все участники социальных взаимодействий имеют значение Другого, обусловлены Другим и являются значимыми для Другого, а сама личность представляет собой «голоса» Других (М. Бахтин, К. Герген), их «вклады» (В. А. Петровский). При этом репрезентации создаются на основе когнитивных схем с помощью механизмов оценивания, сравнения, категоризации, антиципации, интернализации, способствующих тому, что личность полноценно развивается и эффективно функционирует в социуме. Результатирующим эффектом конструирования репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» является то, что репрезентации, построенные на разных уровнях, дополняют и обогащают друг друга, определяют новые контексты и изменяют реальные взаимодействия личности с другими [3].

Социокультурное многоголосье Других

Обозначая взаимодействие с Другими как многоголосье, мы тем самым смещаем исследовательский акцент с дихотомической категори-

зации «Я – Другой/Другие», сконструированной по типу «или/или», констатирующей различия, подразумевающей противостояние и способствующей схематизации процессов социального познания, на более вариативную систему категоризации «и/и», опирающуюся не столько на явные различия Я и Другого, их жесткую дифференциацию, сколько на возможные сходства между ними, углубляющие процессы познания Я и Другого и делающие вероятностной интеграцию между ними.

Следовательно, в контексте многоголосья Других важным является то, что Я и Другой не столько противопоставляются или сравниваются между собой, сколько задают и обуславливают друг друга, поскольку ни Я, ни Другой не существуют вне этих отношений: они ими определены, и сами же их конституируют.

Исходя из этого, можно полагать, что при определенных условиях, таких, как, например, общность целей и задач, ориентация на результат, единство интересов, взаимное доверие, осознание ответственности, относительно равный статус участников взаимодействия, включенность в одну команду, различия будут способствовать общему успеху, выступая как дополнительный ресурс, стратегическое конкурентное преимущество личности, группы или организации. В рамках кросс-культурного менеджмента эта проблема активно артикулируется и изучается. Эмпирически доказано, что наличие различий – «капитал различий», включающий в себя широкий спектр гендерных и этнических характеристик, культурных и физических особенностей, религиозных убеждений и когнитивных стилей, способствует увеличению производительности труда, повышению эффективности принятых решений, росту креативности, возникновению инноваций [4–6]. При этом важным является не только акцентирование внимания на самом факте существования различий, их значимости и важности, роли и вкладе в общий результат, но и на возможности управления ими [7–9] в поликультурных организациях в условиях глобализации.

Безусловно, контекст многоголосья и полифонии вовсе не означает, что все «голоса» одинаково равноправны, слышны, понятны, интересны, благозвучны, но именно сочетание этого разнообразия создает и обуславливает уникальную неповторимую гармонию человеческого существования.

Необходимо отметить, что диапазон возможных реакций личности или группы на различия Другого широк. В зарубежной литературе сконструирована своеобразная пирамида таких

реакций на культурное разнообразие Других, репрезентирующая смену эмоциональных и поведенческих установок: от отношения к Другому как безликому, не различенному другому, который актуализирует негативные эмоцио-

нальные состояния и враждебные установки, до позитивного принятия культурного разнообразия и уважения к Другому в плане различия не только поведенческих рисунков, но и иерархии ценностей [10].

Рис. 1. Структура возможных реакций на различия

Предложенная модель упорядочивает и структурирует возможные реакции личности или группы на различия и заслуживает внимания, но она упрощена и схематична, поскольку не включает в себя такие значимые социально-психологические моменты, как специфика ситуации взаимодействия, отношение к ней участников интеракции, личностные особенности субъектов взаимодействия, отношение личности к Другому и Другого к личности, культурная дистанция между Я и Другим, наличие опыта взаимодействия, включенность Другого в ин-группу или аутгруппу, взаимоотношения между группами, в которые интегрированы Я и Другой, личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой». Вместе с тем в указанной модели четко определена локализация толерантного реагирования на различия, свидетельствующая о том, что подобное реагирование представляет собой промежуточный этап между тотальным непринятием различий и уважением к культурному многообразию Другого.

Бинарная оппозиция «Я – Другой»

В контексте социальной психологии личности оппозиция «Я – Другой», на наш взгляд, выступает в качестве наиболее широкого (зонтичного) понятия для таких дуальных пар, как «мы – они» и «свои – чужие», поскольку Другой не просто является необходимым условием существования личности, а служит фундаментальным онтологическим основанием самой

возможности возникновения собственно человеческого в человеке, базой его нормального развития и полноценной жизни [11]. Кроме этого конструкт «Другой» имеет широкий смысловой контент, включающий в себя как ингруппового Другого, так и аутгруппового Другого. Под ингрупповым Другим (стигматизированный Другой, чуждый Другой, иной Другой) понимается представитель собственной группы, который отличается от прототипического ингруппового образца и дифференцируется на основании критериев оценочного уровня: «нравится – не нравится», «хороший – плохой», соответственно, личностные репрезентации взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» определяют характер реальных межличностных отношений и формируют тот или иной поведенческий сценарий личности. Аутгрупповой Другой – член чужой группы, различие которого происходит на уровне социального сравнения «свой – чужой», «мы – они» с использованием разного рода установок и стереотипов [12].

При этом дифференциация оппозиций «мы – они» и «свои – чужие» обусловлена, как верно отмечает А. В. Шпилов, разной точкой отсчета, связанной с позицией наблюдателя. В диаде «мы – они» личность идентифицирует себя с группой, демонстрируя включенность в ее состав и явную приверженность группе, в этом случае главным механизмом различения является противопоставление, тогда как в оппозиции «свои – чужие» преобладает позиция

стороннего наблюдателя с доминированием механизма сопоставления [13].

В рамках данной статьи нас будет интересовать оппозиция «мы – они», которая переводит теоретический анализ в плоскость межгрупповых отношений. Противопоставление «мы – они» опирается на сравнение ингруппы и ее членов с аутгруппой и ее представителями при четком манифестировании доминантности и превосходства ингруппы. При этом ингруппа как социальная сцепленность индивидов (Дж. Тернер) характеризуется общим психологическим опытом, единым смысловым полем, сходным культурным образом, универсальной системой релевантностей.

Можно выделить гипотетически возможные аутгруппы, различающиеся по территориальной локализации, статусу, владению экономическим, культурным или социальным капиталом, величине угрозы ингруппе и показателям, задающим разные параметры социальной дистанции: гендерные группы; возрастные группы; конкурирующие группы; стигматизированные группы; высокостатусные группы; криминальные группы; чужие этнокультурные группы; маргинальные группы. Некоторые из этих групп очевидно различаются, другие категоризируются на основе случайных или едва заметных различий. Заметим, что чем менее определенными являются эти различия, тем более строгие критерии групповой дифференциации необходимы для того, чтобы сделать их более четкими и ясными.

Личностные репрезентации взаимодействия «Я – аутгрупповой Другой» основываются на универсальных стереотипах, сформированных и транслируемых культурой и социумом, в которые интегрирована личность, а также на эффектах межгрупповой дифференциации, обусловленных взаимодействиями и взаимными оценками этих групп. Стереотипы позволяют личности по отдельным значащим признакам дифференцировать членов ингрупп и аутгрупп, экономить время и беречь собственные ресурсы, обозначать и охранять межгрупповые границы, а также объяснять поведение по отношению к аутгрупповым Другим, основанное в большей степени на дегуманизации и инфрагуманизации противников, т.е. атрибуции им меньшего количества человеческих качеств и эмоций [14]. Эффекты межгрупповой дифференциации полидетерминированы (ситуационным контекстом, композицией групп, формой взаимодействия) и проявляются на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях.

Таким образом, личностные репрезентации «Я – аутгрупповой Другой» определяют тактики

и стратегии взаимодействия личности с членами чужой группы, репертуар которых варьируется от эскапизма (избегания любого контакта) до эффективного взаимодействия с аутгрупповыми Другими. Отметим важный факт, который заключается в следующем: под влиянием опыта межличностных коммуникаций происходит трансформация тактик и стратегий взаимодействия с представителями аутгрупп.

Заключение

Проведенная теоретическая рефлексия показала, что если в случае многоголосья Другой – субъект взаимодействия (безусловно, не всегда равноправный, но все же субъект) – вызывает интерес, любопытство, может быть, удивление как в плане конфигурации ценностных рядов и системы субъективных предпочтений, так и в контексте понимания происходящего, конструирования им социального мира, реализации поведенческих паттернов, т.е. его *другость* позиционируется личностью как возможный ресурс, задающий своеобразный вектор для развития самой личности или группы, то в случае противопоставления Другой воспринимается как стереотипный, схематичный обезличенный объект, поведение которого вполне предсказуемо и, чаще всего, вызывает недоверие и опасения, актуализируя тревогу, страх либо равнодушие и незаинтересованность, т.е. в данном случае *инаковость* выступает маркером безразличия. Заметим, что семантика слова *без-различие* указывает на то, что различия не воспринимаются личностью как что-то важное и ценное, заслуживающее ее внимания.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска : на пути к другому модерну. М., 2000. 383 с.
2. Рягузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саратов, 2011. 304 с.
3. Рягузова Е. В. Личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» : социально-психологический анализ : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2012. 49 с.
4. Stevens R. H., Ogunji E. Managing diverse organizational environments for strategic advantage : exploring the value of developing business diversity curriculum in higher education // Journal of Management Policy and Practice. 2010. Vol. 11 (4). P. 72–85.
5. Love A. Diversity as a strategic advantage // Business Week. May 20, 2010. URL: <http://businessweek.com/print/managing/content /may2010> (дата обращения: 17.10.2015).

6. Ashkanasy N. M., Härtel C., Daus, C. S. Diversity and emotion : The new frontiers in organizational behavior research // *Journal of Management*. 2002. Vol. 28 (3). P. 307–338.
7. Cassell C., Biswas R. Managing diversity in the new millennium // *Personnel Review*. 2000. Vol. 29 (3). P. 268–273.
8. Dick P. Organizational efforts to manage diversity : Do they really work? // *International handbook: Individual diversity and psychology in organizations* / ed. M. J. Davidson, S. L. Fielden. Chichester, 2003. P. 4–31.
9. Zanoni P., Janssens M. Deconstructing difference : The rhetoric of human resource managers' diversity discourses // *Organization Studies*. 2003. Vol. 25 (1). P. 55–74.
10. *Handbook of Diversity Management : Beyond Awareness to Competency Based Learning* / ed. D. Plummer. Lanham, 2003. P. 223–242.
11. Слободчиков В. И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // *Учён. зап. Пед. ин-та Сарат. гос. ун-та. Сер. Психология. Педагогика*. 2010. № 2. С. 3–8.
12. Рягузова Е. В. Модель личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» // *Акмеология*. 2011. № 3 (39). С. 78–83.
13. Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие. М., 2008. 257 с.
14. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2013. 740 с.
- ed. Bek U. Obschestvo riska: na puti k drugomu modern. M., 2000. 383 p.)
2. Ryaguzova E. V. *Sotsial'naya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodeystviya «Ya – Drugoy»* (Social psychology of personal representations of «I – Other» interactions). Saratov, 2011. 304 p.
3. Ryaguzova E. V. *Lichnostnye reprezentatsii vzaimodeystviya «Ya – Drugoy»: sotsialno-psikhologicheskii analiz: aftoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* (Personal representations of «I – Other» interactions: socio-psychological analysis: abstract of the thesis of the doctor of the psychological sciences). Saratov, 2012. 49 p.
4. Stevens R. H., Ogunji E. Managing Diverse Organizational Environments for Strategic Advantage: Exploring the Value of Developing Business Diversity Curriculum in Higher Education. *Journal of Management Policy and Practice*, 2010, vol. 11 (4), pp. 72–85.
5. Love A. Diversity as a strategic advantage. *Business Week*. May 20, 2010. Available: <http://businessweek.com/print/managing/content /may2010> (accessed 17 October 2015).
6. Ashkanasy N. M., Härtel C., Daus C. S. Diversity and emotion: The new frontiers in organizational behavior research. *Journal of Management*, 2002, vol. 28 (3), pp. 307–338.
7. Cassell C., Biswas R. Managing diversity in the new millennium. *Personnel Review*, 2000, vol. 29 (3), pp. 268–273.
8. Dick P. Organizational efforts to manage diversity: Do they really work? *International handbook: Individual diversity and psychology in organizations*. Eds. M. J. Davidson, S. L. Fielden. Chichester, 2003, pp. 4–31.
9. Zanoni P., Janssens M. Deconstructing difference: The rhetoric of human resource managers' diversity discourses. *Organization Studies*, 2003, vol. 25 (1), pp. 55–74.
10. *Handbook of Diversity Management: Beyond Awareness to Competency Based Learning*. Ed. D. Plummer. Lanham, 2003, pp. 223–242.
11. Slobodchikov V. I. So-bytiynaya obrazovatel'naya obshchnost' – istochnik razvitiya i sub"ekt obrazovaniya (Co-existential educational community - the source and the subject of education). *Uchen. zap. Ped. in-ta Saratov gos. un-ta. Ser. Psikhologiya. Pedagogika* (Academic Articles of Pedagogical Institute of Saratov State University. Ser. Psychology. Pedagogy), 2010, no. 2, pp. 3–8.
12. Ryaguzova E. V. Model lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodeystviya «Ja – Drugoj» (Model of personal representations of «I – Other» interactions). *Akmeologiya* (Acmeology), 2011, no. 3, pp. 78–83.
13. Shipilov A. V. «Svoi», «chuzhoi» I drugie («Their», «alien» and other). Moscow, 2008. 257 p.
14. Zimbardo Ph. The Lucifer effect: understanding how good people turn evil. New York, 2007. 578 p. (Russ. ed.: Zimbardo F. Effect Lyutsifera. Pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev. Moscow, 2013. 740 p.).

**Socio-cultural Paradox (Antinomy)
Distinction between «I – Other»**

E. V. Ryaguzova

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Socio-cultural paradox of «I – Other» distinction formulated. It lies in the fact that, on the one hand, the polyphony of Others promotes harmonization and amplification of individual, group, organization development, but on the other hand, the variety of Others is able to activate the fear, uneasiness, hostility and aggression, to lead to mutual antagonism, confrontation, opposition and discrimination. Argues that indicated the paradox is associated with different ways of categorizing the figure of the Other and the construction representations of «I – Other» interaction at different levels: the personality – society – culture. The applied aspect of research consists that its results can be used when developing the training programs focused on cross-cultural communication, formation of ethno-cultural competence and tolerance.

Key words: interaction, representation of «I – Other», culture, society, the personality, distinction mechanisms, socio-cultural paradox.

References

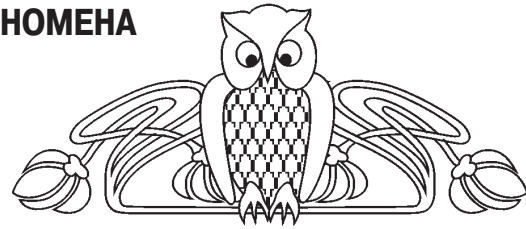
1. Beck U. *Risikogesellschaft: auf dem Weg zu einer anderen Moderne*. Frankfurt a/M, 1986. 289 S. (Russ.

УДК 159.9.072.422

СУБЪЕКТИВНАЯ НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ В СФЕРЕ ТРУДА, АФФЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: ВЛИЯНИЕ ФЕНОМЕНА НА РАБОТНИКА И ОРГАНИЗАЦИЮ

Смирнова Анна Юрьевна –
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей
и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Anna-smirnova-sgu@mail.ru

В статье анализируется влияние когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда на работника и организацию. Методики исследования: Утрехтская шкала увлеченности персоналом работой В. Шауфели и А. Беккера (Schaufeli & Bakker, 2003), методика диагностики когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда Х. Де Витта (Job Insecurity Scale, H. De Witte, 2000, 2012) в переводе и адаптации А. Смирновой. Для эмпирической проверки гипотез применялись: корреляционный анализ, подтверждающий факторный анализ, выполненные в программах SPSS и AMOS соответственно. Результаты эмпирического исследования раскрывают новые возможности для понимания взаимосвязи когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда и их влияния на увлеченность персонала работой, удовлетворенность карьерой, самооценку способности трудоустроиться и воспринимаемую организационную поддержку. Даются практические рекомендации по редукции деструктивных последствий субъективной незащищенности в сфере труда.

Ключевые слова: субъективная незащищенность в сфере труда, когнитивный и аффективный компоненты субъективной незащищенности в сфере труда, увлеченность персонала работой, удовлетворенность карьерой, самооценка способности трудоустроиться, воспринимаемая организационная поддержка.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-90-95

Проблема субъективной незащищенности в сфере труда (СН) в нашей стране еще недостаточно изучена, однако актуальность этой темы для нашей страны еще очевиднее в связи с глобальными изменениями в трудовом законодательстве и практике трудоустройства, которые влекут внедрение новых профессиональных стандартов, оценку профессиональной квалификации [1].

Несмотря на широкое внимание зарубежных исследователей к феномену, можно сделать одно существенное замечание почти ко всем выполненным работам – это невнимание к исследованию когнитивного и аффективного компонентов СН в отдельности, вместе с тем предпосылки такого ракурса исследования заложены еще Л. Гринхалф и З. Розенблатт [2]. Единый подход к определению, согласованный теоретико-методологического базис также отсутствуют [3], одной из немногочисленных

попыток такого согласования является исследование Х. Де Витта, Д. Пиенара, М. Сверке и Д. Хеллгрена [4], однако находится большое количество исследований, предоставляющих противоречивую информацию о детерминантах и последствиях СН [3, 5].

Целью нашей статьи является рассмотрение особенностей влияния когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности на эффективность рабочей деятельности посредством изменения установок к труду: увлеченности персонала работой, удовлетворенности карьерой и др.

Теоретико-методологический базис составили работы качественно-количественного (S. Ashford, L. Greenhalgh, J. Hellgren, C. Louis-Guerin, Z. Rosenblatt, E. Roskies, M. Sverke, C. Fournier), когнитивно-аффективного (S. Ashford, I. Borg, C.M. Brotheridge, H. De Witte, D. Elizur, J. Hellgren, G.-H. Huang, J. K. Ito, C. J. Kenig, C. Lee, X. Niu, J. Pienaar, T. Staufenbiel, M. Sverke), а также процессного (S. Ashford, G.-H. Huang, C. Lee, X. Niu) подходов к СН.

Анализировать воздействие субъективной незащищенности следует с учетом ее двойственного характера: с одной стороны, она стимулирует работников становиться более конкурентоспособными на рынке труда [5], с другой – подвергает большему стрессу на работе. Подобной стратегии в своих исследованиях также придерживаются S. J. Ashford, G.-H. Huang, C. J. Kenig, C. Lee, X. Niu, T. Staufenbiel.

В исследовании С. Ашфорд с коллегами эмпирически обосновано, что предоставление большей информации, привлечение персонала к принятию управленческих решений служат снижению когнитивной СН [6]. Как отмечают С. Ашфорд с коллегами, в соответствии с теорией Р. Лазаруса, или теорией психологического контракта влияние организационных изменений на когнитивный компонент субъективной незащищенности происходит непосредственно, а на аффективный компонент эти факторы влияют опосредованно (через когнитивный), таким образом,

восприятие негативных изменений в среде ведет к переживанию субъектом негативных эмоций и, как следствие, непродуктивному и нелояльному поведению работника в организации. Х. Де Витт, Д. Пиенар, М. Сверке и Д. Хеллгрен (J. Pienaar, H. De Witte, J. Hellgren & M. Sverke) также приводят доводы, что индивидуальный уровень (оценивание ситуации) каждым работником будет детерминировать аффективную СН [4]. Следуя Р. Лазарусу и С. Фолкману, авторы утверждают, что аффективный компонент СН может быть результатом повторного оценивания угроз, в котором субъект оценивает свои ресурсы, чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию. Когнитивный компонент субъективной незащищенности детерминирует ее аффективный компонент [4]. Мыслительные процессы оценивания рабочей ситуации подвержены влиянию среды и личностных особенностей воспринимающего субъекта. В то же время Х. Де Витт приводит аргументы, что восприятие СН – это результат «объективных» условий, в которых трудится работник: такие факторы макросреды, как уровень безработицы, происходящие в организации изменения могут выступать такими же или лучшими предикторами СН, чем индивидуальные особенности [3]. На основе описанного выше теоретического обоснования нами было предпринято эмпирическое исследование: математико-статистической проверке были подвергнуты две теоретических модели. Первая модель (рис. 1) допускала, что

действие средовых факторов на субъективную незащищенность является непрямым, организационная и внешне-организационная среда оказывают свое действие на когнитивный компонент СН, когнитивная оценка ситуации «запускает» эмоциональное отношение к ней (аффективный компонент), что, в свою очередь, ведет к негативным последствиям: снижению уровня увлеченности работой и удовлетворенности карьерой. Таким образом, аффективный компонент выступает медиатором воздействия когнитивного компонента СН на ее последствия для работника и организации. В качестве параметров внешней среды анализировались: воспринимаемый уровень организационной поддержки и оценка способности трудоустроиться вне организации. Высокий уровень выраженности обоих параметров, в соответствии с работами С. Ашфорд (организационная поддержка равна оптимально выстроенной в организации коммуникации) и Д. Ито [7] (способность трудоустроиться вне равна низкой зависимости от организации), могут редуцировать СН, низкий уровень – напротив, порождает СН. Вторая модель (рис. 2) предполагала, что когнитивное и аффективное измерения субъективной незащищенности в сфере труда являются взаимосвязанными, но самостоятельными, каждое из них оказывает характерное воздействие на субъекта труда. Средовые факторы, в свою очередь, выступают медиаторами этого воздействия.

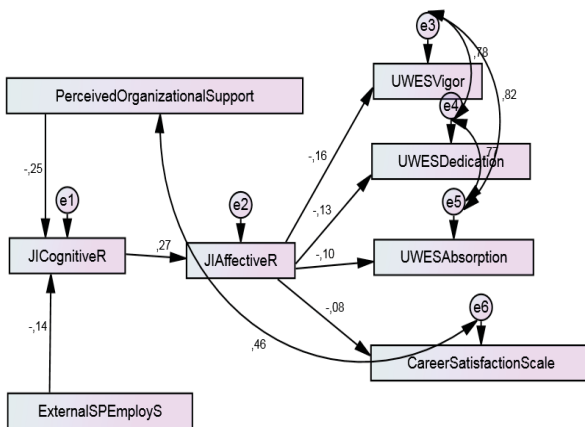

Рис. 1. Модель влияния когнитивного компонента СН на последствия с учетом внешнего контекста (воспринимаемой организационной поддержки и способности к трудоустройству) и действия медиатора (аффективного компонента СН) (первая модель)

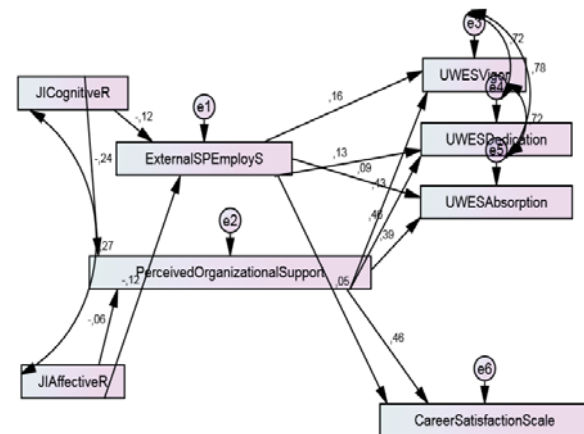

Рис. 2. Модель влияния когнитивного и аффективного компонентов СН на ее последствия, опосредованного действием модераторов: самооценкой способности к трудоустройству и уровнем организационной поддержки (вторая модель)

Методики исследования: методика диагностики СН Х. Де Витта (Job Insecurity Scale, De Witte, 2000 [4]) в адаптации А. Смирновой, Утрехтская шкала увлеченности работой А. Беккера и

Ф. Шауфели (A. Bakker, W. Schaufeli) [8]. Организационный контекст анализировался с помощью разработанной нами анкеты: выявлялись уровень удовлетворенности карьерой, воспринимаемой

организационной поддержки [9], оценка собственной конкурентоспособности на рынке труда. Эмпирическую выборку составили работники промышленности трудоспособного возраста, мужчины и женщины, $N = 1141$. Математико-статистический анализ (корреляционный анализ,

моделирование структурными уравнениями – конфирматорный факторный анализ) выполнялись в программах SPSS и SPSS AMOS 22, соответственно. Рассмотрим результаты корреляционного анализа (табл. 1), основные критерии согласия описанных моделей – в табл. 2.

Таблица 1

Корреляционный анализ взаимосвязей параметров

Наименования и условные сокращения анализируемых параметров	Аффективная СН	Когнитивная СН	Общий уровень СН
Когнитивный компонент СН (JI Cognitive R)	0,271**	1	
Общий уровень СН (JI General R)	0,813**	0,781**	1
Поглощенность работой, методика UWES (UWES Absorption)	-0,103**	-0,229**	-0,206**
Энтузиазм, методика UWES (UWES Dedication)	-0,129**	-0,270**	-0,247**
Энергичность, методика UWES (UWES Vigor)	-0,157**	-0,248**	-0,252**
Общий уровень увлечённости персонала работой, методика UWES (UWES General)	-0,139**	-0,267**	-0,251**
Уровень воспринимаемой организационной поддержки (Perceived Organizational Support)	-0,121**	-0,256**	-0,233**
Оценка собственной конкурентоспособности на рынке труда (External SP Employ S)	-0,154**	-0,154**	-0,193**
Общий уровень удовлетворенности карьерой (Career Satisfaction Scale)	-0,141**	-0,238**	-0,236**

Примечание. ** – двусторонняя корреляция значима на уровне 0,01.

В целом когнитивная субъективная незащищенность является более динамичным конструктом, о чем свидетельствуют ее более тесные взаимосвязи как с детерминантами, так и с последствиями, аффективная СН характеризуется большей стабильностью. При этом когнитивная СН демонстрирует наибольшие отрицательные взаимосвязи с параметрами: энтузиазм, общий уровень увлеченности работой, уровень воспринимаемой организационной поддержки, энергичность, общий уровень удовлетворенности карьерой, поглощенность

работой и, что явилось неожиданным для нас результатом, в последнюю очередь с оценкой собственной конкурентоспособности на рынке труда. Аффективная субъективная незащищенность демонстрирует наиболее сильную отрицательную взаимосвязь с энергичностью, оценкой собственной конкурентоспособности на рынке труда, общим уровнем удовлетворенности карьерой и увлеченности работой, энтузиазмом, уровнем воспринимаемой организационной поддержки, в последнюю очередь – поглощенностью работой (табл. 2).

Таблица 2

Основные критерии согласия анализируемых апостериорных моделей влияния СН на последствия

Наименование критерия конфирматорного факторного анализа	1	2	3
$\chi^2 = \dots$ (....df)	468,977 (17df)	138,656 (12 df)	189,371 (3df)
$\chi^2/df = \dots$	27,587	11,555	63,124
CFI	0,869	0,963	0,937
GFI (ACFI)	0,917 (0,825)	0,969 (0,908)	0,951 (0,660)
RMSEA (HI 90)	0,153 (0,165)	0,096 (0,111)	0,233 (0,262)
NFI	0,865	0,960	0,936
RFI	0,778	0,907	0,680
TLI	0,784	0,914	0,684
PNFI	0,525	0,412	0,187
PCFI	0,528	0,413	0,187

Примечание. 1 – модель влияния когнитивного компонента СН на последствия (в том числе, увлеченность работой, удовлетворенность карьерой) с учетом внешнего контекста (воспринимаемой организационной поддержки и способности к трудоустройству) и действия медиатора (аффективного компонента СН); 2 – модель влияния когнитивного и аффективного компонентов СН на ее последствия, опосредованного действием модераторов: самооценки способности к трудоустройству и уровня организационной поддержки; 3 – модель влияния когнитивного и аффективного компонентов СН на ее последствия, без медиаторов.

О хорошем согласии моделей свидетельствуют CFI, GFI, AGFI, RMSEA, NFI. Лучшими численными показателями и большей объяснительной ценностью характеризуется вторая модель (рис. 2). При этом, согласно А. Наследову, для больших выборок для принятия решения о согласии модели с данными могут применяться менее строгие пределы их значений [10, с. 352], в нашем случае $N = 1141$, количество явных переменных модели (P) – 8, DF – 15, число оцениваемых параметров (T) – 21. Соотношение численности анализируемой нами выборки ($N=1141$) к числу оцениваемых параметров равно 54,3, более 10. В совокупности с выполненным корреляционным анализом, свидетельствующим, что субъективная незащищенность взаимосвязана с такими параметрами, как увлеченность персонала работой, удовлетворенность карьерой, самооценка способности трудоустроиться вне организации и организационная поддержка, анализируемые модели свидетельствуют о том, что переживание СН (ее аффективный компонент) негативно влияет на оценку собственной конкурентоспособности на рынке труда: стандартизованный коэффициент регрессии переменных (Standardized Regression Weights, SRW) = $-0,121$, $P = 0,001$.

Организационная поддержка (SRW = $-0,252$, $P = 0,001$), а также оценка вероятности трудоустроиться вне организации как высокой (SRW = $-0,143$, $P = 0,001$) снижает когнитивный, но не аффективный компонент субъективной незащищенности в сфере труда. Сотрудники, высоко оценивающие свою способность трудоустроиться вне организации, также демонстрируют более высокий уровень энергичности (SRW = $0,158$) и энтузиазма (SRW = $0,134$), но не поглощенности работой (SRW = $0,085$, $P = 0,002$). Можно предположить, что шкалы «энергичность» и «энтузиазм» в методике UWES диагностируют не только специфические установки к труду, но и частично свойственные личности в целом уровни энтузиазма и энергичности, и эти особенности личности способствуют более положительной оценке ситуации на рынке труда субъектом и приложению больших усилий к поиску работы; таким образом, эти особенности, в числе прочих, можно считать ресурсами преодоления СН.

Переживание СН (аффективный компонент) оказывает отрицательное воздействие на такие параметры увлеченности работой, как: уровни энергичности (SRW = $-0,095$, $P = 0,001$) и энтузиазма (SRW = $-0,057$, $P = 0,055$), но не поглощенности работой (SRW = $-0,042$, $P = 0,164$), при этом более низкая оценка собственной конкурентоспособности на рынке труда будет усиливать

выявленные отрицательные эффекты. Возможно, это объясняется тем, что поглощенность работой характеризует интерес к содержанию труда и изменение интереса к содержанию труда, таким образом, не зависит от переживания субъективной незащищенности.

Высокий уровень воспринимаемой организационной поддержки выступает важным фактором, формирующим удовлетворенность карьерой (SRW = $0,463$, $p = 0,001$) и увлеченность персонала работой (SRW = $0,429$, $0,463$, $0,394$, $p = 0,001$ для шкал «энергичность», «энтузиазм» и «поглощенность» соответственно), а также выступает частично медиатором в редукации негативного действия когнитивного (далее СЛ), в меньшей степени – аффективного (далее АЛ) компонентов СН. Для шкалы «энергичность»: прямой эффект без медиации $0,429$ ($0,001$, прямой эффект с медиацией СЛ $-0,249$, $p = 0,001$), прямой эффект с медиацией СЛ – АЛ $-0,155$ ($p = 0,001$), стандартизованный косвенный эффект $0,011$. Для шкалы «энтузиазм»: прямой эффект без медиации $0,463$ ($p = 0,001$), прямой эффект с медиацией СЛ $-0,272$ ($p = 0,001$), прямой эффект с медиацией СЛ – АЛ $-0,126$ ($p = 0,001$), стандартизованный косвенный эффект $0,009$. Для шкалы «поглощенность»: прямой эффект без медиации $0,394$ ($p = 0,001$), прямой эффект с медиацией СЛ $-0,231$ ($p = 0,001$), прямой эффект с медиацией СЛ – АЛ $-0,101$ ($p = 0,001$), стандартизованный косвенный эффект $0,007$.

Уровень воспринимаемой организационной поддержки, несмотря на то, что является важной детерминантой формирования увлеченности персонала работой и удовлетворенности карьерой, тем не менее не может редуцировать негативное действие аффективного компонента СН на последствия. Это частично соотносится с данными, полученными С. Ашфорд [6]. Нашло подтверждение предположение, что когнитивный компонент субъективной незащищенности может быть редуцирован за счет большего уровня организационной поддержки (SRW = $-0,252$, $p = 0,001$), а также СН больше подвержены сотрудники, которые оценивают свои шансы найти новую работу как невысокие (SRW = $-0,143$, $p = 0,001$).

Вместе с тем лучшие показатели критериев согласия второй модели свидетельствуют о неоднозначности взаимовлияний анализируемых феноменов. Так, действие когнитивного компонента субъективной незащищенности на его последствия опосредуются как аффективным компонентом, так и организационной поддержкой, в то же время действие аффективного компонента СН на последствия не подвержены влиянию данного медиатора.

Выявленные в ходе корреляционного анализа связи аффективного компонента СН с ее последствиями и детерминантами слабее, чем когнитивного компонента, таким образом, когнитивный компонент СН характеризуется большей подвижностью, аффективный – стабильностью. С. Ашфорд в выполненном ею с коллегами лонгитюдном исследовании также обнаружили, что работники, имеющие более высокий уровень эмоциональных переживаний, связанных с возможной потерей работы (аффективного компонента СН) в прошлом, демонстрируют более высокий уровень этих переживаний в последующих рабочих ситуациях [6]. Возможно, выявленная закономерность может быть объяснена тем, что возникающие угрозы в рабочей ситуации изначально воздействуют на когнитивный компонент, когнитивное оценивание ситуации как угрожающей, в свою очередь, детерминирует аффективные переживания, связанные с угрозой потери работы (аффективный компонент СН), который, в свою очередь, порождает процессы повторного оценивания ситуации и уже сам выполняет регулятивную функцию в этих процессах, при этом сохраняя стабильность, что ведет к последующей интерпретации рабочих ситуаций как потенциально обладающих большей угрозой потери работы или важных ее аспектов.

Таким образом, положения процессного подхода С. Ашфорд о временной организации СН как процесса, предполагающего первичность когнитивного компонента, на наш взгляд, справедливы лишь для начальной стадии субъективной незащищенности: на более поздних следует рассматривать когнитивный и аффективный компоненты СН как параллельные конструкции, при этом когнитивный (оценивание и категоризацию ситуации), скорее, как условие, детерминанту аффективного компонента, составляющего само психологическое содержание СН. Однако выдвинутые нами предположения требуют еще более детальной проверки в лонгитюдных исследованиях. Кроме того, стабильность аффективного компонента СН не вполне соотносится с положениями теорий Х. Вейса и Р. Кропанзано (Н. Weiss & R. Cropanzano, affective events theory, 1996) [11], Р. Лазаруса и С. Фолкмана, которые многие авторы рассматривают в качестве базовых теоретических оснований двухкомпонентного подхода к субъективной незащищенности в сфере труда, так как эти теории предполагают изменение аффективного компонента вслед за когнитивным [4, 6].

Список литературы

1. О национальном совете при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям. Указ Президента Российской Федерации № 249 от 16 апреля 2014 года. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=161826> (дата обращения: 3.07.2015).
2. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job insecurity : Toward conceptual clarity // *Academy of Management Review*. 1984. Vol. 3. P. 438–448.
3. De Witte H. Job insecurity : Review of the international literature on definitions, prevalence, antecedents and consequences // *Journal of Industrial Psychology*. 2005. Vol. 31 (4). P. 1–6.
4. Pienaar J., De Witte H., Hellgren J., Sverke M.. The cognitive/affective distinction of job insecurity : Validation and differential relations // *Southern African Business Review*. 2013. Vol. 17. № 2. P. 1–22.
5. Staufenbiel T., Kenig C. J. A model for the effects of job insecurity on performance, turnover intention, and absenteeism // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2010. Vol. 83. P. 101–117.
6. Huang G.-H., Niu X., Lee C., Ashford S. J. Differentiating cognitive and affective job insecurity : Antecedents and outcomes // *Journal of Organizational Behavior*. 2012. Vol. 33. P. 752–769.
7. Ito J. K., Brotheridge C. M. Exploring the predictors and consequences of job insecurity's components // *Journal of Managerial Psychology*. 2007. Vol. 22 (1). P. 40–64.
8. Schaufeli W., Bakker A. The Utrecht work engagement scale preliminary manual (Version 1, November 2003). Utrecht, 2003. 58 с.
9. Rhoades L., Eisenberger R. Perceived organizational support: a review of the literature // *Journal of Applied Psychology*. 2002. Vol. 87, № 4. P. 698–714.
10. Наследов А. Н. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS : профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2013. 416 с.
11. Weiss H. M., Cropanzano R. Affective events theory : A theoretical discussion of the structure, causes and consequences of affective experiences at work // *Research in Organizational Behavior*. 1996. Vol. 18. P. 1–74.

Job Insecurity, Affective Issue: the Influence of the Phenomena on Employ and Employer

A. Yu. Smirnova

Saratov State University

83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: Anna-smirnova-sgu@mail.ru

In article the influence of job insecurity on employee and employer are analyzed. Measuring instruments: the Utrecht Work Engagement Scale, W. Schaufeli, A. Bakker, 2003; the Job Insecurity Scale, De Witte, 2000, 2012 (version in Russian language A. Smirnova, 2015). Correlation analyses and confirmatory factor analyses (using SPSS and AMOS respectively) were employed to establish the hypothesis. The study of job insecurity presented in this article provided a fortuitous

opportunity to understand the interdependence of cognitive job insecurity and affective job insecurity and its influence on work engagement, career satisfaction, self-perceived employability, perceived organizational support. Practical recommendations for the reduction of negative consequences of job insecurity are made.

Key words: job insecurity, cognitive and affective JI, work engagement, career satisfaction, self-perceived employability, perceived organizational support.

References

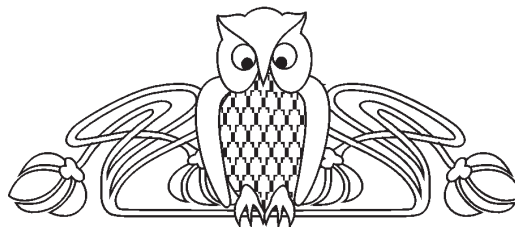
1. *O natsionalnom sovete pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po professoinalnym kvalifikatsiyam. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* (About the national professional qualifications council under the President of the Russian Federation. Presidential Decree), no. 249, 16 April 2014. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=161826> (accessed 3 July 2015).
2. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job insecurity: Toward conceptual clarity. *Academy of Management Review*, 1984, vol. 3, pp. 438–448.
3. De Witte H. Job insecurity: Review of the international literature on definitions, prevalence, antecedents and consequences. *Journal of Industrial Psychology*, 2005, vol. 31 (4), pp. 1–6.
4. Pienaar J., De Witte H., Hellgren J., Sverke M. The cognitive/affective distinction of job insecurity: Validation and differential relations. *Southern African Business Review*, 2013, vol. 17, no. 2, pp. 1–22.
5. Staufenbiel T., Kenig C. J. A model for the effects of job insecurity on performance, turnover intention, and absenteeism. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 2010, vol. 83, pp. 101–117.
6. Huang G.-H., Niu X., Lee C., Ashford S. J. Differentiating cognitive and affective job insecurity: Antecedents and outcomes. *Journal of Organizational Behavior*, 2012, vol. 33, pp. 752–769.
7. Ito J. K., Brotheridge C. M. Exploring the predictors and consequences of job insecurity's components. *Journal of Managerial Psychology*, 2007, vol. 22 (1), pp. 40–64.
8. Schaufeli W., Bakker A. The Utrecht work engagement scale preliminary manual (*Version 1, November 2003*). Utrecht, 2003. 58 p.
9. Rhoades L., Eisenberger R. Perceived organizational support: A Review of the Literature. *Journal of Applied Psychology*, 2002, vol. 87, no. 4, pp. 698–714.
10. Nasledov A. N. *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professionalnyy statisticheskiy analiz dannykh* (IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: Professional statistic analysis of data). St.-Petersburg, 2013. 416 p.
11. Weiss H. M., Cropanzano R. Affective Events Theory: A theoretical discussion of the structure, causes and consequences of affective experiences at work. *Research in Organizational Behavior*, 1996, vol. 18, pp. 1–74.

УДК 316.6+159.923

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ ДОБРОВОЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Усова Наталья Владимировна –

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и ювенального права, Институт социального образования (филиал), Российский государственный социальный университет (г. Саратов)
E-mail: usova_natalia@mail.ru

В статье рассматривается процесс адаптации иностранных студентов, проживающих на территории Российской Федерации. Определяются уровень и доминирующий тип социокультурной адаптации, выявляется степень социальной фрустрированности и копинг-стратегии иностранных граждан, проживающих в России. Особое внимание уделено изучению копинг-стратегий иностранных студентов, проживающих в условиях добровольной миграции, выявляются адаптационный потенциал личности и наиболее эффективные и неэффективные способы совладания в ситуации повышенной эмоциональной напряженности. Выявлено, что мигрантам свойственно формировать свое поведение под воздействием ожиданий группы в зависимости от степени их заинтересованности в достижении своих целей и предполагаемого вознаграждения, результаты исследования позволили констатировать у мигрантов высокий уровень адаптационного потенциала. Сделан вывод о том, что при социально-психологической работе с ми-

грантами необходимо не столько создание условий комфортного проживания, сколько развитие их самостоятельности и максимальное использование имеющихся у них личностных ресурсов. Рекомендуется при разработке эффективной программы психосоциальной поддержки мигрантов учитывать особенности их копинг-стратегий.

Ключевые слова: миграция, адаптационный потенциал, социокультурная адаптация, копинг-стратегии, стресс.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-95-99

Современный этап развития общества характеризуется быстрыми изменениями в политическом, экономическом и социальном аспектах жизнедеятельности. Быстрый темп жизни и большая конкуренция требуют от личности повышенной мобильности и адаптационного потенциала.

Такой подход к исследованию взаимодействия личности и среды диктует необходимость рассмотрения вопроса о поведении индивида в трудных жизненных ситуациях.

Стратегия совладания личности со стрессовой ситуацией описана Р. Лазарусом [1], она подразумевает динамические изменения как когнитивных, так и поведенческих усилий с целью адаптации к внешним и внутренним требованиям, превышающим личностные ресурсы. Не вдаваясь в описание понятия и механизмов копинг-стратегий, отметим, что одной из стрессогенных ситуаций является ситуация как преднамеренной, так и вынужденной миграции [2]. Ситуация миграции является экстремальной для человека, так как она требует психологической готовности к жизни в совершенно новых условиях. При этом, учитывая индивидуальную специфику каждого мигранта, можно выделить некоторые общие особенности ситуации миграции, с которыми сталкивается человек при изменении места жительства: 1) меняется или просто исчезает прежняя ситуация жизни, в которую он психологически «врос»; 2) развивается совершенно новая, неизвестная человеку социальная ситуация, насыщенная множеством проблем, требующая выхода в чужой, сложный макромир; 3) изменяется образ мира человека, влекущий за собой необходимость изменения образа жизни, либо изменение образа жизни диктует необходимость изменения образа мира [3].

С позиции понимания проблем мигрантов и их адаптации в новой среде интересны исследования Н. В. Лебедевой, в которых показывается, что внешние факторы, преломляясь в сознании человека, рождают у него собственное отношение к реальности, которое и определяет поведение личности мигранта в миграционном процессе, формирует у него определенные установки на этапе адаптации [4].

Очевидно, что миграцию можно рассматривать как реализацию свободы: свободного передвижения, свободы выбора места проживания, свободы самореализации, в том числе реализации своего потенциала. В случае, когда миграция не выполняет функции наиболее успешного способа преодоления психологического кризиса, она может провоцировать неблагоприятные последствия, которые будут затруднять формирование успешной адаптации в новых социальных условиях жизнедеятельности как для самих мигрантов, так и для взаимодействующих с ними групп населения принимающей территории. В данной ситуации можно уже говорить о переживании субъективного неблагополучия.

Необходимость исследования личности в условиях миграции связана с возможностью оптимизации социально-психологической и социокультурной адаптации мигрантов в новых жизненных условиях. Мы считаем, что исследования копинг-стратегий личности в ситуации миграции позволят внести вклад в разработку социально-психологических программ, нацеленных на развитие копинг-стратегий и улучшение социально-психологической адаптации личности. Представленные в адаптированном виде результаты могут быть полезны в практике оказания психологической помощи мигрантам.

В исследовании приняли участие студенты и аспиранты, приехавшие на время обучения из других стран. Методы исследования: «Копинг-тест» Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой [5], «Экспресс-диагностика социальной фрустрированности» И. Вассермана [6], тест Л. В. Янковского «Адаптация личности к новой социокультурной среде» [7].

Рассмотрим результаты социокультурной адаптации. Преобладающими типами адаптации иностранных студентов являются адаптивный (9,5 баллов) и интерактивный (9,2 балла). Данный результат свидетельствует о том, что студенты из других государств, проживающие и получающие образование на территории Российской Федерации, стремятся к активному вхождению в социум, они настроены на расширение социальных связей, критически относятся к своему поведению, стараются соответствовать культурным, социальным нормам, установкам и особенностям, характерным для российского общества. Для них свойственно стремиться реализовать себя путем достижения материальной независимости, они часто направлены на определенную цель и готовы к самопреобразованию. Несмотря на то, что интерактивный тип адаптации является одним из доминирующих, нами обнаружен весьма невысокий показатель по данному типу адаптации, свидетельствующий о некоторых проблемах, с которыми сталкиваются мигранты в процессе вхождения в новую социокультурную среду, характерную для российского общества, а также о необходимости социально-психологической помощи со стороны психологических служб, направленной на поддержку и сопровождение граждан, прибывающих в Россию из других стран. Невысокие показатели по адаптивному и конформному (7,8 балла) типу адаптации мигрантов свидетельствуют о том, что они не испытывают в достаточной мере чувств социальной и физической защищенности, не считают себя сопричастными и принадлежащими

к российскому обществу, тем не менее для них характерны стремление к самореализации, высокий уровень активности, планирование своего будущего на основе собственных возможностей и прошлого опыта. Данный результат согласуется с результатами исследования В. В. Гриценко [8] и позволяет нам констатировать наличие отчужденности инокультурных граждан, проживающих в России, которая сопровождается «стрессом аккультурации».

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о некотором стремлении мигрантов формировать свое поведение под воздействием ожиданий группы в зависимости от степени их заинтересованности в достижении своих целей и предполагаемого вознаграждения. Иными словами, они испытывают потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми и поэтому стремятся поддерживать отношения с другими при любых условиях.

Низкие баллы, полученные по шкале депрессивности (4,8 балла), ностальгии (4,9 балла) и

отчужденности (4,5 балла), указывают на благоприятный процесс адаптации по данным типам, свидетельствующий о том, что эти мигранты стремятся позитивно воспринимать события, происходящие в их судьбе, их жизнь не лишена смысла и ценностей. Они считают возможным реализовать свой уровень ожиданий, связанный с социальной и профессиональной позицией. Мигранты в России не считают себя беспомощными перед жизненными трудностями. Исследуемые граждане не потеряли связь с родной культурой, точнее, они не испытывают внутреннего расстройства и смятения из-за пребывания в иной социокультурной среде. Иностранцы довольно легко принимают нормы и ценности российской культуры, не озабочены своим статусом и идентичностью, так как смогли их сохранить.

Рассмотрим результаты, полученные по методике определения копинг-механизмов Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой (таблица).

Показатели копинг-стратегий преодоления стресса

Шкалы копинг-стратегии преодоления стресса	Показатели	
	Среднее значение	Дисперсия
Конфронтационный копинг	8,86	6,48
Дистанцирование	8,6	10,44
Самоконтроль	10,92	12,79
Поиск социальной поддержки	9,66	10,98
Принятие ответственности	5,9	6,57
Бегство-избегание	11,94	13,78
Планирование решения проблемы	9,88	8,94
Положительная переоценка	11,04	13,20

Все исследуемые копинг-стратегии не превышают пограничного состояния и попадают в зону низкой или средней напряженности (см. таблицу). Данный результат позволяет нам говорить о достаточно высоком адаптационном потенциале иностранных студентов. Наиболее часто используемыми способами совладания у них являются «бегство-избегание», «положительная переоценка» и «самоконтроль».

Совладающее поведение по типу «бегства-избегания» подразумевает тенденцию уклонения от негативных переживаний. Следовательно, для личности свойственны отрицание, отвлечение от стрессовой ситуации или фантазирование. Необходимо помнить, что предпочтение данной стратегии может детерминировать неконструктивные формы поведения иностранных студентов. Эту стратегию ученые склонны относить к

неадаптивным формам поведения и рекомендуют использовать её лишь в краткосрочных острых стрессогенных ситуациях.

Следующая по частоте использования стратегия – «положительная переоценка». Она характеризует адаптивные формы поведения. Можно предположить, что в стрессовой ситуации студенты будут прикладывать много усилий для того, чтобы пересмотреть негативные переживания и использовать их и полученный опыт для личностного развития.

Третья доминирующая стратегия с повышенным уровнем напряжения – «самоконтроль». Совладание по данному типу приводит к сдерживанию и подавлению всех негативных эмоций, иными словами, иностранные студенты пытаются скрыть от социального окружения свои переживания, проблемы и чувства. Подобное

совладание имеет очевидное достоинство, так как помогает личности избежать эмоциогенных, импульсивных поступков, но в то же время данная стратегия приводит к боязни самораскрытия и повышенным требованиям к себе.

Подводя итог, процесс адаптации иностранных студентов можно представить следующим образом: отрицание значимости проблемы; переосмысление проблемы, приводящее к личностному росту; регулирование своих эмоций и действий.

Стоит еще раз подчеркнуть, что нами не обнаружено напряженных форм совладающего поведения, что позволяет констатировать довольно высокую адаптативность студентов, обучающихся в условиях добровольной миграции и весьма эффективный способ совладания с экстремальной стрессовой ситуацией. Скорее всего, такой результат связан именно с добровольным и, возможно, временным характером миграции, когда у личности было достаточно времени для того, чтобы тщательно обдумать, хорошо подготовиться и реализовать свое миграционное намерение.

Далее нам хотелось бы определить наиболее неэффективные способы совладания со стрессовой ситуацией в условиях миграции. Для этого мы провели корреляционный анализ между рассматриваемыми копинг-стратегиями и уровнем социальной фрустрированности (СФ). В ходе анализа были обнаружены три высокие корреляционные взаимосвязи с уровнем значимости $p > 0,05$: первая – между СФ и конфронтационным копингом ($r = 0,39$), вторая – между СФ и дистанцированием ($r = 0,44$) и третья – между СФ и принятием ответственности ($r = 0,37$).

Обнаруженные взаимосвязи позволяют нам говорить о неэффективности данных копинг-стратегий. Иными словами, попытки использовать данные способы совладания не приводят к снятию стрессового воздействия ситуации миграции на личность, а, напротив, усиливают ее негативные последствия, реализуя ощущение социальной фрустрированности.

К неэффективным поведенческим реакциям в ситуации миграции относятся:

стремление разрешить проблему за счет нецеленаправленной поведенческой активности; реализация конкретных действий, направленных либо на изменение ситуации, либо на отреагирование негативных эмоций в связи с возникшими трудностями;

излишняя импульсивность в поведении (агрессия, враждебность, конфликтность);

отсутствие планирования и прогнозирования деятельности;

попытки субъективного снижения степени значимости проблемы, ее обесценивания;

попытки не рационального решения проблемы, а переключения внимания на другие аспекты жизни;

излишнее акцентирование личной роли в возникновении трудностей;

излишняя самокритика и чрезмерная ответственность.

Таким образом, результаты проведенного нами эмпирического исследования позволяют говорить о том, что при оказании психологической помощи людям, попавшим в ситуацию как добровольной, так и вынужденной миграции, необходимо учитывать, что направлениями успешной психологической адаптации является не только создание условий для комфортного проживания, сколько поощрение их стремления к самостоятельности и максимальному использованию имеющихся личностных ресурсов. Исходя из вышесказанного, при разработке эффективной программы психосоциальной поддержки мигрантов необходим учет особенностей их копинг-стратегий.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Адаптационная готовность личности в современных условиях развития общества» (№ 15-06-10624а).

Список литературы

1. Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping // Stress and coping: An anthology / ed. by A. Monat, R. S. Lazarus. N.Y., 1991. P. 189–206.
2. Усова Н. В. Структура и социально-психологические факторы субъективного благополучия личности в условиях миграции : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2012. 24 с.
3. Смирнов А. С. Изучение жизненных планов потенциальных эмигрантов // Человек в психологии : ориентиры исследований в новом столетии : материалы конф. (20 апреля 2001 г., Караганда). Караганда, 2001. С. 179–184.
4. Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. 195 с.
5. Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3 С. 93–112.
6. Козлов В. В., Фетискин Н. П., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учеб. пособие. М., 2002. 490 с.
7. Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского) // Сонин В. А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб., 2004. С. 206–211.
8. Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002. 252 с.

Coping Behavior in a Situation of Voluntary Migration

N. V. Usova

Institute of Social Education (branch) Russian State Social University
4, Fabrichnaya str., Saratov, 410015, Russia
E-mail: usova_natalia@mail.ru

The study examines the adaptation process of foreign students residing in the territory of the Russian Federation. Determine the level and the dominating type of socio-cultural adaptation, reveals the degree of social frustration and coping strategies of foreign citizens living in Russia. Special attention is devoted to the study of coping strategies of foreign students living in voluntary migration, revealed the adaptation potential of the personality, as well as the most effective and ineffective ways of coping in situations of high emotional tension. It is revealed that migrants are more likely to shape their behavior under the influence of the expectations of the group depending on the degree of their interest in achieving its goals and expected remuneration, the research results allowed to state migrants with a high level of adaptive capacity. It is concluded that the social-psychological work with migrants is necessary in order to create comfortable living conditions, but the development of their independence and maximize their available personal resources. It is recommended that when developing an effective programme of psychosocial support for migrants to take into account the peculiarities of their coping strategies.

Key words: migration, adaptive capacity, socio-cultural adaptation, coping strategies, stress.

References

1. Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping. *Stress and coping: An anthology*. Ed. by A. Monat, R. S. Lazarus. New York, 1991, pp. 189–206.
2. Usova N. V. *Struktura i sotsialno-psikhologicheskie faktory subektivnogo blagopoluchiya lichnosti v usloviyakh migratsii*: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk (Structure and socio-psychological factors of subjective well-being of the individual in terms of migration: thesis ... Ph/D in psychology). Saratov, 2012. 24 p.
3. Smirnov A. S. *Izuchenie zhiznennykh planov potentsialnykh emigrantov (A study of the life plans of potential emigrants)*. *Chelovek v psikhologii: orientiry issledovaniya v novom stoletii: materialy konf. (20 aprelya 2001 g., Karaganda) (Person in psychology: goals of research in the new century: Proceedings of the conference {20 April 2001, Karaganda})*. Karaganda, 2001, pp. 179–184.
4. Lebedeva N. M. *Sotsialnaya psikhologiya etnicheskikh migratsiy (Social psychology of ethnic migrations)*. Moscow, 1993. 195 p.
5. Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptatsiya metodiki WCQ) (Questionnaire ways of coping {adaptation test WCQ}). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of the practical psychologist)*, 2007, no. 3, pp. 93–112.
6. Kozlov V. V., Fetiskin N. P., Manuylov G. M., *Sotsialno-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp: ucheb. posobie (Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups)*. Moscow, 2002. 490 p.
7. *Adaptatsiya lichnosti k novoy sotsiokulturnoy srede (test L. V. Yankovskogo) (The adaptation to a new sociocultural environment {test L. V. Yankovsky})*. St.-Petersburg, 2004, pp. 206–211.
8. Gritchenko V. V. *Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya pereselentsev v Rossii (Socio-psychological adaptation of migrants in Russia)*. Moscow, 2002. 252 p.

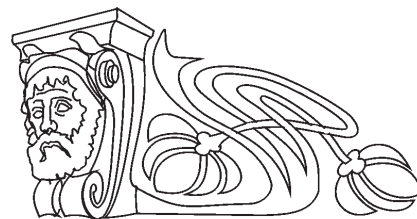
УДК 159.9.019.44

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПОИСКУ РЕФЛЕКТОРНЫХ ОСНОВ РЕФЛЕКСИИ: Л. С. ВЫГОТСКИЙ

Шатова Наталья Дмитриевна –

кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник отдела организации и планирования научно-исследовательских работ, Омский государственный педагогический университет
E-mail: Shatova.nat@yandex.ru

Попытки внедрения рефлексивного подхода в отечественное образование чаще всего оказывались безуспешными, что, по мнению автора, обусловлено невниманием к материалистической позиции психологов, согласно которой эффективно формировать рефлексивные способности обучающихся возможно, опираясь на хорошо изученные законы управления формированием условных рефлексов человека. В этой связи автор ищет связь между рефлексией и рефлексом для того, чтобы в последующем использовать её в качестве фундаментальной основы концепции рефлексивного обучения. Связь между рефлексией и рефлексом устанавливается опосредованно – через «мысле-

ние» – и в поиске аргументов в пользу рефлeкторной природы мышления мы обращаемся к работам Л. С. Выготского.

Ключевые слова: Л. С. Выготский, мышление, рефлекс, рефлексия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-99-103

Современная система отечественного образования нуждается в решении проблем, порождённых её «обновлением», – разрушена «традиционная школа» и на смену ей импор-

тируются различные нововведения. Часто внедрение новшеств осуществляется не только на неподготовленную почву, но и необоснованно. В результате испробованные за последние годы различные подходы к методам, технологиям и содержанию образования, периодически сменяя друг друга, в конце концов потеряли свои чёткие очертания и показали свою неэффективность. Особую надежду в последнее время возлагают на «самоорганизацию» образовательного процесса. Однако и «самоорганизация» не решает всех проблем [1].

Но, несмотря на сложившуюся в педагогической науке и образовательном пространстве ситуацию, характеризующуюся плюрализмом мнений, ретроспективный взгляд помогает выделить две фундаментальные линии, ведущие к философским истокам, в которых отражена мировоззренческая проблема активности и реактивности человека. С нашей точки зрения, оппозиция между этими философско-мировоззренческими установками нашла компромиссное решение в отечественной психологии – материалистическом учении о рефлексивности и теории деятельности. Именно теория деятельности объединяет в себе рефлексивную активность мысли и рефлекс как её фундаментальную физиологическую основу. Но ещё до работ А. Н. Леонтьева в отечественной психологической науке были заложены материалистические основы понимания рефлексии. Традиционно исследование проблемы рефлексии занимались и занимаются учёные различных научных областей, в частности, философии, психологии, кибернетики, педагогики, что свидетельствует о междисциплинарном её характере. В зависимости от научной области исследования выявляется определённая грань рефлексии и акцент делается на том или ином её аспекте. Чаще всего к изучению рефлексии подходят в русле идеалистической традиции (без привязки к «носителю» механизма рефлексии), при этом материалистическая традиция в изучении рефлексии представлена не столь широко, хотя, с нашей точки зрения, для целей образования именно этот подход является наиболее продуктивным. Будучи сторонниками материалистической онтологии и гносеологии, мы полагаем, что эффективное рефлексивное обучение возможно лишь при установлении взаимосвязи рефлексии и высших рефлексов головного мозга. В этой связи целью нашего исследования является поиск и раскрытие материалистических основ рефлексии, что в дальнейшем может быть использовано в качестве фундаментального ядра концепции рефлексивного обучения.

Изучение работ отечественных психологов и физиологов позволяет очертить круг, в котором возможен поиск материалистических основ рефлексии. Это те учёные, которые связывали психику с физиологией высшей нервной деятельности: И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, К. К. Платонов, К. В. Судаков, П. В. Симонов, Н. П. Бехтерева и др.

Ранее в рамках исследования генезиса понятия «рефлекс» [2–4] мы изучили результаты исследований психической деятельности, полученные классиками рефлексорной теории – И. М. Сеченовым и И. П. Павловым, на которые мы и далее будем опираться, выделив в качестве исходного тезиса, что психическая деятельность есть условно-рефлексорная деятельность.

В отечественной психологии традиция, идущая от И. М. Сеченова и И. П. Павлова, была продолжена в работах вышеназванных учёных, среди которых первостепенное значение имеют труды Л. С. Выготского. С его точки зрения, психическая деятельность как условно-рефлексорная «представляет собой, в сущности, те же наследственные реакции, но в расчленённом, комбинированном виде, и возникают они в совершенно новых связях с элементами среды» [5, с. 73].

В работах отечественных физиологов и психологов довольно распространённым является положение о связи психической деятельности с физиологическими процессами. При этом, однако, мы не находим в них прямого ответа на вопрос, как физиологически возможна рефлексия, которая тоже является психическим процессом. В этой связи и складывается впечатление, что рефлексия дана человеку над- и внефизиологично. Этот вопрос ставится не впервые.

Одним из первых мысль о рефлексорной (и, соответственно, физиологической) основе рефлексии высказал Л. С. Выготский: рефлексия есть «всякое перенесение переживания с внешнего мира на самого себя» [6, с. 228]. При этом, как известно [7], переживание – реакция субъекта на внешнее или внутреннее раздражение – есть не что иное, как рефлекс. Но Л. С. Выготский, «намякнув» на связь рефлексии с рефлексом, далее в своих исследованиях не раскрывает эту связь.

Не раскрыта эта связь и в настоящее время, оставаясь на уровне вопроса, который в рамках исследования психологии рефлексивных механизмов деятельности задаёт А. В. Карпов: «Как в процессе эволюции становится возможной обращённость организма на себя, в особенности своего функционирования?» [8, с. 80]. С его

точки зрения, «не исключено, что в конечном счёте физиологическим основанием этого является кольцеобразный (точнее, спиралевидный) принцип, заложенный в архитектуру любой функциональной системы организации в целом и психики в особенности» [8, с. 80–81]. При этом, как известно, основатели теории функциональных систем [9] никогда не отрицали рефлекторный принцип психической деятельности. Всё сказанное выше даёт основание для гипотезы, согласно которой и на рефлексию возможно перенести принцип рефлекса.

Как выше уже отмечалось, в психологии и физиологии практически нет работ, в которых непосредственно установлена связь между рефлексией и рефлексом. С нашей точки зрения, такая связь может быть установлена опосредованно – через «мышление». Ведь согласно Л. С. Выготскому, «мыслить – значит иметь способность одного условного рефлекса становиться раздражителем для нового условного рефлекса» [5, с. 50–51]. В свою очередь и рефлексия определяется через мышление, представляя собой «мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя: собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений к себе и к др., своих задач, назначения и т.д.» [10, с. 469]. Возможно, именно установление связи между мышлением и рефлексом и позволит привести аргументы, подтверждающие нашу гипотезу о связи рефлексии с рефлексом.

В работах Л. С. Выготского сказано, что весь психологический механизм поведения человека, в том числе и мышления, «раскрывается ключом» условного рефлекса. Отметим, что речь в данном случае идёт об условном рефлексе как основании психологического механизма поведения, и Л. С. Выготский предупреждает о том, «что рефлекс есть фундамент, но по фундаменту ещё ничего нельзя сказать, что будет на нем построено» [6, с. 626]. В этой связи, разъясняя свою позицию, учёный отмечает: «Человек вовсе не кожаный мешок, наполненный рефлексам, и мозг не гостиница для случайно останавливающихся рядом условных рефлексов» [6, с. 624]. Согласно Л. С. Выготскому, ощущения, жесты, мимика и речь есть рефлексы, а мыслительный акт как высшее проявление психики представляет собой «*передаточный механизм между системами рефлексов*» [5, с. 51].

Л. С. Выготский, с одной стороны настаивает на том, что мыслительный акт не является условным рефлексом, с другой – что высшие процессы сознания «удивительно напоминают павловские условные рефлексы» [5, с. 94]. И в этой связи,

чтобы понять, почему Л. С. Выготский, говоря о мыслительном акте, называет его не рефлексом, а «передаточным механизмом между системами рефлексов» и одновременно относит высшие процессы сознания к «павловским условным рефлексам», рассмотрим, что представляет собой «передаточный механизм между системами рефлексов» с точки зрения учёного.

Как устроен «передаточный механизм между системами рефлексов», Л. С. Выготский не описывает подробно, ограничиваясь утверждением, что «именно способность одного рефлекса (переживания предмета) быть раздражителем (предметом переживания) для нового рефлекса (нового переживания) – этот механизм сознательности и есть механизм передачи рефлексов из одной системы в другую» [5, с. 50]. Это утверждение, по сути, отражает позицию учёного в пользу рефлекторной природы мышления. Далее в работах психолога мы встречаем формулировку «закона связи рефлексов», который, по нашему мнению, может способствовать более полному разъяснению «механизма передачи рефлексов». В формулировке закона Л. С. Выготским «рефлексы связываются между собой по законам условных рефлексов, причем ответная часть одного рефлекса может стать при соответствующих условиях условным раздражителем (или тормозом) другого рефлекса, замыкаясь по сенсорному пути связанных с ним периферических раздражений в рефлекторную дугу с новым рефлексом» [6, с. 632]. На наш взгляд, в соответствии с этим законом передачу рефлексов можно понимать как связь – тоже посредством рефлексов, но уже условных. И тогда мышление, мыслительный акт, будучи, по Л. С. Выготскому, «передаточным механизмом между системами рефлексов», а не рефлексом, в своей основе имеет рефлекс, но уже условный. Л. С. Выготский утверждает, что мыслительный акт – это не рефлекс, это «передаточный механизм между системами рефлексов», который, в свою очередь, осуществляется согласно «механизму» условных рефлексов. Но это ещё не означает, что мыслительный акт – это условный рефлекс, хотя, следуя логике Л. С. Выготского, от этой мысли трудно отказаться.

Одним из подтверждений нашего предположения о рефлекторной природе мышления в исследованиях Л. С. Выготского может служить его понимание единства аффективных и интеллектуальных процессов. Для отражения этого единства учёный вводит понятие динамической смысловой системы, представляющей собой систему аффективных и интеллектуальных процессов. Говоря о единстве мышления и аффекта, он подчеркивает, «что во всякой идее содержится

в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» [6, с. 57]. Это утверждение Л. С. Выготского, с нашей точки зрения, отражает процесс функционирования динамической смысловой системы, а именно: направление мышления определяется потребностью и побуждениями человека и обратно – динамика мысли определяет динамику поведения и конкретную деятельность.

Сказанное выше свидетельствует о том, что аффективные процессы, хотя и не есть само мышление, но представляют собой внутренние системные составляющие мышления, влияющие на ход и результат мыслительной деятельности. По этому поводу Л. С. Выготский говорит: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую сторону» [6, с. 57]. Однако следует понимать и помнить, что причины мышления не тождественны ему.

Следующим подтверждением нашего предположения является то, что в своих рефлексологических и психологических исследованиях Л. С. Выготский, напрямую следуя за В. М. Бехтеревым и А. М. Кроллем, называет «явления в области безобразного и бессловесного мышления» «павловскими условными рефлексами» [5, с. 48]. И в пользу связи мышления и рефлекса Л. С. Выготский принимает идею В. М. Бехтерева о том, что «мысль только заторможенный рефлекс, задержанный, оборванный на двух третях рефлекса, в частности, словесное мышление – наиболее частный случай задержанного речевого рефлекса» [5, с. 47]. Далее Л. С. Выготский отождествляет задержанные рефлексы и мысли, отмечая, что «задержанные рефлексы (= мысли)» [5, с. 48].

Третьим и наиболее убедительным, с нашей точки зрения, подтверждением рефлекторной сущности мышления в трудах Л. С. Выготского является выделение учёным в иерархии навыков интеллектуальных реакций. По его определению, интеллектуальные реакции представляют собой навыки, приобретенные в опыте и направленные на решение новых задач, возникающих перед организмом. При этом он называет «мышление в понятиях» высшей формой интеллектуальной деятельности, тем самым, по сути, отождествляя мыслительную деятельность с интеллектуальной, содержательно представленную интеллектуальными реакциями.

Существенным отличием интеллектуальных реакций, по мнению Л. С. Выготского [11], является то, что они возникают в результате какого-то «короткого замыкания» и являются сложными реакциями взрывного типа. При этом интеллектуальная реакция как условный рефлекс формируется в процессе «перенесения» внутрь личности коллективных социальных отношений и форм поведения, в результате чего образуется индивидуальная форма поведения. Процесс «переноса» внутрь личности социальных отношений и форм поведения Л. С. Выготский связывает с интериоризацией.

Заканчивая анализ работ Л. С. Выготского, направленных на выявление связи мышления с рефлексом, подведем итог исследования, выделив основные идеи, касающиеся рефлекторной природы мышления:

1) мыслительная деятельность, или мыслительный акт, согласно Л. С. Выготскому, представляет собой «передаточный механизм между системами рефлексов», в основе которого лежит способность одного условного рефлекса становиться раздражителем для нового условного рефлекса, что, по сути, говорит о рефлекторном принципе мышления;

2) введенное Л. С. Выготским понятие динамической смысловой системы, представляющей собой единство аффективных и интеллектуальных процессов, ввиду рефлекторной сущности аффективных процессов и их влияния на ход и результат интеллектуальных процессов как внутренних системных составляющих, даёт повод предположить рефлекторное основание интеллектуальных процессов;

3) Л. С. Выготский отождествляет мысль и задержанный рефлекс, который он иначе называет заторможенным, оборванным на двух третях рефлексом и связывает с сосредоточением, вызванным «задержкой нервного тока»;

4) интеллектуальные реакции, выделенные Л. С. Выготским в качестве высших реакций в иерархии навыков, формирующиеся посредством интериоризации психических функций в результате индивидуального приобретенного опыта, самим учёным относятся к классу условных рефлексов.

Таким образом, анализ результатов исследований Л. С. Выготского позволил выявить аргументы, свидетельствующие в пользу нашего предположения о рефлекторном принципе мышления.

Список литературы

1. Жилин В. И. Синергетический сциентизм : критический анализ философско-методологических оснований. М., 2011. 192 с.

2. Шатова Н. Д. Связь терминов «рефлекс» и «рефлексия» для психолого-педагогических исследований : лексический и логический аспекты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 111–118.
3. Шатова Н. Д. Генезис понятия «рефлекс» : от реактивности Р. Декарта к условному рефлексу И. П. Павлова // Вестн. алтайской науки. 2014. № 4. С. 364–370.
4. Шатова Н. Д. Генезис понятия «рефлекс» : от условного рефлекса И. П. Павлова к физиологии активности Н. А. Бернштейна // Вестн. алтайской науки. 2014. № 4. С. 370–374.
5. Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. / под ред. А. П. Лурия, М. Г. Ярошевского. М., 1982. Т. 1. 488 с.
6. Выготский Л. Мышление и речь : сб. М., 2008. 668 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М., 2000. 1088 с.
8. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М., 2004. 424 с.
9. Функциональные системы организма : руководство / под ред. К. В. Судакова. М., 1987. 432 с.
10. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб., 2004. 672 с.
11. Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М., 1983. 368 с.

**Prolegomena to Search of Reflex Bases of the Reflection:
L. S. Vygotsky**

N. D. Shatova

Omsk State Pedagogical University
14, Tukhachevskiy quay, Omsk, 644099, Russia
E-mail: Shatova.nat@yandex.ru

The attempts to introduce a reflective approach in Patriotic education were frequently unsuccessful that, in the author's opinion, due to the lack of attention to materialist positions of psychologists, according to which, effectively forming the reflective capacity of students may, based on well understood laws governing the formation of conditional reflexes of man. In this context, the author identifies the connection between reflection and reflex in order to use its relationship as the fundamental basis of the concept of reflective learning. The relationship between reflection and reflex, the author establishes indirectly through «thinking» and finding

arguments in favor of the reflexive nature of thinking refers to the works of L. S. Vygotsky.

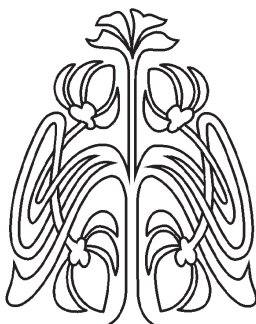
Key words: L. S. Vygotsky, thinking, reflex, reflection.

References

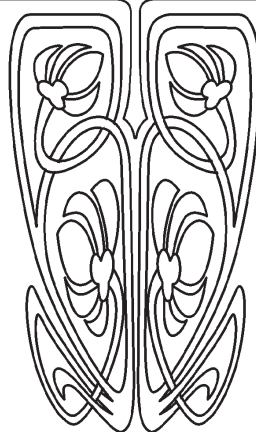
1. Zhilin V. I. *Sinergeticheskiy stsientizm: kriticheskiy analiz filosofsko-metodologicheskikh osnovaniy* (Synergetic scientism: Critical analysis of the philosophical and methodological bases). Moscow, 2011. 192 p.
2. Shatova N. D. Svyaz terminov «reflex» i «refleksiya» dlya psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy: leksicheskiy i logicheskiy aspekty (The relationship of the terms «reflex» and «reflection» for psychological and educational research: lexical and logical aspects). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 111–118.
3. Shatova N. D. Genезis ponyatiya «reflex»: ot reaktivnosti R. Dekarta k uslovnomu refleksu I. P. Pavlova (Genesis of the concept «reflex»: from R. Descartes reactivity to a conditioned reflex of I. P. Pavlov). *Vestnik altayskoy nauki* (Vestnik altaiskoy nauki), 2014, no. 4, pp. 364–370.
4. Shatova N. D. Genезis ponyatiya «reflex»: ot uslovnogo refleksa I. P. Pavlova k fiziologii aktivnosti N. A. Bernshteina (Genesis of the concept «reflex»: from a conditioned reflex of I. P. Pavlov to physiology of activity of N. A. Bernstein). *Vestnik altayskoy nauki* (Vestnik altaiskoy nauki), 2014, no. 4, pp. 370–374.
5. Vygotskiy L. S. *Sobr. soch.: v 6 t.* (Collected works: in 6 vol.). Moscow, 1982. Vol. 1. 488 p.
6. Vygotskiy L. S. *Myshlenie i rech* (Thinking and speech). Moscow, 2008. 668 p.
7. Efremova T. F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovno-obrazovatelnyy* (New dictionary of Russian. Sensible and educational). Moscow, 2000. 1088 p.
8. Karpov A. V. *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatel'nosti* (Psychology of reflexive mechanisms of activity). Moscow, 2004. 424 p.
9. *Funktsionalnye sistemy organizma*. Pod red. K. V. Suda-kova (Functional systems of an organism. Ed. by K. V. Suda-kov). Moscow, 1987. 432 p.
10. *Bolshoy psikhologicheskiy slovar*. Sost. i obshch. red. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko (Big psychological dictionary. Originator and general editor B. Meshcheryakov, V. Zinchenko). St.-Petersburg. 2004, 672 p.
11. Vygotskiy L.S. *Sobr. soch.: v 6 t.* (Collected works: in 6 vol.). Moscow, 1983. Vol. 3. 368 p.

ПЕДАГОГИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

УДК 372.881.1

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ПРОЦЕССЕ ПРОФИЛЬНО-ПРИКЛАДНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Исаев Евгений Анатольевич –

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
и методики их преподавания, докторант,
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
E-mail: evg77237009@yandex.ru

В статье раскрывается сущность поликультурной самоорганизации языковой личности студента как важной составляющей профессионального развития будущих специалистов. Данное качество возникает в результате интеграции кросс-культурной сферы языковой личности, ее глобального отношения к культуре и культурного самоопределения. Выявляется потенциал иноязычного образования, заключающийся в его культурологической сущности и возможности формирования у студентов умения участвовать в межкультурной коммуникации. Представлена авторская модель развития поликультурной самоорганизации языковой личности студента в процессе профильно-прикладного иноязычного образования, в структуру которой входят целевой, содержательный, процессуальный и диагностирующий блоки.

Ключевые слова: поликультурная самоорганизация языковой личности студента, иноязычное образование, модель развития, целевой, содержательный, процессуальный, диагностирующий блоки.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-104-107

Глобальные изменения в экономической, политической, научной и культурной сферах приводят к появлению нового социально значимого ориентира в системе профессионального образования – поликультурной самоорганизации языковой личности студента, реализующей образовательный идеал «от человека образованного к человеку культуры» (Б. М. Бим-Бад) и заключающейся в способности личности самостоятельно выстраивать продуктивный диалог культур.

Поликультурная самоорганизация языковой личности – это процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация языковой личности как сложной динамической системы. По мысли В. Е. Клочко, «самоорганизующейся называется такая система, которая обретает пространственную, временную или функциональную структуру» [1, с. 12]. Кроме того, процессы самоорганизации, представляющие собой «сочетание целенаправленности, спонтанности, автономности и зависимости» [1, с. 12], характерны для систем, обладающих высоким уровнем сложности. В данном случае система – это и большое количество элементов, и специфика связи между ними, имеющая не жесткий, а вероятност-

ный характер. Способностью к самоорганизации могут обладать объекты системы различной природы – физической, химической, биологической, социальной, в которых происходит перестройка существующих и образование новых связей между элементами. С философской точки зрения, взгляд на языковую личность как на системный объект самоорганизации, т.е. как на открытую самоорганизующуюся систему, заключается в том, чтобы вычленив идеи мировоззренческого уровня, существенно преобразующие научную картину мира. Главная состоит в том, чтобы «посмотреть на человека через призму становления и разглядеть его как целостную самоорганизующуюся открытую систему, прогрессивное и закономерное усложнение которой является основанием его устойчивого бытия» [1, с. 16].

Анализ философской, психолого-педагогической литературы позволяет нам поликультурную самоорганизацию языковой личности студента представить в виде сложного (триединого) личностного образования, возникающего в результате интеграции кросс-культурной сферы языковой личности, ее глобального отношения к культуре и культурного самоопределения.

В науке разрабатываются теории, концепции и идеи, отражающие инновационный взгляд исследователей на роль языка и сознания, речи и мышления в становлении культурно-образовательной среды (А. А. Леонтьев), в развитии человека высокой культуры, в его творческом сознательном отношении к действительности (Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, Ю. Н. Караулов и др.), на значимость коммуникации и диалога в условиях поликультурной социальной практики для осуществления межкультурного взаимодействия (М. М. Бахтин, В. В. Библер, М. С. Каган, В. А. Лекторский, Г. Г. Шпет и др.).

Дисциплина «Иностранный язык», входящая в базовую часть учебных планов согласно всем ФГОС, в силу своей культурологической направленности обладает достаточным потенциалом для развития поликультурной самоорганизации языковой личности студента. Как известно, иностранный язык развивает умение участвовать в реальной межкультурной коммуникации. Язык – это лицо народа, в нем фиксируется и сохраняется картина мира, свойственная тому или иному культурному сообществу. При наличии общих содержательных компонентов «концептуальные поля истины» в различных языках и культурах имеют различные очертания, отражая разные стороны и аспекты бесконечно многообразного, объективного мира. Через познание неродных и, в частности, иностранных языков человек может непосред-

ственно ощутить свою принадлежность к мировой истории и одновременно глубже понять свою национальную культурно-историческую уникальность. В связи с этим нами разрабатывается концепция развития поликультурной самоорганизации языковой личности студента в процессе профильно-прикладного иноязычного образования. Данная образовательная стратегия призвана средствами иностранного языка культивировать успешную интеграцию личности в национальную и мировую культуру, формировать как собственно этническое, так и общенациональное самосознание индивида, обеспечивая современного человека гармоничной формой существования, способами найти свое место в системе взаимосвязей.

Теоретико-методологический анализ позволил разработать модель развития поликультурной самоорганизации языковой личности студента в условиях профильно-прикладного иноязычного образования. При построении модели следует исходить из того, что она – «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих целое и выполняющих единую функцию» [2, с. 83]. «Важно определение минимального инвариантного набора функциональных блоков, совокупность которых представляет собой обобщенную схему соответствующей профессиональной деятельности» [3, с. 80]. При моделировании профильно-прикладного иноязычного образования необходимо также исходить из того, какими знаниями, умениями, компетенциями и личностными качествами должны обладать выпускники вуза, имеющие способность к поликультурной самоорганизации. Данное положение должно проявляться во всех структурных блоках модели: целевом, содержательном, процессуальном, диагностирующем.

Кратко опишем сущность каждого блока. Целевой определяет вектор развития профильно-прикладного иноязычного образования – формирование языковой личности студента, способной к поликультурной самоорганизации, в рамках которой силами студента самостоятельно создается, воспроизводится или совершенствуется система качеств за счет образования новых связей, выстраивания новых взаимоотношений с внешней средой. Языковой личности должна быть присуща внутренняя активность, раскрывающаяся в устойчивости относительно внешних воздействий, самообновляемости, возможности к самоусложнению, согласованности всех ее составных частей. В данной связи самоорганизация выступает одним из ведущих факторов образования качественно новых структур, что

связано с их упорядоченностью, стабильностью и устойчивостью относительно внешних воздействий, совершенствованием процесса адаптации к изменяющейся реальности.

Содержательный блок модели должен опираться на культурный компонент содержания профильно-прикладного иноязычного образования и реализовать культурное многообразие тематического наполнения учебно-методических комплексов по иностранным языкам и языковым курсам по каждому типу культуры (этническому, социальному, религиозному, профессиональному, территориальному и т.п.), создавая благоприятные условия для поликультурного развития обучающихся. По мысли П. В. Сысоева, с помощью этого у обучающихся будет формироваться представление о культурной вариативности как норме сосуществования культур в современных поликультурных сообществах стран родного и изучаемого языков. Соизучение этих культур будет способствовать расширению социокультурного пространства и культурному самоопределению обучающихся (определению своего места в спектре культур), а также развитию способностей принимать активное участие в действиях против агрессии, культурного вандализма и культурной дискриминации [4, с. 15].

Для развития поликультурной самоорганизации языковой личности студента в процессе профильно-прикладного иноязычного образования важность культурного компонента выявляется в том, что именно он (*the cultural component of language teaching*), по мысли ряда ученых (М. Байрам, К. Бауш, К. Крамш, Р. Филлипсон и др.), открывает перспективу межкультурного взаимодействия, развивает оценочную функцию, способствует осознанию собственной позиции и позиции других. Изучение иностранного языка с применением культурного компонента рассматривается как коммуникативная практика (К. Крамш, С. Торн), как интернациональный диалог (Р. Пихт), в процессе которого формируется интеркультурная чувствительность (К. Крамш). На основе методологического анализа представляется необходимым в структуре культурного компонента содержания профильно-прикладного иноязычного образования выделить глобальный, национальный, региональный и личностный подкомпоненты, которые объединяются идеей формирования целостного взгляда на современный поликультурный мир, на поиск себя в нем и выработку тактики взаимодействия с ним путем постоянного выхода с локального уровня на глобальный и наоборот.

Очевидным является то, что знание особенностей глобального мира, иноязычной культуры

способствует преодолению культурного барьера при диалоге культур; при овладении реалиями страны изучаемого языка в процессе иноязычного образования учащийся получит возможность адекватного восприятия чужой картины мира. Кроме того, приобщение студента с помощью иностранного языка к иной культуре, с одной стороны, позволит ему осознать себя как личность, принадлежащую к определенной социокультурной общности людей, а с другой – воспитает в нем уважение и терпимость к другому образу жизни. Между тем в процессе диалога культур оба коммуниканта выступают равноправными партнерами. Владение национальным, региональным подкомпонентами является необходимым условием в процессе общения, требующего от каждого участника знаний не только культуры страны, с представителем которой он общается, но и культурно специфических, исторических особенностей родной страны, области, родного края. Важно, чтобы будущий профессионал владел информацией о родной стране и был способен презентовать данную информацию на иностранном языке. Это будет способствовать развитию поликультурной самоорганизации языковой личности студента, поскольку умение представить родную культуру, несомненно, связано с осознанием своей собственной культурной идентичности.

В реальной жизни мы имеем дело не с абстрактной личностью, находящейся вне времени и пространства, а с человеком, живущим, развивающимся в определенной культурной среде. Поэтому личностный подкомпонент ориентирован на культуру малого/ближнего окружения и может быть представлен в учебно-воспитательном процессе культурными паттернами поведения, социальным окружением, внутренними ценностями и др.

Процессуальный блок представлен сочетанием принципов, форм и средств обучения иностранному языку студентов. Основываясь на природе поликультурной самоорганизации языковой личности студента, мы предлагаем учитывать следующие принципы обучения иностранному языку: познания и учета национально-психологических особенностей; интеграции и дифференциации глобальности и самобытности; аксиологической подачи межкультурной коммуникации; профессиональной ответственности; социальной мобильности и диалогичности.

Средства как конкретные действия, направленные на достижение поставленной цели, должны находить свое воплощение в ходе реализации аудиторной, внеаудиторной и дистанционной форм обучения. К средствам, позволяющим по-

ложительно влиять на динамику поликультурной самоорганизации языковой личности студента, можно отнести:

технологии погружения в культуру, которая основана на принципах коммуникативности, диалога культур, кросс-культурного сравнения и включает такие виды работы, как презентация культурных особенностей той или иной нации, составление психологического портрета нации, имитация поведения представителя той или иной культуры, составление досье языковой личности студента;

технологии научно-творческого развития, позволяющую организовывать исследовательскую работу студентов, творческие мастерские, видео-экскурсии, конференции, форумы, а также создавать анимационные программы, проектирующие будущую профессиональную деятельность в процессе коммуникативного иноязычного общения;

проведение курсов по выбору, факультативов, которые помогают освоить содержательный блок модели и реализовать принципы проблемности, продуктивности, создания малых групп, интегративности, автономности (например, практический курс «Иностранный язык в поликультурном мире/English in Multicultural World/Deutsch in der multikulturellen Welt», теоретико-практический курс «Поликультурное деловое общение» и др.).

Цель диагностирующего блока – определить динамику поликультурной самоорганизации языковой личности студента с помощью соответствующих методик. Например, в процессе экспериментальной деятельности подтвердили свою эффективность такие методики, как «Глобальный дифференциал – Мир» (методика Н. А. Батуркина и Е. В. Гудковой); «Приписывание качеств» (методика Д. Кац, К. Брейли); методика, разработанная Д. В. Григорьевым, И. В. Кулешовой и П. В. Степановым; методика «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда; экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой и др.

Итак, поликультурный контекст современной действительности обуславливает новые задачи обучения иностранному языку студентов вузов, необходима поликультурная самоорганизация языковой личности, заключающаяся в умении строить продуктивный диалог культур в сфере профессиональной и личностной деятельности. Для решения данной педагогической задачи необходимо моделирование лингвистической подготовки, валидной поставленной цели, ибо вне цели нельзя понять ни процесс учебной деятельности, ни его движущие силы.

Список литературы

1. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах : проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005. 174 с.
2. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. М., 2004. 512 с.
3. Уварова Н. Л. Профессиональное лингвообразование в высшей школе. Н. Новгород, 2011. 296 с.
4. Сысоев П. В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании. М., 2013. 264 с.

The Modeling of Multicultural Self-organization of Student's Linguistic Personality in Profession-oriented Foreign Language Education

E. A. Isaev

Bunin Yelets State University
28, Kommunarov str., Yelets, 399770, Russia
E-mail: evg77237009@yandex.ru

The article covers the essence of the category «multicultural self-organization of student's linguistic personality» as an important component of future professional's development, which appears as the result of integration of cross-cultural sphere of linguistic personality, its global attitude to the culture and cultural self-organization. The potential of foreign language education, which lies in its culturological essence and possibility to develop student's skill to take part in intercultural communication, is considered, too. The author describes the model of the development of multicultural self-organization of student's linguistic personality in the process of profession-oriented foreign language education, which includes purposive, content-related, processual and diagnostic components.

Key words: student's multicultural self-organization, foreign language education, the model of development, purposive, content-related, processual and diagnostic components.

References

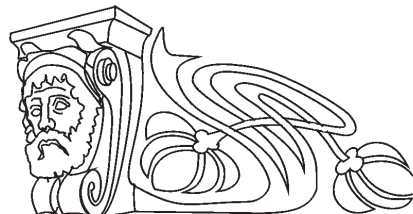
1. Klochko V. E. *Samoorganizatsiya v psichologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostanstva lichnosti (vvedeniye v transspektivnyy analis* (Self-organization in psychological systems: problems of the formation of personality's mental space {introduction in the transpective analysis}). Tomsk, 2005. 174 p.
2. Polonskiy V. M. *Slovar po obrazovaniyu i pedagogike* (Dictionary on education and pedagogy). Moscow, 2004. 512 p.
3. Uvarova N. L. *Professionalnnoye lingvoobrazovaniye v vyshey shkole* (Professional linguistic education in the institution of higher education). N. Novgorod, 2011. 296 p.
4. Sysojev P. V. *Informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii v lingvisticheskom obrazovanii* (Informational and communication technologies in linguistic education). Moscow, 2013. 264 p.

УДК 378.147.88

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗАХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Козлов Олег Александрович —
адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии,
Саратовский военный краснознаменный институт
внутренних войск МВД России
E-mail: dvrh@yandex.ru

В статье проводится анализ системы образования в военных образовательных учреждениях внутренних войск МВД России, который позволил вскрыть и систематизировать требования, предъявляемые к процессу образования. Отмечается, что повышение эффективности современной системы военно-профессионального образования вузов внутренних войск МВД России требует внедрения и разработки научно обоснованных средств и методов повышения эффективности процесса образования. Предлагаются пути повышения качества подготовки военных специалистов путем поиска новых форм обучения, в том числе с привлечением в процесс образования современных информационных технологий, отвечающих современным требованиям, а также разработкой критериев качества выучки военных специалистов, позволяющих оценить степень их готовности к выполнению своих профессиональных обязанностей в подразделениях и частях внутренних войск.

Ключевые слова: качество военного образования, система военного образования, военные специалисты, современные информационные технологии, внутренние войска МВД России.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-108-112

Подразделения внутренних войск МВД России, решая задачи по обеспечению безопасности личности, общества и государства, в процессе своей жизнедеятельности поддерживают боеготовность по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в соответствии с видоизменениями системы управления, степени научного и технического развития, а также ряда остальных факторов. Профессионально подготовленный личный состав является движущей силой поддержания подразделений внутренних войск в высокой боевой готовности, включая рядовых военнослужащих, младший командирский состав (сержантов, прапорщиков, старшин), старший командный состав (офицеров).

Весьма актуально, что военный специалист-профессионал внутренних войск должен обладать как научными и теоретическими знаниями, так и опытом, которые можно описать как совокупность информации о явлениях и процессах

действительности (в основном, связанных с обеспечением охраны общественного порядка и общественной безопасности), выраженную в виде научных и экспериментальных данных, теоретических описаний, формул каких-либо явлений и процессов, схем технологических процессов и т.д.

В результате отрицательного влияния социальных, политических и экономических факторов стоит вопрос обеспечения высокого уровня подготовки военных специалистов внутренних войск МВД России. Это возлагает большую ответственность на систему высшего профессионального образования. Для выявления проблем образовательного процесса военных специалистов внутренних войск необходимо проанализировать современную систему специального военного образования.

Командование внутренних войск МВД России основной задачей подготовки военнослужащих считает формирование у них высоких профессиональных, моральных и психологических качеств, недопущение снижения уровня профессиональной подготовки в современных экономических реалиях. Образовательная среда военного вуза представляет собой сложную, диалектически развивающуюся многофункциональную систему, которая включает в себя все формы, методы и виды учебной и внеучебной деятельности, направленной на практическую и теоретическую подготовку курсантов и адъюнктов, самостоятельную исследовательскую работу преподавательского состава и обучающихся [1].

Реформирование системы военного образования является важнейшей и неотъемлемой частью реформирования внутренних войск МВД России. Реформирование образовательной системы призвано в кратчайшие сроки возобновить единство системы подготовки военных кадров и осуществить обучение курсантов и слуша-

телей по всем необходимым для внутренних войск МВД России специальностям. Основной задачей совершенствования специальной подготовки является приведение ее в согласие с требованиями профессиональной деятельности военного специалиста и Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. При совершенствовании системы образования вуза внутренних войск особое внимание необходимо уделить совершенствованию методики обучения, созданию необходимых условий для научной и творческой деятельности обучающихся, всеобщему внедрению в процесс образования новых информационных технологий (НИТ), благодаря которым можно достичь интенсификации процесса обучения, и в некоторых случаях – визуальному восприятию преподаваемого предмета (например, в виртуальных классах обучения в Пермском военном институте).

Современное качество подготовки военных специалистов вузами внутренних войск не удовлетворяет требованиям, предъявляемым в главном командовании внутренних войск. В качестве главных причин существующих недостатков в приказах и распоряжениях указываются недостаточная подготовленность командного состава к управлению частями и подразделениями, недостаточные навыки по воспитанию и обучению подчиненных. В связи с организационно-штатными мероприятиями происходит отток квалифицированного профессорско-преподавательского состава. Недостатки в подготовке обучающихся непосредственно связаны с недостаточным педагогическим опытом вновь пришедших преподавателей: как правило, это офицеры, имеющие практический уровень подготовки в войсковых частях и подразделениях и опыт работы, но слабую теоретическую подготовку [2].

Следует отметить также, что ни учебные планы и программы, ни государственные стандарты не обеспечат необходимого качества подготовки курсантов, адъюнктов и слушателей без эффективного процесса подготовки обучаемого, без современного материального, технического и методического обеспечения.

Анализ результатов научных изысканий, а также руководящих документов по проблемам военного образования указывает, что различие между существующим уровнем подготовки выпускников и современными условиями профессиональной деятельности обусловлены существованием ряда недостатков и противоречий в образовательной системе учреждений [3–5]. Поэтому повышение эффективности современ-

ной системы военно-профессионального образования вузов внутренних войск МВД России наряду с реализацией комплекса мер организационного, финансового, материально-технического и кадрового характера требует внедрения и разработки научных и обоснованных средств и методов повышения эффективности процесса образования.

Совокупность отмеченных выше недостатков и противоречий указывает на потребность усовершенствования имеющейся образовательной системы вузов внутренних войск на базе научного анализа, отображения и обоснования абсолютно всех компонентов её структуры.

Необходимость непрерывного улучшения образовательной системы вузов внутренних войск определена рядом факторов, главными из которых считаются:

многоэтапное осуществление реформы военного образования; регулярно меняющиеся социально-экономические требования подготовки обучающихся к служебно-боевой деятельности будущих офицеров;

ускоряющиеся приоритеты в служебно-боевой деятельности выпускников, характер и состав решаемых ими задач;

поступление на вооружение внутренних войск современных образцов вооружения и техники и новейших средств автоматизированного управления войсками.

Таким образом, сформировалась ситуация: с одной стороны, непрерывно меняющиеся требования командования внутренних войск МВД России требуют внесения изменений в качество подготовки военных специалистов, а с другой стороны, концепция подготовки военного профессионала остается на прежнем уровне (цель обучения, организационно-штатная структура вуза, методика преподавания и т. д.).

Выходом из вышеуказанной ситуации можно считать скорейшее построение новой модели образовательного процесса вуза внутренних войск, позволяющего применять инновационные технологии обучения, обладающие признаком адаптивности к изменяющимся условиям подготовки военнослужащих и требованиям командования внутренних войск МВД России к степени их подготовки, что позволит повысить эффективность процесса образования за счет более рационального использования учебного времени и применения технологий дистанционного образования [3, 6].

Многообразие форм и способов борьбы с массовыми беспорядками и терроризмом, прогрессирующее усложнение военного вооружения и техники, потребность повышения мастерства

и поддержания устойчивой боевой готовности воинских частей и подразделений внутренних войск и практические задачи, решаемые командным составом в частях и подразделениях внутренних войск, определяют требования к непрерывной подготовке, качеству и содержанию образовательного процесса учебных заведений внутренних войск МВД России.

Анализ источников [5, 7–9] позволил раскрыть и обобщить требования, предъявляемые к процессу образования:

обучение в военном образовательном учреждении должно вестись с обязательным учетом перспективы всестороннего развития науки и техники таким образом, чтобы будущий выпускник соответствовал требованиям и сегодняшнего и завтрашнего дня;

военный специалист в ходе обучения обязан приобретать оптимальный объем знаний, навыков и умений для продуктивной деятельности;

организация образовательного процесса должна обеспечивать оптимальное распределение объема информации как по времени, так и по формам обучения;

организация и планирование процесса образования, методическая работа обязаны обеспечивать высокий уровень учебных занятий на основе оптимального соотношения практических и теоретических форм обучения;

обширное внедрение исследовательских методов обучения для подготовки творчески мыслящего военного профессионала;

интенсификация процесса обучения на основе постоянного совершенствования учебно-материальной базы, повсеместного внедрения технических средств обучения, прежде всего, вычислительной техники, а также использование новых информационных технологий в технологии обучения;

обеспечение эффективного управления подготовкой военных специалистов с обширным использованием автоматизированных систем управления войсками.

В ходе профессионального отбора кандидатов на поступление в вузы внутренних войск МВД России определяется первоначальная степень подготовленности, а также физиологические и психические особенности поступающих; в последние годы намечается тенденция к их снижению.

При подготовке военных специалистов немаловажную роль играет процедура распределения молодых офицеров на воинские должности по завершении обучения. Субъективизм при оценке степени подготовленности новоиспеченных офицеров и их соответствия первичным

воинским должностям негативно сказываются на результатах подготовки военных специалистов и боевой готовности вверенных им различных подразделений внутренних войск (в основном взводов, реже – рот или структурных подразделений).

Содержание процесса образования в военном вузе в своей основе определяется специальными квалификационными требованиями к будущим офицерам. Реализация этих требований сопряжена с решением целого ряда непростых учебно-методических и организационных задач, начиная с определения содержания и структуры обучения и завершая контролем за процессом различных мероприятий по подготовке военных профессионалов.

Процесс профессиональной подготовки и переподготовки военных специалистов внутренних войск МВД РФ можно рассматривать как непрерывный. Здесь можно отметить следующие, наиболее привычные для прохождения военной службы как офицерским, так и иным составом, этапы военной подготовки: учебные центры по подготовке личного состава внутренних войск МВД России, институты внутренних войск, курсы усовершенствования офицерского состава при институтах внутренних войск, военно-учебный научный центр сухопутных войск Вооруженных сил России или академии Министерства внутренних дел России, военная академия Генерального штаба Вооруженных сил России.

Характерной чертой процесса подготовки и переподготовки считаются полнота и очередность прохождения стадий; они являются не одинаковыми и типичными для всех военнослужащих: в зависимости от большого количества субъективных и объективных факторов военный профессионал может, а зачастую по роду службы должен пропускать определенные этапы. Таким образом, процесс подготовки осуществляется у военнослужащих внутренних войск на всех этапах их служебной деятельности.

Сержантский состав и прапорщиков во внутренних войсках МВД России готовят специализированные учебные центры по подготовке личного состава МВД России. В этих учебных центрах идет первичная военная подготовка младшего командного состава. Младших офицеров готовят в четырех военных институтах внутренних войск МВД России: Саратовском (СВКИ ВВ МВД России), Новосибирском (НВИ ВВ МВД России), Пермском (ПВИ ВВ МВД России) и Санкт-Петербургском (СПВИ ВВ МВД России). В дальнейшем офицеры совершенствуют свои профессиональные военные знания в системе специальной подготовки на курсах

усовершенствования офицерских составов (курсах повышения квалификации) при институтах внутренних войск МВД России. Научные и педагогические кадры готовят в адъюнктурах и докторантурах вышеуказанных институтах внутренних войск.

Результативность процесса подготовки военного специалиста внутренних войск находится в зависимости от умело используемой в процессе образования технологии обучения. В наши дни в педагогической и психологической литературе нередко встречается такое понятие, как «технология», пришедшее совместно с развитием вычислительной техники и внедрением в образование новых информационных технологий [10].

Вузы внутренних войск МВД России готовят офицеров с высшим военным специальным образованием, содержащим в себе высшее юридическое образование и специальное военное образование, необходимое для выполнения воинских служебных обязанностей на должностях, подлежащих замещению выпускниками вузов внутренних войск.

Система военной профессиональной подготовки во внутренних войсках практически направлена и учитывает связь их знаний, навыков и умений, приобретенных в вузах внутренних войск, с реальными потребностями в обеспечении общественной безопасности и охране общественного порядка.

На основании проведенного анализа современного состояния и темпов развития внутренних войск МВД России можно подвести итог: традиционные формы подготовки командного состава внутренних войск не всегда соответствуют реалиям и требуют внесения некоторых изменений, а именно – необходим поиск ранее не используемых форм обучения в образовательных учреждениях внутренних войсках, с привлечением в процесс образования современных информационных технологий, отвечающих новейшим требованиям, необходима разработка оценок качества подготовки обучаемых, позволяющих оценить степень готовности выпускников военных вузов к выполнению своих специальных военных обязанностей в подразделениях и частях внутренних войск.

Список литературы

1. *Бабанский Ю. К.* Избранные педагогические труды. М., 1989. 560 с.
2. *Козлов О. А.* Необходимость внедрения технологий дистанционного образования в образовательный процесс военных вузов внутренних войск МВД России // Информационные технологии в образовании :

материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 2015. С. 469–472.

3. *Артамонов В. С., Носков С. И.* Некоторые управленческие вопросы деятельности образовательного учреждения. Иркутск, 1998. 105 с.
4. *Коновалова Л. И.* Информационно-педагогические технологии как средство повышения качества образования слушателей // Теоретические и организационно-правовые проблемы истории и развития ОВД и ВВ : материалы науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Санкт-Петербург, 20–21 мая 1999 г.). СПб., 1999. Ч. 1. С. 42–44.
5. Об инновационной деятельности высших учебных заведений по переходу на систему зачетных единиц : приказ Министерства образования и науки РФ № 215 от 29.07.05 г. М., 2005. 3 с.
6. *Козлов О. А.* Перспективы применения дистанционных образовательных технологий в военных образовательных учреждениях ВВ МВД России // Педагогическое мастерство и педагогические технологии : материалы V междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 сентября 2015 г.). 2015. № 3 (5). С. 314–317.
7. *Контракс Т.* Непрерывное образование : основные принципы // Военная школа. 1991. № 6. С. 52–61.
8. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности : приказ Министерства образования и науки РФ № 39 от 17 января 2011 г. М., 2011. 7 с.
9. О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «Об образовании в РФ» : Федеральный закон № 273 от 29 декабря 2012 г. М., 2012. 5 с.
10. *Андреев А. А.* Введение в дистанционное обучение // Компьютеры в учебном процессе. 1998. № 2. С. 25–68.

Basic Requirements and Improving the Quality the Educational Process in Higher Education Institutions of Internal Troops of the MIA of Russia

O. A. Kozlov

Saratov Military Institute of Internal Troops of the MIA of Russia
152, Moskovskaya str., Saratov, 410023, Russia
E-mail: dvrh@yandex.ru

In article analyzes the system of education in military educational institutions of internal troops of the MIA of Russia, which allowed to reveal and to systematize the requirements to the educational process. It is noted that improving the efficiency of the modern system of professional military education of higher education institutions of internal troops of the MIA of Russia requires the introduction and development of scientifically substantiated tools and methods for increasing the efficiency of the process of education. Suggests ways of improving the quality of training of military specialists, through new forms of training to including with the involvement in the educational process

of modern information technology meet modern requirements, as well as the development of criteria of quality of training of military specialists, to evaluate the degree of their readiness to perform their professional duties in the units and the internal troops.

Key words: the quality of military education, the system of military education, military specialists, internal troops of the MIA of Russia.

References

1. Babanskiy Yu. K. *Izbr. ped. tr.* (Selected pedagogical works). Moscow, 1989. 560 p.
2. Kozlov O. A. Neobkhodimost vnedreniya tekhnologii distantsionnogo obrazovaniya v obrazovatelny protsess voennykh vuzov vnutrennikh voysk MVD Rossii (The need for the introduction of e-learning technologies in educational process of military higher educational institutions of internal troops of the MIA of Russia). *Informatcionnie tekhnologii v obrazovanii: materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf.* (Information technology in education: materials VII Russian scientific-practical conference). Saratov, 2015, pp. 469–472.
3. Artamonov V. S., Noskov S. I. *Nekotorye upravlenchiskie voprosy deyatel'nosti obrazovatel'nogo uchrezhdeniya* (Some management issues of activity educational institution). Irkutsk, 1998, 105 p.
4. Konovalova L. I. *Informatsionno-pedagogicheskie tekhnologii kak sredstvo povysheniya kachestva obrazovaniya slushateley* (Information and educational technology as a means of improving the quality of education). *Teoreticheskie i organizatsionno-pravovye problemy istorii i razvitiya OVD i VV. Materialy nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* (Theoretical and organizational-legal problems of the history and development of DI and IT. Materials of scientific-praktikal conference: in 2 parts). (St.-Petersburg, 20–21 May 1999). St.-Petersburg, 1999. Part 1, pp.42–44.
5. *Ob innovatsionnoy deyatel'nosti vysshikh uchebnykh zavedeniy po perekhodu na sistemu zachemnykh edenits: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF № 215 ot 29.07.2005* (Order Ministry of education and scenes of Russia no. 215 of 29 July 2005. About innovation activities of higher education institutions on the transition on the credit system). Moscow, 2005. 3 p.
6. Kozlov O. A. *Perspektivy primeneniya distantsionnykh obrazovatelnykh tekhnologiy v voennykh obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh VV MVD Rossii* (Prospects application e-learning technologies in military higher education institutions of IT of the MIA of Russia). *Pedagogicheskoe masterstvo i pedagogicheskie tekhnologii: materialy V mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Pedagogical skills and pedagogical technologies: materials of V international scientific-praktikal conference). (Cheboksary, 20 September 2015). Cheboksary, 2015, pp. 314–317.
7. Koptazh G. *Nepreryvnoe obrazovanie: osnovnye printsipy* (Continuing education: the basic principle's). *Voennaya shkola* (Military high school), 1991, no. 6, pp. 52–61.
8. *Ob utverzhdenii i vnedrenii v deystvie federal'nogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki (spetsialnosti) 030901 Pravovoe obespechenie natsionalnoy bezopasnosti: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF № 39 ot 17.01.2011* (About approval and introduction in action of the Federal government educational standard of higher professional education the direction of training {specialty} 030901 Legal support national security. Order Ministry of education and scenes of Russia no. 39 of 17 January 2011). Moscow, 2011. 7 p.
9. *Ob vnesenii izmeneniy i dopolneniy v zakon RF «Ob obrazovanii v RF»: Federalnyy zakon № 273 ot 29.12.2012.* (About introduction changes and additions in the law of Russian Federation «About education in the Russian Federation». Federal law no. 273 of 29 December 2012). Moscow, 2012. 5 p.
10. Andreev A. A. *Vvedenie v distantsionnoe obuchenie* (Introduction to e-learning). *Komputery v uchebnoy protsesse* (Computers in the learning process), 1998, no. 2, pp. 25–68.

УДК:378;651.926:82.035

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ»

Николаева Ольга Сергеевна –

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, Курск
E-mail: nickolaeva.olya.1985@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования этимологической компетенции; рассматриваются различные подходы к определению понятий «компетенция» и «компетентность», а также

дается несколько классификаций компетенций с точки зрения различных ученых. На основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального

образования автором выделены основные компетенции применительно к профессиональной подготовке студентов по направлению «Перевод и переводоведение», а также обоснована необходимость включения в данный перечень этимологической компетенции. Автор приводит примеры распространенных ошибок, которые студенты делают в процессе перевода в связи с тем, что не знают или не учитывают этимологию переводимого слова. В статье делается вывод о необходимости разработки специальной системы подготовки будущих переводчиков, направленной на формирование этимологической компетенции.

Ключевые слова: этимологическая компетенция, компетентность, этимология, профессиональная деятельность переводчика, этимологический анализ.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-112-117

Изменения в сфере высшего образования, порождаемые глобализацией, требуют нового подхода к подготовке специалистов. Набор знаний, умений и навыков, которыми обладают выпускники после окончания высшего учебного заведения, оказывается недостаточным для успешной реализации профессиональной деятельности. На современном этапе модернизации образования основной задачей является повышение качества подготовки специалистов. В этой связи педагоги все чаще указывают на необходимость определения уровня овладения рядом компетенций и компетентностей в качестве основного требования к подготовке выпускников.

Цель данной статьи: рассмотреть основные подходы к определению понятий «компетенция» и «компетентность», выделить основные профессиональные компетенции в подготовке переводчика, а также дать определение понятию «этимологическая компетенция» и обосновать необходимость ее формирования при обучении будущих специалистов профиля «Перевод и переводоведение».

В настоящее время в педагогическом сообществе нет единого мнения о том, какие компетенции являются универсальными для всех специалистов, какие профессиональные компетенции необходимы для того или иного вида деятельности. Термины «компетентность» и «компетенция» ввел Н. Хомский в 1960–1970 гг. в теорию языка, в то же время появились предпосылки разграничения этих понятий [1]. А в 1990-е гг. компетенции стали рассматриваться как желаемый результат образования. Оба эти термина произошли от латинского глагола *competentis* – способный, а в русский язык они были заимствованы из английского, *competence* – способность, умение, *competent* – знающий, компетентный. В 2004 г. представителями на-

учной педагогической школы РГПУ им. Герцена была написана монография «Компетентностный подход в педагогическом образовании», в которой в качестве результата профессиональной подготовки рассматривается «профессиональная компетентность», представляющая собой совокупность ключевой, базовой и профессиональной компетентностей [2]. В настоящее время существует ряд определений данных понятий. «Компетенция» – это «круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен» и «круг чьих-нибудь полномочий, прав» [3, с. 282, 326, 295; 4, с. 316–317]; а «компетентность» – «обладание компетенцией» [3, с. 282, 326, 295].

По мнению С. Г. Шилова, под *компетентностью* в отечественной педагогике следует понимать:

общую способность, основанную на знаниях, опыте, ценностях, склонностях, которые приобретены благодаря обучению;

способность установить связь между знанием и ситуацией, найти процедуру, подходящую для проблемы («есть смысл говорить о компетентностях только тогда, когда они проявляются в какой-либо ситуации, непроявленная компетентность не является таковой, а самое большое остается скрытой возможностью») [5, с. 87].

Опираясь на данные определения, можно прийти к выводу, что «компетентность» является более широким понятием, характеризующим готовность человека к деятельности, в то время как «компетенция» является одной из составляющих «компетентности».

Вслед за Р. П. Мильрудом, Ю. В. Фроловым и Д. А. Махотиным под компетентностью мы будем понимать комплексный личностный ресурс, результат подготовки выпускника вуза, используемый для выполнения деятельности в определенных областях, компетенциях [6, с. 35; 7, с. 36]. А под термином «компетенция» – знания, умения и навыки, формируемые в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению какой-либо деятельности (Э. Г. Азимов, В. Ландшеер, Ю. Г. Татур, В. М. Шепель).

Н. А. Петровская выделяет пять основных элементов в структуре формирования компетенции:

- 1) готовность личности к актуализации компетенции;
- 2) знания;
- 3) опыт использования знания;
- 4) развитие отношения к тому, что узнали, развитие компетенции далее;
- 5) превышение компетенции, т.е. ее переход в компетентность [8]. Таким образом, формиро-

вание компетенций – это длительный процесс, предшествующий сформированности компетентности.

В ходе работы программы TUNING, в которой приняли участие более 100 университетов из 16 стран, было выделено несколько групп компетенций: 1) общие компетенции: инструментальные, межличностные, системные; 2) специальные (профессиональные) компетенции [9].

В то же время В. И. Байденко разделяет компетенции всего на две группы, выделяя среди них универсальные (характерные для всех специальностей) и предметно-специализированные (профессиональные). К первому типу компетенций относят: ценностно-смысловой ориентации, политико-правовые, в сфере личной и общественной экологической безопасности (здоровьесбережение), в сфере самостоятельной познавательной деятельности, социального взаимодействия [10, с. 16].

На основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) 2014 нами были выделены ряд ключевых компетенций будущих специалистов профиля «Перевод и переводоведение»: *информационная; коммуникативная; лингвистическая; социокультурная; прагматическая; стратегическая; дискурсивная; социолингвистическая* [11].

Анализ существующих ФГОС ВПО свидетельствует о том, что в стандарте по направлению подготовки «Перевод и переводоведение» отсутствует этимологическая компетенция, которая является важнейшим фактором, обеспечивающим профессиональную деятельность переводчика. С нашей точки зрения, в основной перечень необходимых компетенций будущего специалиста сферы перевода и переводоведения необходимо включить этимологическую составляющую.

К сожалению, изучению этимологии не уделяется должного внимания при обучении иностранному языку, вследствие чего при переводе студенты не могут определить происхождение слова, его исходное значение, найти этимон, проанализировать, откуда и в какой период оно было заимствовано (или оно является исконным для данного языка), что зачастую вызывает ошибки в использовании, интерпретации и переводе лексики. Для многих современных языков характерно наличие ряда синонимов, которые имеют небольшие различия в использовании. Очень часто эти различия обусловлены их происхождением, а также первоначальным значением в языке,

из которого слово было заимствовано. Такие термины, как *lawyer, attorney, solicitor, barrister*, переводятся на русский язык как адвокат, тем не менее каждый из этих терминов имеет более узкое значение в английском языке.

У исконно английского термина *lawyer* самое общее значение из всех – адвокат, термин *solicitor* имеет латинские корни, произошел от латинского *sollicitus, agitated* (взволнованный, возбужденный); от *sollus – whole, entire* (целый, полный) + *citus – aroused* (возбужденный, пробужденный) от *ciere – shake, excite, set in motion* (сотрясать, возбуждать, привести в движение, сдвинуть с мертвой точки).

В современном английском *solicitor* означает «подготавливающий дело для барристера и выступающий только в судах низшей инстанции». Таким образом, значение данного термина не утратило связь с его этимологией, т.е. это человек, дающий ход делу, занимающийся делом с самого начала. Термин *attorney* является одним из терминов римского права. Он произошел от латинского *attornatus*, значение которого не сильно изменилось со временем, так как латинский синоним означает «заместитель, доверенное лицо, агент», а современный термин переводится как «поверенный (в суде), доверенное лицо, адвокат». Термин *barrister* произошел от латинского слова *bar*, которое начиная с XIV в. было синонимом слова *court – «суд»*. А сам термин *barrister* имел значение «студента-юриста, которого “позвали” в суд». В настоящее время данный термин имеет значение «адвокат, имеющий право выступать в Верховном суде».

Знание этимологии позволяет понять глубинный смысл отдельного слова и высказывания целиком, что приводит к подбору более адекватных эквивалентов в языке перевода. С точки зрения итальянского языковеда В. Пизани, начало этимологии положено в диалоге Платона «Кратил», в котором ставится вопрос о том, «присуще ли вещи ее собственное имя, неизменное, прирожденное, изменяя которое мы допускаем ошибочное наименование ее, или каждое употребленное людьми слово является результатом договоренности и не принадлежит по природе обозначаемой вещи» [12, с. 11]. Позже латинский грамматист Варрон определил этимологию как часть грамматики, которая изучает *cur et unde sint verba* («почему и откуда явились слова») [12, с. 26]. Считается, что впервые этот термин употребил Хризипп [13, с. 286]. В древности этимологией называли учение об «истинном» (т.е. первоначальном) значении слова [14, с. 6]. Термин «этимология» – греческого происхождения,

состоящий из двух корней: *etymon* – истинное значение, этимон и *logos* – слово, в настоящий момент обозначает: 1) раздел языкознания (исторического), посвященного исследованию первоначальной словообразовательной структуры слова и выявлению элементов его древнего значения; 2) научно-исследовательская процедура, направленная на раскрытие происхождения слова, а также результат этой процедуры [15, с. 73]. Предмет изучения этимологии – лексика, все слова языка (языков), встречающиеся в древних и новых текстах, нарицательные и собственные [15, с. 73].

Несмотря на то, что развитию этимологии как науки в нашей стране не всегда уделялось должное внимание, еще в XIX в. К. Д. Ушинский использовал знание этимологии на уроках русского языка в школе. П. Я Черных обратил внимание на то, что крупнейшие русские этимологические лексикографы (Ф. С. Шимкевич, Н. В. Горяев, А. Г. Преображенский) не были представителями академической науки, языковедами-профессионалами, работниками научных учреждений: Ф. С. Шимкевич учился в Киевской духовной семинарии, был некоторое время библиотекарем в Киеве, потом служил мелким чиновником в Петербурге; Н. В. Горяев – тифлисский учитель; А. Г. Преображенский – преподаватель Московской 4-й гимназии. Таким образом, и словарь П. Я. Черных был задуман как справочное пособие по этимологии для преподавателей русского языка и литературы в вузах и средней школе [14, с. 87]. В советской методике о необходимости этимологического анализа первым поднял вопрос А. В. Текучев в книге «Методика грамматического разбора» в 1939 г. Спустя 10 лет вышло пособие Н. П. Каноникиной о словарной работе, в котором важное место автор отводит этимологическому анализу. С середины 50-х гг. XX в. опубликованы работы Н. М. Шанского, И. В. Прониной, С. И. Ольгович, Л. А. Глинкиной, Т. В. Ванюшечкина и др., посвященные использованию этимологического анализа в школьном преподавании [14, с. 87].

Следует отметить, что в то время этимологический анализ использовался в основном при обучении орфографии. Тем не менее при подготовке переводчиков знание этимологии играет важную роль при формировании переводческой компетентности, а также входящих в ее состав информационной, коммуникативной, лингвистической, социокультурной, прагматической, дискурсивной, стратегической и социолингвистической компетенций. Кроме того, с нашей точки зрения, в состав переводческой компетентности следует включить этимологическую ком-

петенцию. Под ней мы понимаем способность обеспечивать адекватность перевода на основе учета приобретаемых знаний о происхождении общеупотребительных слов и терминов, а также об их функциональных особенностях и первоначальном значении [16, с. 57].

Следует отметить, что знание этимологии и умение проводить этимологический анализ могут помочь будущим переводчиком избежать ошибок, подобрать более точные эквиваленты в языке перевода и сэкономить время на использовании словарей.

В английском языке существуют такие слова, как *downtown* и *uptown*, которые вызывают трудности при переводе у студентов, так как не имеют полных эквивалентов в русском языке. Например, при переводе выражения из диалога «We arranged to meet downtown» студент использовал вариант «Мы договорились встретиться в городе, внизу», который, во-первых, не передает смысла самого слова *downtown*, а во-вторых, не является корректным с точки зрения русского языка. Следует отметить, что оба этих слова состоят из двух корней *up*, *down* и *town*, и их значение мотивировано. Поэтому при проведении должного этимологического анализа, основанного на значении и происхождении данных слов, можно найти наиболее полный эквивалент, подходящий по контексту. Слово *uptown* использовалось в английском языке с 1802 г. для обозначения более высокой части города, возвышенности, расположенной вдали от центра, окружающей город, на которой жили феодалы. В то время как *downtown*, напротив, обозначает тот самый центр, вокруг которого была расположена возвышенность с жилыми кварталами, т.е. коммерческий и промышленный центр города. Кроме того, с 1946 г. слово *uptown* зачастую используется для обозначения более престижных жилых районов города. Таким образом, только на основе учета этимологической составляющей данных слов можно подобрать наиболее адекватные эквиваленты этих слов, исходя из предложенного контекста.

Одна из наиболее часто встречающихся ошибок при переводе у студентов – это выбор эквивалента в русском языке, наиболее близкого по звучанию. Например, при переводе текста о двух девушках-подругах, работавших «at the same department», 90% в качестве перевода слова *department* выбирают департамент, хотя речь идет о магазине, и данный вариант перевода не является эквивалентом английскому *department*. При проведении этимологического анализа можно сделать вывод, что значение департамент не является основным, кроме того,

существует ряд других значений этого термина, и вариант перевода следует подбирать, исходя из контекста, при этом обращая внимание на тот факт, что данное слово имеет латинские корни, состоит из двух частей *de* и *part* и означает «часть целого». Таким образом, в зависимости от того, о каком учреждении идет речь, слово *department* следует переводить по-разному, исходя из того факта, что это часть, отделение, составляющая данного учреждения. Поскольку девушки в предложенном тексте работали в магазине, наиболее подходящим вариантом перевода было бы слово *отдел*.

Перевод некоторых слов вызывает трудности в силу того, что в русском языке оно не имеет эквивалентов и приходится использовать описательный перевод. В силу отсутствия эквивалентов и непонимания истинного значения и происхождения слова студенты стремятся сделать описательный перевод наиболее кратким, жертвуя при этом смыслом. Так при переводе слова *commuting*, которое означает «дорогу на работу и домой», 50% студентов сократили его значения до «дорога домой», что исказило смысл предложения «So the traffic will be like in Bangkok where people spend four hours commuting every day». Это слово имеет латинские корни и было заимствовано для образования слова *commutation* в словосочетании *commutation ticket*, которое с 1889 г. означает сезонный билет, т.е. проездной на разные виды транспорта от латинского *commutare* – «часто менять, менять все вместе», т.е. «менять несколько видов оплаты на одну; соединять в одну». Таким образом, при проведении должного анализа и учете этимологии данного выражения студентам будет значительно легче осознать значение данного слова и подобрать адекватный эквивалент.

Зачастую студенты сталкиваются с необходимостью перевода специализированных текстов. В этом случае основную сложность вызывает перевод терминов и приходится тратить много времени на работу со словарем. Примером может послужить термин *indemnify* – «возмещать ущерб», произошедший от латинского *indemnis* – «целый, невредимый; облегчить собственноручно принесенную боль». Таким образом, при активизации знаний, полученных при изучении латинского, о значении этого и ему подобных терминов (учитывая, что в юридической, медицинской, лингвистической терминологии 90% терминов имеют латинские корни), можно догадаться и сэкономить время на использовании словаря.

Таким образом, на основании проведенного анализа ряда компетенций будущего специали-

ста профиля «Перевод и переводоведение», а также значения знания этимологии для понимания и перевода как отдельных лексем, так и текстов можно сделать вывод о необходимости формирования этимологической компетенции, включающей в себя знания о происхождении общеупотребительных слов и терминов, а также об их функциональных особенностях и первоначальном значении и умения использовать эти знания для обеспечения адекватности перевода. Овладение указанным видом компетенции происходит в тесной связи с другими видами компетенций. Этимологическая компетенция определяет успешность различных видов профессиональной деятельности: организационно-коммуникативной, информационно-аналитической, научно-исследовательской. Вышеуказанные факты свидетельствуют о необходимости разработки специальной системы подготовки будущих переводчиков, направленной на формирование этимологической компетенции.

Список литературы

1. Хомский Н. Язык и мышление / под ред. В. В. Раскина ; пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. М., 1972. 122 с.
2. Компетентностный подход в педагогическом образовании / под ред. В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой, А. П. Тряпициной. СПб., 2005. 391 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / 4-е изд., доп. М., 1997. 944 с.
4. Большой словарь иностранных слов / ред. С. М. Локшина, В. Ф. Корицкий. М., 1998. 771 с.
5. Шилов С. Е., Кальней В. А. Школа : мониторинг качества образования. М., 2000. 320 с.
6. Мильруд Р. П. Компетентность в изучении языка // Иностранные языки в школе. 2004. № 7. С. 34–40.
7. Фролов Ю. В., Махотин Д. А. Компетентностная модель как основа оценки качества подготовки специалистов // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 34–41.
8. Петровская Н. А. Компетентность в общении. М., 1999. 216 с.
9. Настройка образовательных структур в Европе. URL: <http://www.let.rug.nl/TuningProject/index.htm> (дата обращения: 05.03.2015).
10. Отчет по проекту «Совершенствование структуры ГОС ВПО на основе компетентностной модели выпускника и разработка информационной технологии их проектирования» / науч. рук. Н. Н. Кузьмин. СПб., 2005. 239 с.
11. ФГОС ВПО 035701 Перевод и переводоведение 2010. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/57/20110322140125.pdf> (дата обращения: 08.04.2015).

12. Пизани В. *Этимология : история – проблемы – метод*. М., 1956. 188 с.
13. Абаев В. И. О принципах этимологического исследования // *Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков*. М., 1956. 324 с.
14. Шелепова Л. И. *Русская этимология : теория и практика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. 128 с.
15. Большая энциклопедия : в 62 т. Т. 61. М., 2006. 592 с.
16. Николаева О. С. *Методика обучения переводу научных текстов на основе учета этимологической составляющей терминов : дис. ... канд. пед. наук*. М., 2010. 215 с.
4. *Bolshoy slovar inostrannykh slov*. Reds. S. M. Lokshina, V. F. Koritskiy (Big Dictionary of Foreign Words. Ed. by S. M. Lokshina, V. F. Koritskiy). Moscow, 1998. 771 p.
5. Shilov S. E., Kalney V. A. *Shkola: monitoring kachestva obrazovaniya* (Monitoring of education quality). Moscow, 2000. 320 p.
6. Milrud R. P. *Kompetentnost v izuchenii yazika* (Competence in Language Learning). *Inostrannie yazyki v shkole* (Foreign Languages at School), 2004, no. 7, pp. 34–40.
7. Frolov Yu. V., Mahotin D. A. *Kompetentnostnaya model kak osnova otsenki kachestva podgotovki spetsialistov* (Competence Model as a Principle for Estimation of the Training Specialists' Quality). *Vysshee obrazovanie segodnya* (Higher Education Today), 2004, no 8, pp. 34–41.
8. Petrovskaya N. A. *Kompetentnost v obshchenii* (Competence in communication). Moscow, 1999. 216 p.
9. *Nastroyka obrazovatelnih struktur v Evrope* (Adjustment of education structures in Europe). Available at: <http://www.let.rug.nl/TuningProject/index.htm> (accessed 5 March 2015).
10. *Otchet po proekty «Sovershenstvovanie struktury GOS VPO na osnove kompetentnostnoy modeli vypusknika I razrabotka informatsionnoi tehnologii ih proektirovaniya»*. Nauch. ruk. N. N. Kuzmin (Report on the project «Perfection of the structure FSES of higher education based on the competence model of a graduate and working out of their projecting informative technology»). Academic advisor. N. N. Kuzmin). St.-Petersburg, 2005. 239 p.
11. *FGOS VPO 035701 Perevod i perevodovedenie 2014*. (FSES of Higher Education «Translation and Translation Studies» 2014). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/57/20110322140125.pdf> (accessed 8 April 2015).

**The Essence and Content of the Notion
«Etymological Competence»
Relating to Professional Training
of «Translation and Translation Studies» Students**

O. S. Nikolaeva

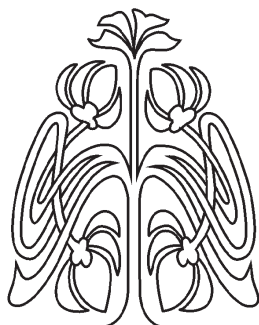
South-West State University
94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia
E-mail: olya.nikolaeva.1985@mail.ru

The article is devoted to the problem of the etymological competence formation. Different approaches to the notions «competence» and «competency» are considered and various classifications of competences made by different scientists are given. The author distinguishes the major competences relating to the professional training of «Translation and Translation Studies» students based on FSES of Higher Education and justifies the necessity of putting the etymological competence in this list. The author gives examples of students' common mistakes made in the translation process caused by unawareness or neglect of the etymology of the word under translation. The conclusion about the necessity of working out the special system of professional training aimed at etymological competence formation is made.

Key words: etymological competence, competency, etymology, translator's professional activity, etymological analysis.

References

1. Chomskiy N. *Yazyk i myshlenie*. Pod. red. V. V. Raskina; per. s angl. B. Yu. Gorodetskogo (Language and Thinking. Ed. by V. V. Raskin; transl. from engl. by B. Yu. Gorodetskiy). Moscow, 1972. 122 p.
2. *Kompetentnostniy podkhod v pedagogicheskom obrazovanii*. Pod red. V. A. Kozyreva, N. F. Radionovoy, A. P. Tryapitsinoy (Competence Approach in Pedagogical Education: Multi-authored monograph. Ed. by. V. A. Kozyrev, N. F. Radionova, A. P. Tryapitsina). St.-Petersburg, 2005. 391 p.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy*. 4 izd. dop. (Explanatory dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological units. 4th expanded ed.). Moscow, 1997. 944 p.
4. *Bolshoy slovar inostrannykh slov*. Reds. S. M. Lokshina, V. F. Koritskiy (Big Dictionary of Foreign Words. Ed. by S. M. Lokshina, V. F. Koritskiy). Moscow, 1998. 771 p.
5. Shilov S. E., Kalney V. A. *Shkola: monitoring kachestva obrazovaniya* (Monitoring of education quality). Moscow, 2000. 320 p.
6. Milrud R. P. *Kompetentnost v izuchenii yazika* (Competence in Language Learning). *Inostrannie yazyki v shkole* (Foreign Languages at School), 2004, no. 7, pp. 34–40.
7. Frolov Yu. V., Mahotin D. A. *Kompetentnostnaya model kak osnova otsenki kachestva podgotovki spetsialistov* (Competence Model as a Principle for Estimation of the Training Specialists' Quality). *Vysshee obrazovanie segodnya* (Higher Education Today), 2004, no 8, pp. 34–41.
8. Petrovskaya N. A. *Kompetentnost v obshchenii* (Competence in communication). Moscow, 1999. 216 p.
9. *Nastroyka obrazovatelnih struktur v Evrope* (Adjustment of education structures in Europe). Available at: <http://www.let.rug.nl/TuningProject/index.htm> (accessed 5 March 2015).
10. *Otchet po proekty «Sovershenstvovanie struktury GOS VPO na osnove kompetentnostnoy modeli vypusknika I razrabotka informatsionnoi tehnologii ih proektirovaniya»*. Nauch. ruk. N. N. Kuzmin (Report on the project «Perfection of the structure FSES of higher education based on the competence model of a graduate and working out of their projecting informative technology»). Academic advisor. N. N. Kuzmin). St.-Petersburg, 2005. 239 p.
11. *FGOS VPO 035701 Perevod i perevodovedenie 2014*. (FSES of Higher Education «Translation and Translation Studies» 2014). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/57/20110322140125.pdf> (accessed 8 April 2015).
12. Pizani V. *Etimologia: istoria – problemy – metod* (Etymology: history – problems – method). Moscow, 1956. 188 p.
13. Абаев В. И. О принципах этимологического исследования (About principles of etymological research). *Voprosy metodiki sravnitelno-istoricheskogo izucheniya indoevropskikh yazykov: koll. monogr* (Issues of methodology of comparative-historical studies of indo-European languages: multi-authored monograph). Moscow, 1956. 324 p.
14. Shelepova L. I. *Russkaya etimologia: teoria i praktika: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy*. 2 izd., ispr. i dop. (The Russian etymology: Theory and practice: text edition for higher educational establishments students. 2nd expanded ed.). Moscow, 2007. 128 p.
15. *Bolshaya entsiklopediya*: v 62 t. Т. 61 (Big Encyclopedia: in 62 vol.). Moscow, 2006, vol. 61. 592 p.
16. Nikolaeva O. S. *Metodika obucheniya perevody nauchnih tekstov na osnove ucheta etimologicheskoy sostavlaushchey terminov*: dis. ... kand. ped. nauk (Methodology of scientific texts translation teaching based on taking into consideration terms etymology: thesis ... cand. of pedagogical sciences). Moscow, 2010. 215 p.

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2016 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36014.
Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru